

М. Б. Кашин

***Ручейки
сливаются
в реки***

Самара
2005

Кашин М.Б. Ручейки сливаются в реки. Самара, 2005. 186 с.

В оформлении обложки использована фотография Константина Чарковского.

Уважаемый читатель! Перед Вами необычная книга, написанная хирургом-педиатром Михаилом Борисовичем Кашиным. Появление ее связано с трагическими событиями в его жизни. Болезнь оторвала его от повседневной работы в клинике медицинского университета, где он снискал себе славу замечательного хирурга. Мне не раз довелось слышать от многих самарцев, что своим отношением к больным Михаил Борисович напоминает земских врачей, которые внесли во второй половине XIX–начале XX вв. громадный вклад в здравоохранение Самарской губернии.

Материалы книги свидетельствуют о разносторонних интересах доктора Кашина. По существу, он пытался рассказать не только о своей семье, своих увлечениях. В его этюдах предстают живописные уголки самарской природы. Он остро ощущает красоту окружающего мира и пытается передать свои эстетические чувства тем, кто будет читать эту книгу. Эта любовь к природе не является случайной для Михаила Кашина. Она передана ему на генетическом уровне от родителей. Его отец Борис Михайлович конструировал станки, он был изобретателем-самоучкой, художником. На токарном станке изготавливал вазы из дерева, изготавливал разные рамы для картин. Его мать Вера Александровна – устраивала в семье праздники для детей. Вероятно, она привила ему любовь к художественному слову, к живописи.

Почитатель и поклонник выдающихся композиторов (в его коллекции грампластинки Чайковского и Грига, Штрауса и Бетховена, Листа и Рахманинова), художник–эстет (в его библиотеке десятки альбомов живописи), страстный путешественник, увлекающийся рыбной ловлей и сбором грибов – вот далеко не полный перечень увлечений Михаила Борисовича.

Книга доктора Михаила Кашина интересна и тем, что она фактически воссоздает повседневную жизнь одного из представителей Самарской интеллигенции теперь уже минувшего XX века. Автор дает срез жизни 60-х–80-х гг.: для многих «золотого века», когда все было стабильно...Надеюсь, что записки самарского интеллигента найдут отклик в сердцах жителей Самарского края и всех, кто познакомится с этой книгой.

Профессор Петр Кабытов.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Вы, наверное, замечали, что люди – кто как ручеек, кто – маленькая речка. У кого-то нет постоянного направления, у кого-то глубокое, пробитое тысячелетиями русло. В Австралии полно криков – речек, полноводных весной и пересыхающих летом. Все эти ручейки сливаются, образуя реки. Реки, тоже сливаясь, впадают в другие. И вот уже течет такая полноводная река, как Волга. Если продолжать сравнивать, то Волга – это судьба целого народа. Нет Волги без речек и ручейков, впадающих в нее. Нет народа без судьбы каждого человека, входящего в него. Конечно, бывают судьбы вроде ручейков, маленькие, незаметные, вроде совсем бесполезные. Бывают судьбы, как речки с руслом, притоками, они крутят мельничные жернова, турбины электростанций. Одним словом, приносят огромную пользу. Я понимаю, что нельзя сравнивать Ростроповича с каким-то Мишкой Кашиным по их пользе для народа, но, чтобы текла Волга, нужен и этот, и тот. Судьбы бывают разные, но чтобы не превратить природу в сплошную пустыню, необходимо знать каждую.

Впрочем, это все лирика. Просто я самоуверенно решил, что для моих ровесников, может быть, для краеведов, да и вообще, для людей, живущих в мое время, будут интересны мои воспоминания.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ОДНА ГЛАВА ИЗ БИОГРАФИИ МОЕГО ДЕТСТВА

С чего все началось?

Только отгремела большая война. Вынашивая меня, мать питалась в основном картошкой, а семья жила еще на карточки. Работал только отец. Я очень любил папу и все, связанное с ним.

Некоторые утверждают, что помнят многое с двухлетнего возраста. Я же не столь оригинален, и все мои ранние воспоминания относятся годам к трем-четырем.

Я в своей жизни довольно много читал. Были и захватывающие книги, и изрядно скучные. Мне особенно нравились книги, абсолютно приближенные к реальной жизни. Как ни странно, ими оказались фантастические произведения Артура Кларка «Лунная пыль» и книги нашего земляка Кира Булычева «Перевал» и «Поселок». Самым скучным произведением мне показался роман Анатоля Франса «Остров пингвинов». Никогда не изучал правила написания книг, но прочтя роман Хемингуэя «Острова в океане», задумался. Оказывается, даже не очень содержательная книга становится крайне интересной, когда самые захватывающие события как бы вкраплены в рутину обычного описания.

Как бы то ни было, пора начинать. Я часто задумываюсь, из чего состояла моя жизнь? Если подойти к этому вопросу по-научному, точно, то это детство, вернее, ощущения детства, природа мест, где я жил, и рыбалка; конечно, работа, которой предшествовала учеба, и вечная жажда любви. Совершенно потерянным временем была служба в Армии, но именно она вспоминается особенно часто.

География моего детства

Мы жили в типично заводском доме. Все взрослые работали на одном заводе. Дети же, общаясь со сверстниками, жизнью, обстоятельствами, резко расслоились и выбрали свои дороги. Одни стали Героями Советского Союза, другие прочно осели в местах не столь отдаленных. И как бы в промежутке стали рабочие, предприниматели, инженеры, врачи, спортсмены. Была жизнь дворовая и «за домом». Двор этот был особым коллективом. Там были свои хулиганы, маменькины сыночки и основная масса – обычная, шаловливая, часто жестокая детвора. Но об этом в свое время.

Мы жили еще в Куйбышеве, на углу Самарской и Полевой, в домах, где была юридическая консультация и гастроном. Я еще помню, как перед домом, на самом углу стояла «американка», так звали тогда рюмочную; по Полевой сверху спускалась конная милиция с сине-красными подседельниками, а на самом углу, где поворачивал трамвай «четверка», был еще бревенчатый мостик через ручей. У нашего дома он превращался в довольно большой овраг. Трамваи тогда ходили по Самарской и только у школы №61 и пожарки на Самарской площади сворачивали на Галактионовскую. Наш овраг терялся на Полевом спуске и впадал в Волгу. Вся река между Чкаловской и Первомайской была забита плотами. Их все гнали и гнали, а бревна на берегу сваливали в высоченные штабеля.

Под Чкаловским спуском, где сейчас Дворец Спорта, была проходная дока и знаменитая в округе пивнушка. Ближе к Первомайскому спуску и заводу «КИНАП» располагался рыбоконсервный завод. По Полевой, ниже нашего дома, в два ряда тянулись бараки, из которых остро пахло керосином.

Мой отец любил природу и поэтому раза два-три в неделю таскал меня на берег Волги на плоты. Мне казалось, что долго мы

шли мимо бараков, мимо старых полуразвалившихся частных халуп. Перед самым берегом была Васина гора – так местные называли спуск к реке. Своим названием гора обязана Васе-дурачку, проживавшему неподалеку. До сих пор помнится запах промокших бревен плотов. Именно на плотках как-то вечером я первый и последний раз видел старинный пароход с огромным колесом на корме. Помню, он назывался «Алмаз», как рассказывал папа, из бывшего пароходного товарищества «Меркурий». На берегу валялись остовы большущих лодок. Опять же папа объяснил, что их в старину называли «завозни». На завозню раньше грузили якорь парохода, завозили, бросали, паровая лебедка на корабле подтягивала его метров на 30, и все начиналось сначала. Такое движение когда-то пришло на смену бурлацкой тяге.

Истоки

Мои предки со стороны отца жили на Оке, в Муромской деревне Сапун. Все мужики деревни на весну, лето и осень уходили подрабатывать бурлаками и матросами на Волгу. Мужики в роду дедушки со стороны отца тоже начинали бурлаками, а прадедущка дослужился даже до капитана.

Дед вырос в Сапуне и был заядлым лещевиком. Лещей он ловил на жерлицу из нитяной лески. Насадкой служили жирнющие черви-выползы, которых собирали по ночам.

Он первым нарушил семейную традицию и стал служащим в фирме братьев Крестовниковых – она делала свечи, глицерин и скупала сало по всей Волге. Головная контора предприятия находилась в Казани. «Эксплуататор», хозяин фирмы, ценил деда и подарил ему золотые часы с дарственной надписью. Часы до сих пор у меня. На крышке выгравировано: «Дорогому Михаилу Никаноровичу за безупречную двадцатилетнюю службу».

Бабка вспоминала, что частыми гостями в доме были татарские друзья. В те далекие времена водка была непопулярна и гостей потчевали чаем. В друзьях у деда был казанец Наиль Акзамович. И вот однажды бабуля встречала его у себя в доме. Когда они с дедом выпили самовар чая, гость пригорюнился и загрустил. На предложение поставить еще чайник гость ответил благодарной улыбкой. Конечно, пили спиртное и тогда. Так, в Казани, на фирме братьев Крестовниковых, извозчиков поили не обычным спиртом, а глицерином.

Дедушка был кристально честным сам и требовал этого же от других. После Октябрьской революции, в его доме на углу Самарской и Красноармейской, где дедушкина семья занимала первый этаж, расселились чекисты. А перед этим у всех охотников отобрали ружья. У деда был прекрасный «зауэр». Когда живший в его квартире чекистский начальник предложил выбрать на складе любое ружье, дед отказался и сказал, что ему чужого не надо.

Очень интересна история романа моего деда и моей бабушки. Лет в 28 после эпидемии холеры он остался вдовцом. В один час умерли его жена и сын. После этого он решил больше никогда не жениться. Поселился в доме своего друга, работавшего в отделе главного архитектора Самары. Жена архитектора выписала из Большой Глушицы свою родственницу – молодую девушку. Дед, когда увидел ее, сразу сказал, что она будет его женой. Два года ухаживаний кончились тем, что молодая барышня стала моей будущей бабушкой. Они прожили остаток жизни вместе и родили трех детей. Среди них был сын Борис, ставший моим отцом. Вся семья отца каждое лето бывала в Сапуне и новые хозяева дедушкиного родового дома их всячески привечали и говорили, что приехал хозяин усадьбы. Дед много рыбачил, ходили всей семьей за грибами. Умер он рано – в 50 лет.

Следующей в иерархической чреде рода Кашиных была моя бабушка Екатерина Игнатьевна. Бывает в подсолнухе зерно (семячко), вроде такое же, как все, черное, но сдвоенное. Так и она, родившись в селе Большая Глушица, только стала себя понимать, заявила: «Я в деревне жить не буду, буду городская».

Она первой косила, знала всю деревенскую работу, была везде первой, но чуть представится возможность, оденется в модные наряды – и уже в Самаре. Прекрасно каталась на коньках, ни в чем не уступала городским барышням. Отец ее, мой другой дедушка, которого я не застал, был не то чтобы кулаком, но, как тогда говорили, справным мужиком. Над его довольно большой семьей навис какой-то рок. Четыре раза горел дом. Другой бы пошел по миру, а он каждый раз отстраивался и даже постепенно всех трех дочек пристроил в городе. Правда, этому больше способствовала старшая из сестер – Катенька.

И снова о географии

Я мальчиком часто бывал в последнем доме бабули. Он жив и сейчас. Это единственный старый двухэтажный дом на правой стороне Рабочей улицы в промежутке между улицами Самарской и Галактионовской. Я не застал бабушку здоровой. Она последние пятнадцать лет была прикована к постели. Но помню ее сестер, которых я, маленький мальчишка, называл «бабушкины подружки». Они собирались по праздникам и всегда пели хором «недельку». До сих пор помню лестницу на второй этаж, сени, балкон, прихожую, кухню с большой русской печью, большущий зал и комнату бабушки.

Ранние религиозно-гастрономические воспоминания

Почему-то особенно вспоминаются Пасха и Масленица. На Пасху весь большущий дедов письменный стол был

установлен свячеными куличами, яйцами, сырной пасхой, булочками и конфетами.

Куличи были двух сортов – пышные и плотные. Мне больше нравились сдобные плотные куличи, облитые сахарной глазурью с вкраплением цветного горошка и пшена. Сначала ели всей семьей крашеные яйца. Соревновались, у кого после удара соседа останется целым яйцо. После подавали цейлонский чай, обязательно крепкий, ароматный, который фасовался тогда в небольшие пачки с зеленоватой этикеткой. Большие куличи разрезали, маленькие ели целиком. Я почему-то из каждого кусочка кулича выковыривал изюм, съедал кулич, глазурь с горошком и только после – изюм.

На Масленицу накрывали большой обеденный стол, собирались гости и вся семья. Стол был заставлен закусками: заправленной сельдью, судками с маслом, взбитыми с солью яйцами и сметаной. В центре стола стояла большая стопка блинцов. Она составлялась следующим образом: один из блинцов намазывался топленным маслом, другой – жидким подсоленным яйцом. Стопа состояла из восьми очень тонких блинцов и разрезалась ромбиками. Рядом красовалась сковорода со стопой просто намазанных топленным маслом блинцов. Не обходился стол без кувшина кислого молока и кучи розеток с разными вареньями. Позже, уже на даче, отец меня научил еще одному замечательному кушанью. Он заправлял салат из помидоров мелко нарезанным луком, обильно посыпал все перцем, солил и поливал постным маслом. Салат заворачивался в блинцы. Бывает, ешь, а сок от помидоров течет по губам. Некрасиво, но очень вкусно. Совсем забыл. На масленичном столе обязательно были конвертики из блинцов, фаршированные крученым мясом, творогом, зеленым луком с яйцом. Пальчики оближешь!

Истоки – вторая часть

В семье бабули были тетка Рая, ее дочь, с мужем Хамитом Шарафутдиновичем. Тетя нашла его в далекой башкирской деревне, где проходила практику после окончания института. Был еще их сын – Борис, в родне его звали Бутькой. Я еще помню, как его заставляли ходить со мной в станкозаводской клуб в кино. Хамит в быту почему-то назывался Владимиром Петровичем. Я очень любил своих тетку и дядю, называя их котом Базилио и лисой Алисой. Когда я приходил в их дом, на балконе, привязанные к цветам, всегда «росли» конфеты. Тетю я очень долго, наверно, до 12 годов, называл почему-то Лялькой. Хамит возился со мной и всегда чистил мне ботинки гуталином. Так продолжалось довольно долго, пока Бутька, после вереницы невест, не остановился на замечательной Зое, родившей ему Сашку. Имея своего кровного внука, ко мне в семье немного остыли.

Но я до сих пор помню атласы растений и бабочек, оставшиеся после деда, антологию Персидских сказок, три тома «Мужчины и женщины».

В жаркий летний полдень мы с Лялькой стелили в зале одеяло и валялись «на поле».

Зимой я очень любил, когда для тепла квартиру обогревали высокой круглой печью, называемой «голландкой». На чугунной ее дверке был изображен Георгий Победоносец, но я его упорно называл Макарка. Мне очень нравилось, как вначале загорались тонкие лучины, а от них – поленья. Печка гудела, дрова потрескивали и пылали голубоватым пламенем. В квартире сразу начинало пахнуть немного горелым и березовыми дровами. Я мог очень долго сидеть у печки и смотреть на языки пламени. Где-то в 65 году дровяное отопление сменили на газовое.

Как-то на Рабочей рубили капусту. Притащили огромное корыто, две тямки и бочку, все обдали кипятком. Вилки капусты

разрезали, доставали кочерыжки, которые мы, ребяташки, поедали с большим аппетитом. Когда капусту нарубили, напробовались, бочку прикрывали марлей и откатывали кваситься в сени. Я и сейчас на базаре выбираю рубленную, а не шинкованную соленую капусту – считаю, что шинкуют только ленивые хозяйки. Интересно, как обеззараживали бочки. Не чайничным кипятком, а накаливали докрасна пару булыжников и кидали в бочку с водой. Этими же заново раскаленными булыжниками потом придавливали кружки над капустой.

Отступление

Я был уже двенадцатилетним, когда прослышали в семье, что с мальчишками я ругался матом. Лялька решила побороться с этим явлением своим способом. Дав бумагу и карандаш, она заставила меня написать все ругательские слова, поставила на стол большущую сковороду, смяла на ней и подождала с четырех сторон мою писанину.

Топография моего детства

Как сейчас помню дорогу на Рабочую улицу. Ходили по Самарской мимо частных домов, кроватной фабрики. На углу Чкаловской в подвале был кооперативный магазин. На Самарской площади гудел рынок. Базар был поделен надвое. Та половина, что от Самарской к Волге, была продуктовой, а выше продавали корма и всяческую живность. За Самарской площадью было большое здание авиационного института, богато иллюминированное по праздникам, а напротив – еще царская баня.

Прошло много лет, сейчас вместо авиационного института – торговый центр «Вавилон», а закрытая баня на Ульяновской превращена в учреждение ритуальных услуг. Из примечательных зданий дальше были красивый купеческий особняк, ныне Дом

писателей, дом с «особстроевским» магазином, где мне почти всегда покупали томатный сок по 10 копеек. Сок можно было солить самому из банки с ложечкой, заполненной солью. На углах Рабочей и Самарской стояли очень красивое здание школы и «grimбергский» дом. Поворачивали на Рабочую и шли напротив трикотажной фабрики, пока не доходили до двухэтажного здания с аркой с адресом «Рабочая, дом 16, квартира 1». Там и жила семья Кашиных, Терегуловых.

Об одном из революционных праздников

В раннем детстве помнишь не только события, но еще и ощущения. Почему-то мне запомнилось одно утро. Это был Первомай. Родители собирались на демонстрацию, а я выбежал во двор. Было необычное ощущение свежести, легкого весеннего ветерка и множества солнца. Солнце было повсюду: и на доме, и на земле, и на сараях, которые занимали всю середину двора. Весь светился от солнца двухэтажный сарай Палыча – единственного в доме, имевшего лошадь. Мы, мальчишки, обычно поджидали его приезда, и он катал нас по двору. Но сейчас не хотелось ни кататься, ни лазать по сараям, ни драться с соседней детворой – все мысли были о демонстрации. Вот вышли наряженные родители, взяли меня за руки, и мы пошагали по праздничному городу. Везде множество людей, на Самарской формируются колонны Сталинского района. Везде на углах продают флажки, семечки, пробковые пистолеты, петушков на палочках (моя несбыточная мечта). Моя мать сомневалась в гигиене их изготовления, и мне их не покупали. Также мне были заказаны «ути-ути» – свистулька, соединенная с воздушным шариком. Они везде пронзительно свистели, слышался грохот от пробковых пистолетов. Я выцыганил флажок и шарик на резинке, после чего забрался папе на плечи, откуда не слезал почти всю дорогу. Наш

путь – до угла улиц Братьев Коростелевых и Красноармейской, где собиралась колонна станкозавода. Я уже знал, что мой папа работает на уникальном, точном немецком станке «Линднер», и это переполняло меня гордостью за отца. Добавлялось и то, что с папой все здоровались и обменивались рукопожатиями. Нельзя сказать, что все были пьяными, но от народа веяло каким-то весельем. Это сейчас демократы говорят, что всех стогнали в колонны, а я думаю, что этот праздник был чем-то вроде клуба более или менее единомышленников. Во главе колонны шел изукрашенный грузовик, и родители пристраивали малышню в кузов. Каждый попавший туда был очень доволен и горд. Звучала музыка, там и сям выкрики, «Катюша», «Синий платочек» сменялись «Варшавянкой». В три больших ручья люди стекались на площадь Куйбышева. Неважно, кто кричал с трибуны, но сколько раз нашему заводу – было для нас очень важно.

Кончалась площадь, еле двигая ногами, пробирались домой, а там уже ждал накрытый стол. Вареная картошка, капуста, соленые помидоры, огурцы, консервы, и обязательно в томате. Мы, ребята, не то что от бедности, но не ели консервы в масле. Моими любимыми были «Сом», «Судак», «Ерш», «Щука», «Лещ». Считалось большим везеньем, если тебе выпадали рыбки косточки из консервов. Верх блаженства был тогда, когда тебе доставалось вымакать томат мякишем из банки консервов. Взрослые пили водку и вино, нам же доставалась крем-сода. Не скажу, что взрослые были искушены в напитках. Однажды одному начальнику цеха и мастеру в бутылку из-под коньяка налили старку, так они выпили и еще хвалили. Была колбаса копченая и вареная, но такой деликатес, как крабы, которыми были уставлены все полки в магазинах, нашим соседям и нам был не по карману.

Сосед, дядя Валя, немного пиликал на трофейной гармошке, и тогда над столом звучали и «Вальс цветов», и «Амурские волны»,

неслось пение «Ах, Самара-городок», «Самарские горчишники», опять же «Катюша». Мы же, пацаны, играли в войнушку, да так азартно, что, пытая соседа Кольку, я чуть не оторвал ему ухо. Игру навязали старшие ребята. Они пытали нас, малышей, а мы молчали. Я до сих пор помню этот случай. Мне радостно, что я молчал, когда меня пытали, но почему-то стыдно за то, что пытал.

Раннее детство

Мы с родителями занимали одну комнату в трехкомнатной квартире на втором этаже. Окна нашей комнаты выходили во двор. Из них были видны два ряда сараев в центре двора и один с краю, который примыкал к огромному сараю соседнего двора с двухскатной крышей. У папы всегда болело сердце, и он мог, застыв, часами сидеть за столом. Дважды его посылали в Кисловодск. Первый раз он поехал, когда мне было три с половиной года. Я очень ждал его приезда. Наверное, были и меркантильные мотивы. Потому что, только он приехал, я бросился к чемодану. Немного помурывив меня, он достал заводного мотоциклиста. На двухколесной машине. Он был красный. Я был в упоительном восторге. Кроме этой игрушки у меня был заводной поросенок во фраке, цилиндре и с барабаном, по которому поросенок неистово стучал палочками. Были еще любимые игрушки: набитый ватой лев и огромная красная деревянная машина, которую на заводе сделал мне отец.

В то время у наших мальчишек на Самарской улице было модно зимой хвататься за борта проезжающих грузовиков проводочными крюками и скользить за ними на привязанных к валенкам спотыкачах. Моя мать не работала, следила за мной, и поэтому подобный спорт был не для меня. Может, из-за матери, меня во дворе называли «маменькин сынок».

«Дрында» и другие самокаты

Вы знаете, что такое «дрында»? Прообразом ее, видимо, были финские сани. «Дрынду» делали из толстого пруткового железа. На один полоз вставляли одной ногой и другой отталкивались. Так как все спуски к Волге оканчивались круто, по ним носились еще на одном виде самоката. Зимой это была треугольная платформа на прибитых к ней коньках, а рулили подвижным коньком с ручками. Руль закреплялся на самом носу сооружения. Летом тот же самокат переделывали на колесный ход. В роли колес были шарикоподшипники. Они страшно шумели, и даже лихой гонщик с криком «Атас!» не мог перекрычать их шум. Когда по улицам активно побежали машины, количество разных самокатов резко уменьшилось.

Истоки. Часть третья

Совсем в другом месте, далеко от моей бабули, жили другие дедушка с бабушкой – родители мамы. Это были так называемые «серые дома». Они начинались от Сталинградского спуска и кончались у Оврага Подпольщиков с кольцом трамвая. Там разворачивалась «четверка». «Серые дома» состояли из четырех-пятиэтажных зданий, принадлежавших в большинстве своем заводу Масленникова, простому народу известному как 42 завод. Почему «серые», мне не известно до сих пор.

Дедуля был уже пенсионером. Большую часть жизни он отдал часовому заводу им. Масленникова. У него была дача на Поляне им. Фрунзе. В далекие времена ее называли Барбашиной поляной, о чем писала писательница Осеева в своей книге «Динка».

Дед был родом с Урала, из Златоуста. Их было четверо братьев. Один из них, Всеволод, был повешен из-за своего социал-революционного прошлого. Он и его друзья неудачно экспроприровали поезд с деньгами. Какое-то время он прятался от сы-

щиков в поленнице дров. Видимо, из-за ему подобных Постников овраг назвали Оврагом Подпольщиков. Второй дедов брат вышел из юнкеров, воевал в Средней Азии и дослужился до генерал-майора. Его звали дядей Юрой, и он жил в столице. Самым бедным из братьев был дядя Леня, жизнь его не задалась, он вечно болел, работал сторожем в санатории им. Водопьянова. Мама говорила, что все его несчастья начались еще с гражданской войны. Был он следственным комиссаром в 25 Чапаевской дивизии, был с Чапаевым во время его гибели, два дня отсиживался в болоте, прячась от белых.

Дед был любимцем дам и довольно умным человеком. В юности в Петрограде был начальником автомобильной школы, но от маузера отказался. Был дважды женат. Мою настоящую бабушку, которая родила ему трех дочерей, он взял с тремя сыновьями. Он провез семью по многим местам, организуя МТС. Во время одной из его командировок от тифа умерла его жена. Нянька убежала сразу. И три девчонки остались одни в большом доме, полном курсантов-красноармейцев. Они и подкармливали несколько дней девчонок. Вернулся в Ново-Девичье дед, похоронил любимую жену, уволился, и укатил в Куйбышев. Нанял новую няню, устроился на завод контрольным мастером. Моя мать и была старшей из сестер. Вскоре няня стала мачехой ребятам. Я уже знал Екатерину Федоровну как бабушку. Мамины сводные братья пошли каждый своей дорогой. Сережа стал политруком во время Великой Отечественной войны. Когда он взорвался на минном поле, мстить за него пошел пулеметчик Федя. При взятии нашими г. Бобруйска он застрелил много фашистов, и в расплату они еще живого изрубили его лопатками. Младший, Виктор, окончил ФЗУ и всю жизнь проработал токарем на 42 заводе. Вся семья много работала, чтобы сносно жить, выручала дача. Ба-

бушка по молодости была лихой торговкой. Она курила и продавала плоды садового земледелия.

Перед войной на завод им. Масленникова приехало много «часовых» специалистов из Швейцарии. Правда, многие из них после оказались портными, дворниками и другими рабочими.

Молодежь же всю веселилась. В доме у деда танцевали, пели. Дед был заядлым строителем. На даче он сам построил, правда, не закончив, два дома. Во время войны часто работал во вторую смену. Он всегда ходил с противогазной сумкой. И вот однажды, когда в сумке лежали зарплата и продуктовые карточки на месяц, на Барабашиной поляне в темноте на него напала местная шпана. «Не тронь его – это местный! Тот, что всегда ходит с противогазной сумкой», – раздался голос, видимо, главаря. Сумка, а с ней и зарплата, были спасены.

От детства не убежишь

Сегодня ночью не спалось, и как в кино, пробежала перед глазами вся жизнь – моя и моих близких. Кажется, что она однообразна, но сколько встреч, событий! Так что, если описывать, то, наверное, это будет надолго, если еще учесть, что из-за посетившей меня болезни пишу довольно конспективно. Итак, я продолжаю.

Здорово увлекшись, совсем забыл о себе. В жизни я хвастал, что давно никого и ничего не боюсь, но до сих пор один случай вызывает дрожь. Мне было годика три. Отец с друзьями поехал за Волгу, на пески. Взял и меня. Берег полого уходил под воду, так что вскоре я купался самостоятельно. Но на самой мели встречались ямы и промоины. Помню, зашел в воду и попал в ямку. Песок под ногами осыпался, я все глубже уходил под воду. Закричал из последних сил. Прибежал и вытащил меня папа. Когда он меня нес на берег, у него почему-то дрожали руки.

Знакомая мне топография города

Еще помню дорогу от нашего дома до «серых домов». Сначала трамвай бежал по Ново-Садовой мимо огромного «Дома сельского». Во время войны в нем жило много эвакуированных из Воронежа и Москвы. Дальше Первомайской, где слева возвышались уже «желтые дома», трамвай нырял в аллею кленов, тянувшуюся аж до Линдовской. По обе стороны дороги стояли дома частного сектора. На Линдовской дорогу пересекал паровозный путь со шлагбаумом. Два раза в день паровозы пыхтели на завод и трамваи дожидались, пока откроют путь. Дальше слева простирался 42 завод с новой и старой проходными. Справа была построена в стиле соцреализма Фабрика-кухня. Ее здание интересно тем, что, если на него посмотреть с воздуха, то получится серп и молот. Следующая остановка была «Сталинградская», а дальше справа начинался массив «серых домов». Мой дедушка жил на улице Часовой. На остановке «Осипенко» была еще одна забегаловка, или «американка». Вот и все.

На улице Первомайской, если подняться вверх мимо «Дома сельского», шумел так называемый малаканский садик с двумя беседками, прудом и дорожками. В одной беседке располагалась библиотека, в другой – игротка. Взрослые брали шахматы и домино, а дети развлекались, как могли.

У нас, на улице Полевой, если подниматься вверх, была биржа, а напротив – 32 женская школа. Справа до Арцыбушевской стояли ряды частных домов, а выше школы целый квартал тянулась бывшая земская больница им. Пирогова. Мы с папой часто гуляли по Полевой до самого верха. Там располагался трампарковский садик, и я бегал в нем по бордюру фонтана. Мне достался от Кашиных по наследству трехколесный, еще царский, велосипед. Большое сидение было изукрашено под Па-

лех. Этот велосипед был моей гордостью и предметом зависти соседских мальчишек.

Родители старались чаще бывать со мной на природе. Ездили на заволжские озера. Однажды дед Соколов выбил для нас узкую полоску земли возле трамвайной линии на поляне им. Фрунзе. Там мы посадили сахарную свеклу, картошку и несколько кустов томатов. Интересно, что за всю летнюю и осеннюю пору никто не посягнул на наш урожай. Запомнилась мне эта эпопея потому, что в один из дождливых осенних дней пришлось тащиться до КАТЭКА пешком, так как не ходили трамваи.

Обкомовское житье

В 4 и 5 моих лет мы жили летом на Обкоме в брошенной усадьбе совхоза. Это было три дома, причем один полуразрушенный, 2 колесных трактора, борона и конные грабли. Позади домов зарастал кувшинками ерек. Из разрушенного дома остро пахло горелыми дровами и глиной. Мне очень нравился запах нагретых солнцем тракторов, от них пахло соляжкой и металлом. Наша семья занимала комнату в одном из уцелевших домов. Кроме нас там же жила семья моего друга детства Олежки. На другой половине дома жила местная семья со своим хозяйством. Каждый вечер к дойке меня посылали к ним со своей кружкой пить парное козье молоко. Прямо перед домами раскинулось огромное огородное поле, его арендовал для рабочих Станкозавод.

Ехали на Обком из города на длиннющем пароходе, переделанном из колесного буксира. Он громко гудел и в народе назывался «крокодил». Когда мы плыли до пристани «Обком», ныне поселок Гранный, отец водил меня в машинное отделение, где сверкали и вращались два огромных шатуна. Проезжая Коровий остров с нефтяными баками, папа рассказывал о страшном пожа-

ре на них сразу после войны. До сих пор на городском кладбище существует аллея погибших тогда пожарных.

Дорога от пристани шла сначала по пескам, после углублялась в лес. По пути надо было пересечь два озера. Там работала лодочная переправа. Дальше дорога шла по лугам. Выработывая во мне смелость, папа ловил ужей и заставлял меня их держать. Не скажу, что я трусишка, но до сих пор пресмыкающиеся вызывают во мне отвращение. Пройдя километра два от Волги, мы подходили к нашим домам.

На Обкоме моя мать более или менее дала мне свободу. Мы с моим другом Олежкой игрались с хозяйскими детьми, лазали по тракторам и часто убегали в луга. Мне запомнился один побег. На него нас подговорила соседская озорная Любка. Мы далеко ушли в луга до огромного заливного озера. Продрались через камыши, нашли чью-то плоскодонку, уселись и поплыли. У Любки была старшая сестра Валя, но она оставалась всегда в Любкиной тени. Мы плыли, кричали, пока из-за поворота не показалась лодка местного сторожа – дяди Романа. Он знаками пригрозил нам и вскоре лупанул дуплетом по стайке диких уток. Он проплыл, а Валька красивым, высоким голосом затянула модную тогда песенку «Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны...». Поели ворованных помидоров и вернулись уже к вечеру. Мать здорово бранилась.

По воскресеньям приезжали наши отцы. С Олежкиным папой, Николаем Ильичем, мы даже сумели завести один из тракторов. Он потарахтел, потарахтел и заглох. Одно воскресенье мы с мамой и папой отправились бродить по окрестностям. Гуляли по перелескам, лугам, пока не вышли к речке Татьянке. Маленькая, почти ручеек, она бежала через покрытые нефтью кусты тальника. По самой речке бежала нефть, это с Новокуйбышевского кре-

кинга сбрасывали в нее нефтепродукты. Вся природа вокруг словно вымерла. Не летали стрекозы и бабочки, не пели птицы.

Именно на Обкоме мне папа показал бабочку-махаона, богомола, научил различать птичьи голоса. А сколько в лугах мы поели щавеля!

Мы уже уехали с Обкома, стоял конец августа. На какой-то самоходке мы возвращались домой в город. Страшно хотелось пить, а вода кончилась. Папа сказал, чтобы я ел помидоры. Это был известный тогда сорт «спаркс». Никогда после не ел ничего вкуснее. Есть у степных помидоров, выросших почти без полива, ни с чем не сравнимый, чуть щиплющий вкус.

Страна строится

Шло время, страна после войны начинала строиться. Примерно в 1951 году достроили начатые еще до войны дома на Ново-Садовой между домом с юридической консултацией и Первомайской улицей. В этом доме был овощной магазин и гастроном; дом на верхней Полевой с книжным магазином; дом на левой стороне на Галактионовской между улицами Вилоновская и Ульяновская. Я говорю только о домах, которые сам знаю.

О жизни в пятидесятых

На улице Куйбышева в рыбном магазине все полки были уставлены банками с крабами, но купить их мог не каждый: кусались цены. В магазинах было много разных сортов колбас. «Докторская» удивляла вкусом и ароматом. Необычайно вкусна была и копченая «Киевская». Вообще, жили хотя и бедно, но сытно.

К 50-му году в трамваях, троллейбусах, на улицах было полно калек-нищих, многие из них были без ног и передвигались на

тележках с шарикоподшипниковыми колесами. Нередко в трамвай залезал такой калека и, пролезая через вагон, исполнял какую-нибудь жалостливую песню. Ему в шапку кидали деньги. Таких людей активно собирала милиция и отправляла в дома престарелых. К 1955 году на улицах нищих почти не осталось.

Было солнечное утро 1953 года. Меня послали в гастроном. Я шел по бордюру дороги. Последнее время мне стало отчаянно везти, почти каждый день я под ногами находил то 10, то 15 копеек, хватало на газировку. У нас на углу Полевой снесли «американку» и поставили трамвайную будку. В ней дежурила стрелочница и проверяла тормоза у всех «четверок», идущих вверх. И вот иду я, солнышко светит вовсю. В то время имя вождя было свято. И вдруг, какой-то пьяненький мужичонка идет по улице и во все корки ругает Иосифа Виссарионовича. Меня больше всего удивило, что его никто не хватает.

Ностальгия по трамваю

Что такое ностальгия? Это боль по прошлому. Или тоска. У меня недавно возникла тоска по старому трамваю. В нашем городе в пятидесятых годах ходили разные трамваи. Я совсем не тоскую по металлическим трамваям с автоматически закрывающимися дверьми, которые ходили на Безымянку. Это были дребезжащие железом спаренные вагоны желто-красной расцветки. Они бегали под третьим номером. Мы, мальчишки, их недолюбливали, так как на них нельзя было кататься на «колбасе», то есть на подножке. Я вспоминаю те трамваи, которые ездили в старом городе. Это были вагоны 4, 5, 7 маршрутов. Они сверкали своими деревянными боками, громыхали на стыках и, главное, манили своей «колбасой». На подножке было два деревянных поручня. Между вагонами натягивалась сжимающаяся на

поворотах решетка. Особым шиком считалось кататься на задних буферах трамвая – это-то и есть «колбаса».

Впереди у вагонов над окном вожатого светились два круглых фонаря различной окраски. По ним ночью уже издали можно было узнать, какой подходит трамвай. Так, два красных фонаря говорили, что это пятерка, а красный и желтый – семерка, два же желтых – четверка.

Над передними вагонами возвышался бугель в виде замкнутой дуги. Его в народе и называли дугой. От бугеля, сбоку от вагона, тянулась веревка, за которую вожатый мог опустить дугу.

Кресла в вагонах были из деревянной рейки, с одной стороны двойные, а с другой – одинарные. Особый интерес появился годам к десяти, когда мы научились прыгать на ходу. На поворотах или ближе к остановке самые нетерпеливые покидали трамвай. Нужно было опуститься на нижнюю ступеньку подножки, ухватиться за поручень, отвести тело вправо и назад и прыгать. Я сам учился прыгать на Осипенковском повороте, что в первый раз стоило новых сатиновых шаровар. Так вот, тогда я прыгнул неудачно. Ноги запутались, не справившись с инерцией, я упал и рассадил об асфальт коленку. Домой шел уже пешком и получил страшный нагоняй от матери.

Нужно было уметь и запрыгивать в трамвай на ходу. Бежишь рядом с трамваем, рукой ухватываешься за поручень, наклоняешься немного вперед и из последних сил прыгаешь. Мы быстро освоили науку, и прыгали с подножек и на них – надо и не надо.

Годкам к пятнадцати мы полностью освоили трамвай. В центре вагона было два ряда подвижных ременных ручек. Кондукторы даже предупреждали, чтобы все держались за ручки. Когда в вагоне не было кондукторов, самые тренированные крутили на ручках «солнышко». Тяжело было ездить на трамваях в час пик. Мало того, что набиты вагоны – все подножки, поручни и даже

решетки бывали облеплены людьми. Я помню, когда уже учился в институте, ехал на седьмом номере в город. Трамвай был переполнен и, несмотря на зимнюю пору, я болтался на подножке. Где-то в районе «Пушкинской» вагон круто повернул и я, не удержавшись за поручень, свалился в придорожный сугроб.

В шестидесятых появились более комфортные чешские трамваи, но в них нельзя было ездить на подножке. Мальчишеский народ и тут нашел выход из положения. У трамваев сзади был буфер из тавровой балки, а крыша нависала козырьком. Так вот, ездили на ступеньках буфера, держась за козырек крыши. Все было бы ничего, не появившись году в 61 на улицах милиционеры с дубинками. Я на себе однажды попробовал такую дубинку, когда болтался на «колбасе».

На даче у дедушки

В лето перед школой мы жили на даче у дедушки. Мама меня устроила в 32 школу, она первый год стала общей. На даче мы играли в дочки-матери с соседскими ребятами, устраивали концерты. На соседней даче жили сестры Люся и Ольга. Люська была постарше нас. У тети Кати, нашей соседки, была коза, она целый день паслась на линии. Вот эту козу Люська однажды подоила. Именно там, около нашей дачи, противный мальчишка Вадик заставлял меня курить и ругаться матом. Моя бабка притаилась в зарослях вишни и все слышала. Вот после этого случая меня и воспитывала моя «Лялька». Меня больше всего удивило, что бабка не выдала себя, а все рассказала моим родителям. В овраге на нашей линии я однажды нашел огромные «шоферские» часы и был целый день героем детворы.

У деда мы жили на сеновале у старого колодца. Дед показывал мне яблони, сливы, вишню. Однажды целую неделю шли дожди со страшными грозами. Папа научил меня любить грозу. Что-

бы определить, где ударила молния, нужно было время от вспышки до грома в секундах разделить на три и получишь расстояние в километрах. И тут я рассудил, что молния должна быть материальна. В свой сачок я насыпал земли, опустил в нее проволоку, а другой конец закрепил на крыше. Мысль была такова, что молния ударит в проволоку, по ней добежит до сачка, и я смогу рассмотреть, что она из себя представляет. Отец никак не прореагировал на мою выдумку, а дед ужасно рассердился и долго ругал меня.

Зимой мы катались во дворе на санках, я ходил в гости к Олежке (он жил в другом подъезде). Одно время у него жил в квартире голубь, потом родители купили кролика. Я же был лишен подобных удовольствий.

В 1953 году мать как-то ушла к соседям, живущим над нами. Я залез с дивана на шифоньер и играл, когда соседка тетя Нюся принесла пачку газет в траурной рамке. На всех газетах был портрет Сталина. Я принялся долбить палкой в потолок, прибежала мать, и я отдал ей газеты. Даже я, маленький мальчик, тогда понимал, что произошло что-то ужасное. Многие искренне плакали.

Елка

Маленькому мне всегда делали на Новый год елку. Елка, вернее сосна, всегда упиралась в потолок и была собрана из двух-трех обычных елок. Потолки в нашей квартире были высокие, и елка была шикарной. Мы жили довольно бедно, так как работал один папа и лет 16 платил алименты своей дочке от первого брака. Сонечка, его дочь, бывала в нашем доме, изумляя своей красотой. На елку собиралась детвора с нашего двора. Отец, обычно сдержанный и молчаливый, тут раскрепощался и играл вместе с нами. Он то наряжался японцем, то изображал из себя карлика, моментально превращающегося в великана. Каждого под

елкой ожидали подарки. В кульках были всевозможные конфеты, сладкий горошек, грецкие орехи и, обязательно, мандарины.

Школа началась

В тот год, когда я поступал в школу, в 1954, отменили раздельное обучение. Очень радовались девочки-соседки, бывшие уже старшеклассницами.

Я пошел в самую ближнюю к дому 32 школу. Она сама стояла на Полевой улице, а перед ней, ближе к Ново-Садовой, располагался большущий пустырь. В тот год ужасно горел двухэтажный дом, который на Полевой располагался как раз напротив нашего дома. Горел второй этаж, ветер дул в нашу сторону, и головешки почти долетали до нас.

У нас с Олежкой в раннем детстве были одинаковые цигейковые шубки. Мы оба были довольно упитанными. Так что дворовые звали нас медвежатами, а соседские пацаны – толстыми. И вот однажды, начитавшись Марка Твена, мы решили породниться, как Том Сойер с Гекльберри Финном – ели дворовую землю. У нас во дворе практически не было земли – сплошной шлак, так как во время войны дом отапливался своей кочегаркой. И я до сих пор вспоминаю, как он скрипел на зубах. Обошлось без поноса. Не знаю, может, из-за земли, мы дружим до сих пор. Такие же непримиримые оппоненты, и чуть сойдемся вместе, готовы сцепиться в серьезнейшем споре. Короче, мы друзья, видимо, на всю жизнь. Примерно за полгода до школы Олежка тяжело заболел. Он опаздывал в школу на четыре месяца, да еще был младше меня на 9 месяцев, но настоял, чтобы нас отдали в один класс.

Мы дружили с самого его рождения. Даже матери нас в колясках вывозили вместе. Но в основе нашей дружбы всегда был спор. Если я говорил «белое», он обязательно скажет «черное». Я мальчишкой даже придумал способ побеждать в споре.

Если мне было нужно что-то доказать, я другу нарочно говорил противоположное и все получалось, в конце концов, по-моему.

«Рекорд» – это радиоприемник

Очень мне в школе помог наш маленький, старый приемничек «Рекорд». Слушая его, я узнавал много нового. Было очень много детских радиопостановок. Это и «Семицветик», и «Доктор Айболит», и «Повесть про черную курицу», и «Мальчик из табакерки», и многое, многое другое. Приемник в наше время играл роль телевизора. Лет в шесть я уже знал, что лучше в розетку с электричеством не лазать. Поэтому, разумно отключив предварительно приемник, я залез в его святые святых. Раздался щелчок, мой дикий крик и слезы. Ноготь почернел и вскоре совсем отвалился. Так я познакомился с конденсатором.

Школа продолжается

Закружилась школьная жизнь. В школе было еще интереснее. Наша первая учительница Нина Николаевна Иванникова была не первой молодости, но очень красивая и строгая. Она всячески поощряла в нас зачатки интеллекта.

А дома начиналась мука. Меня заставляли пересказывать уроки, я подолгу срисовывал прописи. Пока я срисовывал прописи, все было ничего, а когда позже потребовалась скорость письма, хуже моего почерка не было во всем классе.

Мне очень нравились уроки пения – они проходили на первом этаже в актовом зале. Старенькая учительница, чтобы пробудить в нас интерес к музыке, каждый урок проводила викторины. Наградой были конфеты «Кис-кис». Благодаря нашему приемнику, я немного ориентировался в народной и классической музыке. Голоса же у меня не было никакого. Я с трудом пел вторым голосом, вернее раскрывал рот. На викторинах же я почти всегда по-

беждал, получал свою награду, и остаток урока с друзьями мы активно поглощали конфеты.

Город продолжает строиться

В это время город рос и заметно изменялся. Засыпали овраг на Полевой, трамвай теперь сворачивал мимо нашего дома с Ново-Садовой и дальше шел по Галактионовской.

Однажды мать послала меня за чем-то на базар, я думаю, за лаврушкой. Ее тогда продавали женщины в белых фартуках с множеством карманчиков. Из карманчиков торчали газетные пакетики с 5-10 листочками лаврового листа. Мне еще помнится, как на базаре торговали молоком. Его разносили женщины в похожих фартуках, но с большущими карманами, из которых выглядывали большие трехлитровые бутылки, называемые четвертями. Еще у каждой молочницы была в руках маленькая кружечка, из которой хозяйки пробовали молоко.

У деда на даче

Лето 1955 года мы опять провели у деда Соколова на даче. Я еще больше сдружился с соседской девчонкой, Люськой Зыковой, и ее компанией. Как-то организовали концерт. Мне достался стих из книги Медведева «Это было под Ровно». До сих пор его помню:

Солдат, похожий на свинью
Нас подвергает всех заразе,
В сырой воде всегда полно –
Бацилл, бактерий, вони, грязи!

Моя мать, истинный воспитанник сталинской эпохи, сразу же отругала меня и сказала, что наверное, не солдат, а боец скота. Я сейчас же перепроверил, и оказался прав.

В это же лето я ходил в магазин бабке за сигаретами. Она курила только «Дели», и я в поисках именно их часто покрывал большие расстояния. Сначала с 8 линии до кольца седьмого трамвая на поляне им. Фрунзе, потом в магазин почти у Волги на 9 просеке, а если и там не было, приходилось снова подниматься в маленький магазинчик поселка «Яблонька» – нынешний микрорайон «Строитель».

И вот однажды бреду я по Школьной и на кольце трамвая из груши столбового радио слышу, что раскрыта банда Маленкова, Булганина, Кагановича и примкнувшего к ним Шипилова. Все фамилии тогда были на слуху, ведь после Сталина первыми людьми в стране были Маленков и Булганин. С этой вестью я прибежал на дачу. И снова моя «сталинистка» – мать долго не верила, пока обо всем не прочла в газетах.

Начинается дачная эпопея

Еще одно знаменательное событие произошло в это лето 1955 года. От Станкозавода нашему папе предоставили дачный участок в 600 м² на массиве «Сорокины хутора». Папа и его коллеги сами выбирали участок земли. Это оказалась часть поля, засеянная люцерной сбоку от леса, тянувшегося до самой Волги. Дачи Станкозавода располагались между самими «Сорокиными хуторами» и выселками, которые именовались «Сорокинскими дачами». Сами хутора имели всего 20 домов. Я еще маленьким мальчиком завидовал соседскому пацану Кольке, потому что у него были родственники в деревне Бобровка Кинельского района. Теперь я тоже жил почти в деревне.

В лесу около наших дач находилось малюсенькое деревенское кладбище с покосившимися дубовыми крестами.

В тот год отец копал ямы для яблонь, привез рейки и столбы для забора. По полю часто пробегали лоси, а в лесу было полно

лис, ежей и кротов. Люди, почуяв хрущевскую «оттепель», вспомнили, что они хозяева, и сразу принялись городиться и воздвигать временные сараюшки. Мой папа в тот год выписал журнал «Садоводство» и активно поглощал знания из него и трех томов Мичурина. За год до этого события моя мать пыталась провозвести на свет сестренку Оленьку, но та родилась мертвой, а мама тяжело болела всю зиму 53-54 годов.

Страна мужает

А в это время крепла и строилась вся страна. Сначала Волжская ГЭС им. Ленина у гор Жигулевска, затем город Братск и Братская ГЭС на Ангаре. Все передачи по радио были только об этом. Новости перемежались русскими народными песнями, классикой. Тогда очень популярен был ансамбль сестер Федоровых с песней «Заиграли, зашумели провода, мы такого не видали никогда», «Дунюшка» и многие другие. Если при строительстве Волжской ГЭС самой популярной машиной был МАЗ, то при строительстве Братской ГЭС появился КРАЗ.

Волжская ГЭС планировалась еще до войны. Как воспоминание об этом периоде остались Управленческий поселок и огромная коса напротив «Красной Глинки». Кстати, видимо Маленков был довольно умным человеком, поэтому он не сгинул, а стал первым директором строящейся плотины на Ангаре.

Происходили изменения и в самом городе Куйбышеве. Так, у нас на Полевой, на пустыре, пониже 32 школы, выкопали огромную яму под фундамент дома. Яму сразу наполнила вешняя вода, и, кажется, лет шесть на большой перемене мы катались на плотах по этому озеру. Другой заметный дом стали возводить на углу Полевой и Самарской.

Первые годы в школе запомнились только постоянным трудом. У меня довольно хорошо пошло рисование. До 3 класса ка-

жду ю весну Нина Николаевна водила нас на Волгу и мы наблюдали ледоход. Кстати, после того, как реку у Жигулевска перегородили плотиной, я больше настоящего ледохода не видел. А тогда вся река перерождалась. Она была похожа на страшного огромного живого зверя. Льдины двигались сплошным полотном. Слышался шорох, треск, какие-то взрывы. Льдины напозали друг на друга и крошились. Не редкостью было увидеть площадки льда с копнушками сена или зазевавшейся собакой. Около берега на льдинах плавали с огромными шестью местные храбрецы. Мы наблюдали, а после нас просили нарисовать это чудо. Я сейчас отдал бы, не знаю, что, только чтобы увидеть, почувствовать такой ледоход.

Вся жизнь во дворе теперь проходила на крышах сараев. Там бегали, играли, слушали, как ругаются взрослые, – и опять все начиналось сначала.

Возвращение к прошлому

Где-то еще перед школой мне подарили тир с пружинным ружьем, и многие мальчики двора приходили к нам домой пострелять. В это же время очень распространились пружинные пистолеты, из которых при выстреле вылетала палочка с присоской на конце. Такие пистолеты были, наверное, у каждого пацана, и мы с ними играли в войну. Другим типом оружия были пистонные пистолеты. У меня была пистонная двустволка, которую сделал на заводе сам папа.

Я всегда очень любил смотреть, как начинается зима. Просыпаясь, бежал к окну. Вчера крыши сараев были еще серыми и вдруг – белизна! Я быстро одевался и бежал во двор. Снег лежал повсюду – рыхлый, белый и уже к обеду обычно таял. Но первый запах зимы я уже услышал. Есть народная примета, что через со-

рок дней после первого снега будет настоящий санный след, то есть наступит настоящая зима.

Поверхность крыш сараев была неровной, и когда мы носились по ним, это было похоже на бег с препятствиями. Наш двор отделялся от двора 46-го дома большущим сараем с двускатной крышей. Зимой сначала старшие мальчишки прокладывали лыжню с конька крыши этого сарая, потом она выходила над нашими сараями, а потом обрывалась над помойкой. Помню, что первый раз было очень страшно прыгать с этого импровизированного трамплина. Но свалиться в помойку было невозможно, так как обычно ты проносился над ней во время прыжка. Вот во время приземления нужно было суметь удержаться, это получалось не у всех.

Если удавалось убежать незаметно за дом, то зимой дорога всегда вела на Волгу. Очень волнующим был спуск с «Васиной горы» – такая она была крутая. Сразу вспоминались слова из Ленинской биографии, как он мальчиком катался с берега Волги в Симбирске. «Васину гору» иногда удавалось преодолеть без падения, и тогда начиналась дорога через Волгу. Никаких ботинок тогда не было, и катались в валенках. Везло тому, у кого появились полужесткие крепления. За Волгой начинались озера с крутыми берегами. Там были горки с трамплинчиками. Правда, за такие походы потом доставалось от матери, но это было потом.

У мамы была странная, какая-то эгоистичная и даже садистская любовь ко мне. Она могла поставить меня в угол на колени, рассыпав предварительно на пол пшено. Поэтому, когда стал постарше, я просто начинал убегать от нее по квартире и бегал вокруг пальмы в кадучке. Она бегала за мной с ремнем в руке, но очень редко догоняла. Отец же меня воспитывал ремнем всего два раза в жизни – за мат. Об одном событии я уже рассказывал, а второй случай был немного позже. Наказание было довольно су-

ровым и, главное, унижительным. Мне отец просто зажимал голову между колен и ударял, кстати, не сильно, по голой попе. Это сейчас я хвастливо говорю, что лет 20 ничего в жизни не боюсь, а тогда было страшновато!

Где-то во втором классе осенью у меня, к большому стыду, высеяли из коробочки карликовый цепень. Удалять гельминты нужно было стационарно, и я этому очень обрадовался. На ночь я загремел в больницу на Мопровской. Нас там поили неприятным драже «мужского папоротника», после чего на следующий день, после клизмы, мы восседали кружком на горшках. Рядом со мной оказалась Лариска из «Д» класса. Кстати, потом, в 10 классе, это была довольно симпатичная девушка. Ночью в больнице над нами, малышами, издевался более старший пацан. Он бил нас подушкой, а мы из какой-то гордости терпели и не звали сестру.

Дачная эпопея продолжается

А все это время продолжалась дачная эпопея. Едва закончив занятия в школе, мы летом спешили на дачу. Папа уже сделал забор, но не стал, как другие, делать сарай-«временку». Он начал сразу строить дом. Правда, вначале он загородил только четвертушку домика, а остальное достраивал еще лет десять. Домик был рационален, всего восемь квадратных метров, половину из них потом занимала веранда. А тогда половину площади занимала кухня, как мы ее называли – «колхозная столовая». Готовила мать на просеке, у калитки на таганке. Топили сушняком, который я собирал в лесу. Отец и здесь, с присущей ему изобретательностью, сделал быстренько приспособление. Длинная, сучковатая ветка орешника, перевернутая вверх ногами, позволяла обламывать сушняк с деревьев. Получилось что-то похожее на багор. Папа вообще был очень легкий человек на всякие изобретения. У нас дома хранилась целая толстенная

пачка свидетельств на его изобретения и рационализаторские предложения. В особо тяжелые в финансовом отношении времена он обязательно оформлял на заводе несколько предложений и получал небольшое вознаграждение.

На опушке леса росло несколько дубов, на которые мы все время лазали. Самым шиком считалось залезть на самые высокие ветки так, чтобы твоя голова была выше дерева. Мы не знали ничего о клещах и проводили почти весь день в лесу и на деревьях.

У нас на линии жил мальчик из нашего дома. Генка был почти на два года старше нас. Его мама, тетя Настя, работала парикмахером и стригла дома всех желающих. До 12 лет она стригла и меня. Сначала под «полечку», позже – под «полубокс». Генка индифферентно относился к нам с Олежкой. Иногда чувствовалось его старшинство, иногда он мог позволить себе играть с нами. Однажды на опушке он помог нам сделать настоящую землянку. Мы договорились: если увидим, что кто-то разрушает ее, сражаемся без жалости. И вот, как-то утром я выхожу к лесу и вижу, что кто-то изнутри ломает нашу землянку. Думать было некогда. Как коршун я бросился на врага. Вскочил на крышу нашего жилища и принялся «топтать» врага. Каково же было мое изумление, когда из развалин крыши выбрался Генка. Оказывается, он только хотел изнутри поправить крышу сооружения.

В лесу между дубов, кленов, в зарослях орешника росло полно грибов. Уже после я довольно хорошо узнал грибы. А тогда первым учителем был тоже Генка. Он научил сыроежки пробовать на зуб. Сыроежка должна была крошиться и хрустеть на зубах. Какое счастье, что не попала на зуб бледная поганка! Из съедобных грибов росли особо вкусные подореховики, цветастые сыроежки, козляки, маслята, лесные опенки, которые мы называли рюмочками. В осинниках росли челяши, или молодые подосиновики. Собирали в засол истинные, сопливые, с круглой ша-

почкой валуи. Солили и волнушки, которые росли почти на опушке в зарослях чилижника. Самым редким был белый гриб, росший в глубине леса только под одним дубом. С июля до самой осени мы каждый день были с грибами.

Еще по полянкам и в поле ближе к городу росло полно дикой клубники и земляники. Земляника отличалась от клубники своими удлинёнными ягодами. Очень вкусна была ягода в жару, она остро пахла и холодила рот, когда ее раскусывали. На опушке, напротив двух соседних линий, росли две огромные дикушки. Своих яблок еще не было, и мы набивали карманы дикими яблоками, которые были горько-кислыми на вкус, но очень ценились среди нашей братии.

На одну линию ближе к хутору около леса родители врыли два огромных столба и устроили на них качели. Более старшие ребята катались и брали для веса нас. Дух захватывало, когда доска качелей неслась вниз.

Первые два года садоводства взрослые пытались добыть воду. Не помогло рытье колодцев и бурение. Бурили землю самодельными бурами. К трубе, на конце которой находился бур, на свободном конце приваривали 4 трубы, за которые вращали сооружение. Чтобы бур был тяжелее и легче лез в почву, на крестовину сверху сажали ребятишек. Мы часами катались, как на карусели. Но сколько ни бурили, везде был известняк, и воду возили бойлерами по 25 рублей за 2,5 куба.

За кладбищем в лесу было два карстовых провала. Один из них был всегда сухой, другой превратился в озеро. Первое время воду для полива брали из этого озера. Мне даже купили небольшие ведра, и я таскал воду, как и взрослые. До озера было примерно метров 300. Карстовых провалов было полно в лесу и на поле, превращенном в дачи.

До нашей дачи от поляны им. Фрунзе было примерно 5 километров. Дорога сначала шла по Школьной (позже она называлась Демократической, а сейчас – Ново-Садовая). Школьная кончалась оврагом и лесничеством. Дальше дорога ныряла в лес и через два километра выходила на огромное поле, так называемый «Султанов бугор» с озером в центре. Последний километр опять шел лесом. Я быстро узнал все лесные дорожки и часто бродил по ним.

На второй дачный сезон от поляны им. Фрунзе по субботам и воскресеньям до дач стал ходить грузовик. Это были закрытые брезентом газики с поперечными лавками, прикрепленными скобами к бортам. Один рейс стоил 15 копеек. Моя мать была ярким противником этого транспорта, и мы чаще ходили на дачу пешком. Отец в дорогу всегда брал с собой ведро и совок. Совком он собирал попадающийся по дороге конский навоз, выдерживал его и потом добавлял во время полива в воду.

Хрущевские времена

Шел уже 1956 год. Н.С. Хрущев побеждал повсюду. Было в его новациях много оригинального, но и много дурости. Он как будто забыл, что был при Сталине настоящим его «прихвостнем». Закрыли базар на Самарской площади, приступили к грандиозной постройке комплекса зданий на ней. Центральное здание должно было стать первым высотным зданием в Куйбышеве. Как-то осенью я заболел скарлатиной. В то время должна была последовать обязательная госпитализация, но мать отказалась класть меня в больницу. Соседская родственница провела с папой несколько занятий, и он колол мне пенициллин самостоятельно. Я страшно боялся, но это было значительно легче, чем пить обязательный тогда рыбий жир. Было еще одно неприятное лечебное мероприятие. От простуды меня поили модным и ужасно противным напитком, состоящим из горячего молока,

смешанного со сливочным маслом, питьевой содой и какао. Прошла скарлатина, я отшелушился, но в школу меня долго не хотели брать. Даже собирали какую-то врачебную комиссию. Табеля в первые шесть лет учебы были, как я говорил, «скучные». В них были одни пятерки.

К шестидесятому году на углу Самарской и Полевой, расположенном ближе к Волге, построили новое красивое здание, в нем жила девочка из нашего класса, Рика Ойрех; окончательно разрушили линию трамвая на Самарской улице и пустили его по Полевой с поворотом на Галактионовскую; начали реконструировать наш Полевой спуск. Постепенно исчезли плоты, срыли Васину гору, сломали бараки.

Стали строить сквер на углу Полевой и Ново-Садовой со скульптурой рабочего, несущего на плече девочку. Сквер тянулся целый квартал до Первомайской. Он стал новым центром мальчишеской жизни в нашем, еще Сталинском, районе и назывался «брод». Мы там учились кататься на велосипеде, набивали мяч. Правда, Хрущев быстро покончил со всем сталинским. Сталинский район был переименован в Октябрьский, Сталинский спуск к Волге стал называться спуском лейтенанта Шмидта.

Неожиданно закончилась эпопея с первым высотным зданием на Самарской площади. Его вдруг прекратили строить, как бы обрезали и превратили в обычный пятиэтажный дом. Стали уже историей так называемые сталинские дома на проспекте Масленникова, около «Крытого рынка», на Безымянке, в основном, на улице Победы. Начиналась новая эпоха: кукурузы, покорения сначала Целины, после космоса, строительства Красноярской ГЭС. Время 60-х годов было по-своему героическим. Много строили. Построили новую Набережную от улицы Ярмарочной до Первомайской. Брод сразу же переместился туда. Строился Волжский проспект, который народ сразу окрестил в «Дворян-

скую улицу». Откачали котлован и построили большой дом ниже нашей школы №32. Конечно, самыми большими событиями для меня были запуск первых спутников и покорение Целины.

По радио целыми днями звучало «Едем мы, друзья, в дальние края...». С 1957 года, года первого спутника, звучали передачи о покорении космоса. Где надо и не надо сеяли кукурузу. Целина и кукуруза вроде должны были обогатить народ хлебом, а вместо этого в 1959 году стояли огромные очереди у хлебных магазинов, люди «писались». Иногда очередь за хлебом занималась на всю ночь. Хлеб стал невкусным из-за подмешанной кукурузной муки. Времена были не те, но почему-то вспоминался кусочек военного хлеба. Его долго хранил мой папа, называл «термитом» и показывал, как из спекшейся массы торчали пшеничные остья.

К 1961 году крыши города стали покрываться антеннами телевизоров. Правда, сам аппарат был еще довольно дорогим, поэтому модное тогда фигурное катание смотрели все вместе у более удачливых и обеспеченных соседей. В том же году запустили в космос Ю. Гагарина, но почему-то на нас большее впечатление произвело умное лицо Германа Титова.

Вспоминается и мое пионерское детство. В тот день, когда меня одним из первых должны были принять в пионеры, я неожиданно заболел коревой краснухой. Нельзя было передать безысходность. В пионеры поэтому меня принимали уже через месяц. Я вел, может, благодаря матери, очень активную пионерскую жизнь. Рисовал классную газету «Юный пионер», декламировал стихи, участвовал во всех школьных речевках, поднимал флаг на площади им. Куйбышева во время областного слета пионеров.

Артек

В 1959 году я попал в сборную области и был послан в Артек. Конечно, это была замечательная и вполне самостоя-

тельная жизнь. Мы ехали сначала до Москвы, там объединились в огромный отряд. В Москве моя тетя Рита подарила мне самые первые часы «Победа» и я их сразу же потерял. Мы жили в 1 горном лагере на большущей веранде. В то время было еще три морских лагеря. Мы очень сдружились, пели артековские песни, ходили в походы, ездили на экскурсии по всему южному берегу Крыма. Особенно запомнилась экскурсия в Севастополь. Еще не было новой дороги. Ехали на «газовских» автобусах, с хором гудков, когда проезжали через Байдарский перевал. Севастополь – сказочный город. Сапун-гора с диорамой, Малахов курган и знаменитая панорама Рубо, залив с Памятником погибшим кораблям. Работали в кружках, собирали виноград и чудесные сочные и сладкие груши «Берра». Купались почти каждый день в море. Большую сплывающую роль сыграл наш пионер-вожатый Михаил Михайлович Землемеров. С костяком нашего отряда после вечерней побудки он играл с нами в «честность». Я много рисовал, участвовал в заключительном пионерском костре. Каждому из нас на память и для школ раздали по коробочке с коллекцией минералов и угольком от пионерского костра. Возвращались сначала до Москвы на электрической, а до Куйбышева – на паровозной тяге.

В школу опоздали дней на 10. Все еще возвышенно окрыленный артековской жизнью, я принес в пионерскую комнату коллекцию минералов и уголек от артековского костра. Но это не входило в программу пионерской работы нашей школы, и мне предложили все это хранить у себя дома. Бывает, оболют тебя холодной водой, и уже ничего не хочется. Кончилось тем, что из отличников я как-то быстро превратился в посредственного троечника, а примерный до того мальчик стал в классе отъявленным дезорганизатором. Очень посредственно сдал экзамены за седь-

мой класс. Отшумели родительские страсти, отмахал должное материнский ремень.

Особенно весной я любил бродить в одиночестве по нашему району. Как и все местные пацаны, активно осваивал наш трамвай...

Хрущевские времена еще не кончились

Чуть не забыл о 1957 годе. Летом мы уже активно жили на даче. Шел июль. И вот открывать Волжскую ГЭС должен был приехать Н.С. Хрущев. Мы с пацанами договорились идти на Московское шоссе смотреть на удивительного гостя, который должен был проследовать в город Куйбышев. В результате уже какой-то нехорошей традиции в тот день с утра я покрылся какими-то розовыми бляшками, поднялась температура. Папа помчался в пионерский лагерь за доктором. Пришел парень с умным лицом и сказал, что от переохлаждения у меня возник розовый лишай. Меня уложили на неделю в кровать, мазали какой-то болтушкой. Приходилось узнавать все со слов друзей. А было много интересного. Множество людей собралось на встречу с Хрущевым на площади им. Куйбышева и, когда он появился на трибуне, началось несанкционированное действие. Народ раскачивался, кричал «Масла!», «Мяса!» Хрущев пытался говорить, но ему не давал рев толпы. Махнув рукой, он вскоре ретировался. Народа было столь много, что, говорят, были задавленные, а из толпы то и дело выныривали женщины не совсем нагишом, но в разорванных платьях. После этого лет 20 к нам в город не решались заезжать столичные «шишки».

Итог хрущевской эпохи с точки зрения обычного обывателя

Я пишу и стал задумываться, что это: просто графоманство или какая-то осмысленная деятельность? Сочиняя историю своей жизни, я понял, что в меру своих возможностей вскрываю определенный временной и пространственный пласт истории нашего города и страны. Я далек от мысли, что сумел это сделать глубоко и интересно. Здесь много субъективного, но, я думаю, и много интересного для наших краеведов и для моих настоящих и будущих внуков. Конечно, может быть, я просто тешу себя этой мыслью, но жизнь дальше покажет.

Народ к шестидесятым расслоился на ярых «хрущевистов» и видевших в его новациях одну глупость. Конечно, к 62 году город значительно вырос за счет однотипных панельных домов, похожих больше на общежития. Возникли с необычайной скоростью сначала дома по улице Гагарина, а затем 1, 2, 3, 4, 5 микрорайоны. Улицы 2-й, 5-й проезд превратились в Революционную, Аврору. Я только что пошел в 9-й класс, когда нам дали квартиру в 1-ом микрорайоне. Он располагался от перекрестка улиц Дзержинского и Аэродромной до Революционной. Нельзя передать радостного ощущения в момент переезда на новую квартиру. Я до сих пор помню острый запах новостройки, шедший от новой квартиры.

Кольца автобусов на Авроре еще не было. Автобусы ходили очень редко. Кольцо было на углу улиц Аэродромной и Революционной. Школу я менять отказался. Добирались или на автобусе, или от кольца трамвая №1. До трамвая шли обычно напрямик через массив частного сектора. Проходили и аэродром, на котором за дощатым забором стояло три МИГа. У самого кольца первого трамвая стоял «синенький» магазин. Нас, новоселов, было еще совсем мало, так что в очереди на автобус все друг друга знали и

разговаривали, как старые друзья. Уже через полгода начали достраивать 2, 3, 4 микрорайоны. Из школы часто ходили пешком мимо пожарки на Пушкинской и Культкино. Знали многие могилы на кладбище по фамилиям, на лавочках покуривали, хотя родители об этом еще не догадывались. 9 класс для меня был годом расцвета разгильдяйства. Хотя тогда считал, что все только придираются ко мне. Сейчас это называется расцветом юношеского максимализма, а тогда просто – переходным возрастом.

Еще раньше, в восьмом классе, я в первый раз здорово влюбился. Она училась на год младше. Звали ее Нелли, она была татарочкой. Потупленный взор, черные глаза, две косищи ниже пояса. Полгода я каждый день шел сзади нее из школы до Осипенко, где она жила, и так не осмелился заговорить с ней. Вечером, когда мы гуляли с Олежкой, я тащил его в ее двор. У Нелли была подружка, и она открыто подсмеивалась надо мной. На Восьмое марта один смелый дружок пошел в ее класс и отдал мою поздравительную открытку. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы ее семья не переехала на новую квартиру.

Жизнь дачная

Каждое лето мы уезжали на дачу. Отец все строился, а я помогал ему. Строгал доски, шерхебелем обдира бревна, варил обед в те дни, когда мать уезжала в город. В тот год, кроме ранее перечисленных грибов, было полно головачей, или, по-научному – дождевиков. Это не «дедушкин табак», а круглые, с голову подростка, грибы, весом до килограмма и больше. Их жарили и кидали в суп.

Рыбалка в моей мальчишеской жизни

Я совсем забыл о рыбалке. Не скажу, что невозможный фанат рыбалки, но она всегда занимала большую часть

моей жизни. Во-первых, когда я собирался на рыбалку, то почти не спал всю ночь. Во-вторых, я всегда любил это действие. У нас на даче за хутором находится исток «Студеного Оврага», его перегородили дамбой, получилось довольно большое озеро. В это озеро запустили малька карася, он немного подрос, а мы каждое утро и вечер его ловили. У меня было любимое место под чьей-то баней, топившейся «по-черному».

Весь берег озера был усыпан рыбаками. То тут, то там раздавались вскрики: «У меня 50», «А у меня 100!». И все это в одной пол-литровой банке! Мы с друзьями научились жарить таких карасей. Почистишь, выпотрошишь, обваляешь в муке или в сухарях – и на сковородку. Все выходили на просеку с кульками в руках, а в них, как сейчас чипсы, – зажаристые карасики. Ели их целиком прямо с головами, не выбирая костей.

Когда мне было лет двенадцать, папа однажды договорился со своим другом дядей Костей Графовым взять меня на рыбалку. Готовились целую неделю. По чертежам дяди Кости сделали кольцовку. Это такая снасть, ею обычно ловят леща, подлещика и язя. Длинная бельевая веревка с привязанной к ней сеткой-«авоськой» спускается на дно. В сетку кладут груз и прикорм. В качестве прикорма обычно используют размятый хлеб. По веревке бегают свинцовое кольцо, к которому привязаны один-два поводка сантиметров по 40. Кольцо опускается на более толстой леске, а уж та или наматывается на палец, или вешается на сторожок с колокольчиком. Всю неделю я толком не спал, мечтал о рыбалке. В то время был еще один выходной, и мы выехали часа в 3 в субботу от Станкозавода. Лодки были волжские, деревянные, с моторами «Л-3» и «Л-6». Дядя Костя только справил себе новую лодку. Это была большая волжанка со стационарным «победовским» мотором. Всю дорогу я пролежал на носу, глядя на берега и убегающую из-под киля волну.

Дорога была не близкая – до островов напротив Винтая. Шли часа четыре. Причалили, и дядя Костя сразу же послал нас с его сыном за дровами для ночного костра. Потом мы искупались в лучах заходящего солнца. На костерке варилась «сливянка» – такой суп-каша из пшена, сдобренный сметаной. Стемнело. Лежали на разостланных телогрейках, пили чай и смотрели, как искры костра поднимаются к ночному небу. Небо периодически озарялось заревом, при этом слышался со стороны Винтая нарастающий рев. Дядя Костя объяснил, что в Винтае на заводе испытывают ракетные двигатели. Спать не хотелось. Смотрел на звезды, на периодически возникающее зарево, прислушивался к шуму реки. С ночевкой я был первый раз, и все казалось необычным. К утру, лишь только начал светлеть восток, подул ветерок и мы забирались. Лодку поставили метрах в ста от берега, поперек течения на два якоря и забросили свои снасти. Вот уже дядя Костя поймал двух подлещиков. Вдруг леска, накрученная на палец, задрожала, я подсек и стал как бешеный тащить. Старший товарищ сказал, чтобы я не торопился, а сам взял сачок. Ничего нет приятней, когда тянешь леску с упирающейся, идущей кругами большущей рыбиной. В то утро дядя Костя поймал штук пять подлещиков и двух язей, а я – двух язей. Расстроился, что мало, но дядя Костя добавил мне здорового подлещика. Вот пробежала жизнь с множествами рыбалок, ночевок, но вспоминается первая ночевка у костра.

Школьная компания

В школе с седьмого класса у нас возникла довольно дружная компания. Мы собирались на все праздники и тут же испробовали вкус красного вина. Нас было около шести мальчишек и столько же девчонок. Собирались или у меня, или у Рики

Ойрех. Почти все ребята были тайно влюблены в Ирку Зайцеву. Я рисовал тайно ее портрет, правда, на этом все и закончилось.

Вместо эпилога

Можно еще много рассказывать и о даче, и о моем переходном возрасте, и о влюбленностях, и о строящемся и изменяющемся городе. В общем, как-то незаметно промелькнуло детство. В 1965 году я окончил школу и поступил в мединститут. Учеба в институте, Марийская бытность, служба в армии заслуживают особого рассказа. А сейчас я заканчиваю первую главу жизненной повести.

ИГРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Вчера смотрел по телевизору пятничную передачу «Поле чудес». Сама передача и ее ведущий своей восточной мздоимостью только раздражают меня. Но тем не менее тема передачи заинтересовала. Она была посвящена игрушкам. И я задумался, что знают мои внуки об играх, в которые играли всего пятьдесят лет назад? Ничего! Я не помню уже многих правил. Что нам сейчас говорят названия «козанки», «кондалы», «бабки», «чиж», «штандеры», «вышибалы», «колечко» или «фантики»?

Родился я в послевоенном 1947 году. Игрушек почти не было – все поголовно играли в войнушку и всячески вооружались. Из самого раннего детства я вспоминаю «козанки» или, как их раньше называли, «бабки». Как в кегли, нужно было выбивать из площадки козанки. У каждого мальчишки было в запасе до полусотни свиных и коровьих косточек после варки холодца. Очень популярной была игра в клек или, как позже ее называли, – в чиж. Квадратную палочку с обструганными концами битой нужно было сначала поднять от земли и битой или лаптой зашвырнуть подальше. В подъездах стояли пацаны и набивали лянгю. Лянгой был кусочек меха с прикрепленной для веса свинчаткой. Ее набивали как можно больше внутренней стороной стопы. Сколько женщин поплатились своими шубами из-за увлечения сыночков лянгой. Играли в «денежку». Об стену дома ударяли ребром монеты, а следующие должны были стукнуть свою монету так, чтобы дотянуться пальцами от своей монеты до чужой. Был и другой вариант денежки. Играющие стопкой укладывали монетки и разбивали их каменной битой, дальше все походило на первый вариант. Монеты после игры в денежку были все разбиты, погнуты. Газировщицы с большой неохотой брали такие деньги.

Когда собирались мальчишки и девчонки, то играли в «кондалы». Делились на две команды. Ведущий говорил: «Кондалы?» Ему другая команда отвечала: «Скованы!» И дальше шел диалог:

- Раскуйте! –
- Кого? –
- Брата моего! –
- Как звать? –
- Колька! (например) –

И вот этот игрок из всех сил бежал к взявшейся за руки шеренге ребят. Если удавалось разбить цепь, то он забирал в свою команду одного человека. При неудаче его самого забирала к себе противоположная сторона.

Несколько позже появилась игра «в штандеры». Рисовался на земле большой круг. В него забивались все игроки. Ведущий что есть силы подбрасывал мяч вверх и кричал, например: «Света!» В это время все разбежались. Света должна была быстро поймать мяч и им попасть в кого-нибудь из играющих. Если Света не попадала, то уже она водила.

Наверное до сих пор жива игра «в вышибалы». У некоторых детей отмечали елки или дни рождения. Сначала веселились у елки, потом закусывали и наступала пора игры в «испорченный телефончик». Садилась кружкой. Ведущий шепотом говорил кому-то слово, а тот уже по кругу. Если кто-нибудь перевирал первоначальное слово, то водить начинал уже он.

В «колечко» играли аналогично. Ведущий брал в ладошки чье-то колечко и незаметно кому-то вручал. Тот, кто мается, если не умел точно опознать владельца кольца, продолжал маяться. Похожа была игра в «фанты». Так играли года до 1960. Постепенно игры стали неинтересны и мы перешли на «ручеек» и танцы.

ГАЗИРОВКА (МАЛЕНЬКАЯ ЗАРИСОВКА)

Сидел я накануне и думал. Мысль скользила по жизни, явлениям, людям, так или иначе участвовавшим в моей судьбе. Лениво текла мысль и вдруг словно споткнулась. Пришло неожиданно чувство. Постепенно оно полностью овладело мной. Я понял, что, хотя жизнь меняется не очень быстро, но многое, что было привычным и даже обыденным для моих сверстников, совсем незнакомо для моих внуков! Уже при моей жизни появились: телевизор, освоение космоса, атомные электростанции, суда на подводных крыльях, гениальная инженерия и прочее, прочее. В то же время, нынешние дети уже совсем не знают о старом трамвае, послевоенном городе, нашем машиностроении и многих мелочах, которых просто не стало в теперешней жизни.

Возьмем хотя бы газировку. Что это такое, они совсем не знают. А лет сорок назад на всех значимых перекрестках стояли специальные тележки для продажи газированной воды. Сдвоенная колба, заполненная сиропом, сатуратор, баллон с углекислотой и моечное приспособление для мытья стаканов. После хрущевской денежной реформы стакан «простой» – воды без сиропа, стал стоить всего одну копейку, как и коробок спичек. Вода с сиропом стоила сначала 3 копейки, а с 70-х годов – 4 копейки. Самые изысканные гурманы покупали воду с двойным сиропом за пятак. В зависимости от содержимого карманов, покупали газировку «простую» или с сиропом. Все путешествие по городу с родителями, особо в летнюю жару, превращалось в короткие перебежки от одной газировки до другой.

Где-то в 60-х годах стали появляться на людных улицах автоматы для продажи газводы. Некоторым, особо опытным ребятам, удавалось получить воду бесплатно. Для это было нужно сильно ударить по автомату, и вытекала из трубочки газировка. Мои любимые точки были недалеко от нашего дома на перекре-

стке улиц Самарской и Полевой. Рядом стояла будка, где дежурили женщины для проверки тормозов у трамваев.

Когда я бывал у тети на улице Рабочей, мы часто ходили гулять по старому городу. Тогда я обязательно прокладывал маршрут так, чтобы он проходил по Красноармейской. Там в двери дома между улицами Молодогвардейская и Фрунзе был киоск, где продавали так обожаемую газировку.

По автоматам я стучать боялся. Но однажды, когда я учился в 5 классе, случилась весьма некрасивая история. На большой перемене все бросились пить к газировщице, что стояла на описанном ранее перекрестке у моего дома. Побежал и я. Денег, как назло, не было. 10 копеек, которые дала мать, я потратил в школьном буфете на два пирожка с повидлом. Что же я сделал? Тогда у малышей в школьном обиходе появились монетки разной стоимости, вырезанные из бумаги. Я схватил одну копеечку, побежал с кучей товарищей за газировкой, бросил свою «копеечку» на блюдце с деньгами и попросил стакан простой воды. Обман остался незамеченным, но мне было очень стыдно, и я больше никогда не занимался шулерством.

Еще газировка отличалась у разных продавщиц количеством газа и тем, что была вода со льдом или теплая. До 60-го года лед брали из специальной горы льда, засыпанной опилками. Куча располагалась на улице Ново-Садовая, недалеко от завода КАТЭК. Лед тогда развозили чаще на лошадях. И телегу обычно накрывали мешковиной. Когда в городе появились автоматы, естественного льда уже не хватало и перешли на искусственный лед. И мы выпрашивали у газировщиц маленькие кусочки, опускали их в стакан с водой. Лед шипел, и получалась своеобразная газировка.

У ребятшек был еще один способ приготовления своей газировки. В стакан воды сыпали сначала пищевой соды или кидали туда кусочек мела, а потом в тот же стакан добавляли уксу-

ную кислоту. Происходила реакция, вода кипела от выделяющегося газа. Полученную газировку пили и считали очень вкусной.

Недавно я спросил у детей о газировке – они еще помнят о ней, а внуки – уже нет.

МАРИЙСКОЕ СИДЕНИЕ

Я – простой студент медицинского института. Заканчиваю субординатуру. Субординатура – это шестой год учебы со специализацией по выбранной профессии. Нисколько не сомневаясь, я выбрал хирургию. Еще на пятом курсе мы должны были выбрать себе будущую специальность. В то время был у меня кумир – наш преподаватель, второй профессор на кафедре госпитальной хирургии, Н.М. Блиничев. Замечал, что по жизни рядом идут более предприимчивые и инициативные люди и скромные трудяги, на которых держится большая часть работы данного коллектива. И первые, и вторые – большие умницы. Но всегда мне почему-то нравились вторые. Ни в коем случае не желая кого-то обидеть, я вспоминаю в Москве заведующего кафедрой детской хирургии профессора Ю.Ф. Исакова и моего любимого профессора Э.А. Степанова.

У нас в институте – примерно такая же пара: А.Ф. Краснов и Р.Б. Ахметзянов. Точно так же сочетались профессора А.М. Амнаев и Н.М. Блиничев. Так вот, обратился я за советом к Н.М. Блиничеву. Запомнился его ответ: «Ты, парень, вроде бы старательный. Так что, иди». Весь шестой курс мы занимались, в основном, одной хирургией. Если в предыдущие годы учился я с переменным успехом, то по хирургии были одни четверки и пятерки. Сменили множество баз. Бывали во всех медсанчастях, от Metallурга до 116 километра. Где-то в апреле нас распределили. Мы с женой заканчивали институты одновременно. Шел 1971 год. Тогда было обязательным распределение. Если бы моя Елена Прекрасная распределялась раньше, то мы поехали бы в село Курумоч, где нас уже ждали. В последний момент министерство все переиграло, и я распределялся на день раньше жены. Помню, как на Чапаевской, 89 заседает комиссия во главе с Ю.А. Перовым – тогдашним нашим деканом. Заходим, а Перов говорит: «Я этих ребят знаю, по-

шлем их в самое лучшее место!» Лучше Марийской АССР к тому времени ничего не оставалось, и мы загребели туда в распоряжение местного Министерства здравоохранения. Очень боялись, что все места займут, и поэтому в мае полетели в Йошкар-Олу на разведку. Красивый маленький городок с еще деревянными тротуарами, двумя гостиницами, «Онар» и «Советская». Поселились в «Онаре» и отправились в министерство здравоохранения. Это было 2-х этажное бревенчатое здание с огромным ничем не занятым двором и деревянным туалетом на другом конце двора. Долго искали, куда бы нас пристроить. Послали в село Оршанка. Мы оба впервые оказались так далеко от дома. Приезжаем в Оршанку – огромное село из одной улицы. Видим у автостанции книжный магазин, а в нем современные журналы мод, каких в нашем городе не найдешь. Увидела их моя молодая жена и говорит: «А что, поехали сюда!»

Наши министерские мытарства кончились тем, что там места не оказалось и нас послали в село Красногорское Звениговского района с прохождением интернатуры в городе Волжске. Не нужно путать города Волжск и Волжский в Астраханской области. В Волжской ЦРБ пообещали, если я буду стараться, может, и оставят у себя в больнице. Вернулись в тогдашний Куйбышев и принялись за учебу. Помню, что в нашей хирургической группе постоянно витал дух соревнования – соперничали мальчики с девочками, кто больше сделает различных процедур или операций.

Промелькнуло время, вот и госэкзамены. Как ни странно, я их сдал значительно успешней, чем учился все институтские годы. На экзамене по терапии я даже затеял профессиональный спор с профессором Г.А. Германовым. Моя «наглость» возникла из-за того, что последние два года я подрабатывал на «скорой помощи». Сдал я госы, немного отдохнул. И говорит тут моя супруга: «У тебя ребенок, жена. Езжай в Волжск. Через две неде-

ли я приеду – чтобы была квартира!» Собрали и отправили по железной дороге контейнер с нехитрым скарбом. Поехал и я. Надо сказать, что тот год был первый, когда в стране ввели интернатуру. Никто еще толком не знал, что это такое? Какие права и какие привилегии у интернов?

Никакой комнаты мне не дали, а поселили временно в подвале больницы, в зубном кабинете. Больница, 1,5-этажное здание, располагалась у основания высоченных холмов в старинном липовом парке. Здание больницы было одноэтажным, а приемный покой располагался в полуподвальном помещении. Все мои попытки получить жилье упирались в глухую оборону главного врача больницы. Сотрудники отделения сами стали помогать мне с квартирой. Я сразу много дежурил и сотрудники ко мне неплохо относились. В отделении был заведующий – умный немногословный мужчина, пострадавший ранее от властей. Два общих хирурга, уролог и травматолог. Вскоре прибавилось еще трое интернов. Валентинович из Ярославля, Николаевич – из Рязани, местная Наташа. Все мальчишки были с женами. Через две недели приходит контейнер и одновременно приезжает моя супруга. Она сразу же сказала, что думает обо мне. Но от этого легче не стало. Продолжаем мы жить в стоматологическом кабинете. Жена спит на медицинской кушетке, я – в зубоврачебном кресле, а по полу прыгает целая армия лягушек. Однажды ночью просыпаюсь от страшного шума в приемнике. Один мариец отчаянно дубасит свою жену: почему, когда он валялся бесчувственно пьяный во дворе, она не спасла его от свиньи и та сожрала ему ухо.

Еще три дня наш контейнер мок под осенним дождем в парке. Неожиданно товарищи нашли нам жилье на улице Люксембург. Нас поселила баба Матрена в маленькой пристройке к частному дому из одной комнаты. В чулане жила еще одна семья марица. Его звали Витя, ее Дуся. Оба все время молчали. Он был

круглоголов, с ежиком белых волос. Они молчали, но периодически она как бы взрыдывала. Витька поколачивал Дусю, но тоже молча.

Изба была небольшая. Наша комнатка 3 на 1 метр открывалась дверью на кухню с плоской печью на четыре конфорки. Было как бы два двора: передний небольшой и задний – около 600 метров с садиком и огородом. Во дворе были еще сараюшки с погребом и обычная деревянная баня. Каждую субботу баню топили. Я залезал на чердак, срезал под коньком парочку березовых веников, и по очереди топали в баню. Матрена была величавая властная бабка лет 65. Ее муж Кузьма, сухонький, прихрамывающий мужичок, очень походил на Щукаря из «Поднятой целины». Фасонистые длинные усы завершали его облик. Не могу вспомнить Кузьму без всепогодной армейской фуражки. Он, вероятно, носил ее еще в гражданскую войну. Если Матрена степенно хозяйствовала, то Кузьма каждую субботу намывал в болоте мотыля и в воскресенье уезжал в Йошкар-Олу, где за 100 рублей продавал килограмм красненьких личинок. В месяц выходило около 400 рублей, а это тогда была неплохая сумма. Надо еще сказать, что дом буквально кишел тараканами. Чем их ни морили, они не исчезали. За Матрениным забором с выходом на ул. Либкнехта жила семья Виктора, ее сына. Через два квартала от нашего дома было начало Йошкар-Олинского шоссе с знаменитым в тех краях «Синеньким магазином». Моя супруга довольно удачно начала работать в недалеко расположенной школе. Если я дружил со всеми, то у нее в друзьях был их завуч и его жена. Они жили в пригородном совхозе.

Иногда ночью не спится, и я, как страницы любимой книги, начинаю перелистывать свою марийскую бытность. Не знаю, есть ли кто-нибудь там сейчас из старых знакомых, но мне всегда хотелось еще раз побывать в тех краях. Может быть, это ка-

кая-то ностальгия. Человек всегда особо тепло вспоминает ту жизнь, в которой ему было тяжело. У марийских краев свой запах. Если ехать паровозом из Казани в Йошкар-Олу, за окнами сначала будут мелькать шикарные березово-сосновые леса, а после столицы дорога забирает северней и начинаются уже березово-еловые заросли.

Живописны марийские леса, речки, озера. Интересна история Волжска. Городообразующим является Марбумкомбинат. В самом центре городка высится его огромная труба. Из трубы всегда сочится беловатый дымок с кислым, не очень приятным запахом. Вторым значимым для города предприятием был известный во всей стране ДОК «Заря». Многие поколения детворы и взрослых знают лыжи фирмы «Заря», которые производили на этом комбинате. Как-то осенью строили у Матрены в переднем дворе шлакобетонный сарай и я принимал в этом активное участие.

Прошло с тех пор 34 года. Сейчас один год стал похож на другой. Они мелькают с удивительной быстротой. А тогда в один год вместились столько событий! Свою жизнь в Волжске я начал с ознакомления с его географией. Волжск, как я уже рассказывал, – небольшой марийский городок на самом берегу Волги. Всего в 5 километрах от него расположен татарский городок Зеленодольск с огромным железнодорожным мостом через Волгу. Волжск – один из трех городов Марийского края. В нем тогда проживало всего 60 тысяч человек. Он тянется километра на три вдоль Волжского берега. Вниз по течению он начинался с медсанчасти ДОКа «Заря» и речного порта. По городку ходили всего два маршрута автобусов – 1 и 2. Примерно в центре города был автовокзал, а ближе к Волге – уже упомянутый Марбумкомбинат. Городок как бы сужался на другом конце и опять прижимался к самому берегу. Повыше Марбума была лодочная станция. По центру Волги напротив города зеленели острова. А Волжская бы-

стрина как бы прижималась к гористому противоположному чувашскому берегу – с пристанью Козловка. Матренин племянник был профессиональным рыбаком и жил в 2-х километрах от города, в деревне Русская – Луговая. Там же начиналась обширная пойма речки Илеть, впадавшей в Волгу вверх по течению. Илеть несколькими рукавами впадала в Волгу. Перед впадением рукава объединялись в одну протоку, а уж та впадала в большую воду. В Русской – Луговой жили одни рыбаки. Несколько повыше по течению Илети раскинулся овощной совхоз. Мы быстро познакомились с Иваном, так звали Матрениного племянша. Он первый показал мне ботало и как им пользоваться. Рассказал о станковых сетях. Волжская больница и поликлиника располагались около «Зари». Я много работал. В месяц было около 6 дежурств. Через 2 месяца мы уже дежурили самостоятельно. Мне очень нравилось работать с высокой, немногословной операционной сестрой – Ниной, женщиной около 30 лет. Надо сказать, что оперировали почти всегда без ассистента, вдвоем с сестрой. Спрошу только обычно у Нины: «Нинуля, я все правильно делаю?». На что она мне отвечала: «Правильно, правильно». Месяца через 3 после начала нашей работы нам вдвоем с Валентинычем разрешили совмещать на 0,5 ставки в поликлиниках. Мне досталась поликлиника «Зари».

Даже при такой занятости оставалось время веселиться, рыбачить и ходить за грибами. Однажды в раннем сентябре я решил обследовать ближайший лес. Прошел синенький магазин и зашагал в гору вдоль Йошкар – Олинского шоссе. Вокруг простирался удивительно красивый сосновый лес с вкраплением берез. Подлесок, не как в нашем Куйбышевском лесу, из лещины, а в основном из зарослей можжевельника. Не взобравшись даже до вершины холмов, я насобирал почти полсумки сыроежек, козляков и маслят. Прошел километра три и услышал крик петухов.

Маленькая деревенька с поэтическим названием Лягушкино преградила мне дорогу, я развернулся и пошел обратно. В тот день в печи засушил маслят и козляков покрупней. Поход был так удачен, что даже зимой мы ели суп из сушеных грибов.

Я сейчас трудно себе представляю, как мы с женой, впервые оказавшись вдалеке от дома, двое ребят, не знавшие деревенской жизни, сумели прожить и не пропасть в самостоятельной жизни. Завуч жены и его жена, главный агроном овощного совхоза, предоставили нам возможность купить капусты и огурцов. Матренино семейство помогло их нарубить и засолить, дали нам две бочки и место в погребе. Всю зиму и весну у нас была шикарная закуска. Первые два месяца Волжского жития, чуть что – жена просила меня приготовить на печке обед. Матрена смотрела на это и молчала. И вот однажды она вызвала мою Елену на кухню и я услышал: «Мужик дежурит, работает, а ты даже еду не готовишь. стыдно!» Не прошло и месяца, как моя молодая жена сама колола дрова и сmerzшийся уголь, топила печь и чудесно готовила еду. В конце ноября гнали с Витькой всю ночь самогонку, а утром забивали Матренину свинью. Тушу выпотрошили, подвесили на огромной жерди, палили и разделывали. Собралась вся родня Кузьмы и Матрены, пригласили и нас. На печи весело булькала в большой кастрюльке селянка – суп из свежатины, а в огромной сковороде шипела печенка с луком. Помню, было очень вкусно. Еще вспоминаю, как на октябрьские также собралась вся хозяйская семья и готовили пирог типа курника. Ели его по-марийски. Сначала Матрена разрезала верхнюю корку и раздала всем. Съели. Дали всем ложки и принялись за начинку. Начинкой были рис с луком и крупными кусками судака. Когда съели всю начинку, то с чаем принялись за разрезанную нижнюю корку. Одним пирогом до отвала накормили человек 12 народа.

Бежало время, дело шло уже к январю. Жена заявила, что не может жить без нашей дочурки, оставленной в Куйбышеве, у моих родителей. Садика не было. С кем же оставлять ребенка? На все просьбы жены Матрена отвечала отказом. Тогда я сказал, что она не умеет просить. Взял деньги, пошел в «синенький», купил бутылку венгерского вина и вручил Матрене. Ничего не просил, а она сама сказала: «А что, на 20 рублях сойдемся?» Вопрос был решен. Полетели мы в Куйбышев и забрали Зойку. Ей было чуть больше года. Они с Матреной немного играли, целый день пили чай. От хозяйкиной внучки она заработала вшей, и мы насилу их вывели.

К моему дню рождению хозяйка от Ивана привезла три икра-ных щучки. Приходит как-то ко мне Валентинович с двумя бутылками водки. «Откуда деньжата?» – спросил я у него. Он же ответил: «Разве ты не знаешь? Я сегодня сдавал кровь!» Выпотрошил я щук. Добавил в икру масла и мелко нарезанного лука. Все завершили миска рубленной капусты и несколько соленых огурцов. В тот день мы удачно попьанствовали. Я мог бы рассказать, как мы праздновали Новый год у Наташи или мой день рождения, но не могу обойти молчанием два других случая. Уже поздно осенью послали наше отделение на сбор картофеля в подшефный колхоз. Целый день собирали картофель, на отдыхе пекли его и ехали обратно уже вечером в открытом грузовике. Проезжаем какую-то деревню, а у околицы, у плетня, наверное сотки три заросло хреном. Постучали мы в кабину, слезли и за несколько минут накопили с одним анестезиологом по целому снопу хрена. Все с удовольствием ели его всю зиму, но кроме нас тогда никто не спрыгнул с машины. В другой раз где-то в ноябре я пошел побродить по дельте Илети. Нашел старую рыбацкую землянку и помню, у меня в голове еще бродила шальная мысль заночевать в ней, несмотря на возникшие холода. В то время в

этих местах произошло одно интересное событие. Я уже рассказывал, что разветвленное устье Илети открывалась в Волгу только одной протокой, через которую сделали временную запруду, а чтобы был выход воды, мужики в основание плотины уложили здоровенную трубу с задвижкой. Завистливые соседи сразу доложили в высшие инстанции. Каково было всеобщее удивление, когда из города привезли вагончик с печкой и поставили у трубы. Служил там сторожем сам инициатор всего – Иван. Привязывал он к трубе огромный кошель из сетки, открывал задвижку и всю зиму кормил свежей рыбой себя, своих друзей и все городское начальство. Все довершила почетная грамота от Горсовета за спасение рыбной молодежи. Так вот, возвращаюсь я с прогулки по этой самой плотине, из сторожки выходит Иван и говорит: «Что, ничего не поймал? Подожди!» И достал из кошелья двух здоровенных язей. В тот день я вернулся с хорошей добычей. Позже из щук, добытых тем же способом, на свой день рождения я приготовил сносное заливное.

Прошла почти вся зима с морозами до 35 градусов. Выжить частично помогла машина срезков, которую я выписал как сотрудник ДОКа. В марте все мужские представители Матрениной родни пошли со мной на Волгу – продемонстрировать подледный лов. Пришли в район лодочной станции. Там почему-то под зимней санной дорогой особенно активно клевали ерши. Мужики сразу же развели костер и уселись вокруг бутылочки, я же принялся за рыбалку. Меня стимулировал пример рядом расположившегося однорукого рыбака. Он ловко брал мормышку в зубы и одной рукой насаживал на крючок мотыля. В тот день я наловил штук сто некрупных ершей. Мужики меня научили, как с ними обходиться. Пока рыбешки были еще мороженными, я остреньким ножом повырезал им треугольнички на брюхе вместе с желчным пузырем. Все ершики были или с молоками или

икряные. Взял я чистую марлю, завернул в нее, не чистя, свой улов, и сварганил вкусную по зиме ушицу. Мужики хлебали, осилили еще одну бутылочку и очень хвалили. На работе я неожиданно и не по своей воле прославился. Поручила мне тогдашняя завинтернатурой Ц.Г. Кофман сделать доклад по грыжам. Источником послужила книга о грыжах Горелика. В день доклада пришло местное телевидение, и вскоре весь город увидел молодого хирурга по телевизору. Хотя Матрена во мне хирурга не признавала.

Надо сказать, что в 70-е годы в стране было плохо с мясом и его выдавали по 1 кг на человека в месяц. Нашу семью выручало то, что Зойка была еще совсем небольшая, мясо ела совсем чуть-чуть, а на нее тоже выдавали талон. В Волжске выручал и местный мясной завод. Весь бой, вымя, ливер продавали без талонов, а уж на них шла только отборная мякоть.

Интересна местная легенда возникновения завода. Один мясной завод уже был в Йошкар-Оле, и вдруг поступает разнарядка на постройку мясокомбината из Министерства мясной промышленности. Комбинат быстренько построили, и только после в министерстве хватились, что перепутали города Волжск и Волжский. И вот однажды благодарный пациент сочинил мне «взятку». За мои деньги он организовал мне покупку пяти килограммов мяса. Принес я добычу домой, а Матрена и говорит: «Вот теперь ты стал настоящим врачом!»

Я никогда не был настоящим писателем, но есть одно произведение, которое я храню и перечитываю всю свою врачебную жизнь. Это дневник интерна. При всей своей лени, я добросовестно писал его, даже позволял себе немного рассуждать.

Год в Марийской АССР перевалил за половину. Работа в отделении, дежурства, совмещение в поликлинике. По тем временам получал я приличную сумму, около 160 рублей. Жена зара-

батывала тоже около 140 рублей. Помогала нам вещевыми гостинцами теща. Мы жили весело и ни в чем особо не нуждались. Весной даже сумели на сэкономленные деньги купить стиральную машину «Волга» и приемник на ножках «Ригонда».

Памятуя о том, что моя любимая клиника госпитальной хирургии была проктологической, я немного разбирался в этой науке. И вот последние полгода у меня даже была своя проктологическая палата. Правда, однажды я попал через проктологию в неприятное положение. Вернее проктология была не при чем. Роль сыграла моя юношеская некомпетентность и несерьезность. Отпустили меня в отделении на три дня в Куйбышев. У меня в палате лежала девушка с трещиной прямой кишки. Только в день отъезда узнал, что у ее подруги из соседней палаты точно такие же симптомы. Все мысли были только об отъезде. Попросил Валентиновича посмотреть ее пальцем и в зеркалах. Я думаю, Валентинович просто заленился, а старшие наставники оказались значительно опытней меня. Возвращаюсь я через три дня на работу, а меня посылают сдавать кровь на «RW». Оказывается, у обеих подруг выявили в крови сифилис. Делать нечего, поплелся я в лабораторию.

До сих пор помню, как на дежурстве пришлось спасти парня, сгоревшего на 90% в трансформаторной будке. Мужика не спасли. Зато в моей палате лежал крайне тяжелый мальчик с огнестрельным ранением в затылочную область головы. Мальчишки – хулиганы отнимали у него удочки и когда он не дал их, выстрелили ему в голову из самопала. На рентгенограмме было видно, что пуля прошла через весь мозг до лобной области. Долго боролись с шоком, афазией, восстанавливали подвижность ребенка. Была из раны сильная ликворрея. Прихожу я однажды утром на работу и бегу перевязывать мальчишку. Разбинтовал голову и в глубине раны обнаружил пулю. Извлек пулю и после

только наблюдал, как довольно быстро поправлялся парень. Еще на первом году иссекал трещины прямой кишки, оперировал свищи того же места. Удалял даже хронический эпителиально-копчиковый свищ со швами по Мовшовичу и с хорошим результатом. Три раза за год ездили с нашей, как мы ее шутя называли, Цицилией в Йошкар-Олу на дни интерна. Запомнилась последняя поездка. Поселили нас в гостинице «Советская». На занятия мы не пошли, а купили целую авоську яблочного вина и забрели в городской парк с огромными старыми липами. На следующее утро мы зашли в гастроном попить пива и увидели сцену из интермедии Лебедева «Утро алкоголика». Помните, как он полотенцем поднимал руку со стаканом? Мы тоже в магазине увидели неопохмелившегося гражданина. У него так дрожали руки, что он даже не мог налить пиво из бутылки в стакан. Пришлось поставить стакан на прилавок, мужичку присесть и опрокидывать содержимое в рот. Когда он сделал несколько глотков, трясучка улеглась и он уже спокойно допил свое пиво. В своей жизни я совсем не пил, или пил довольно много. Но, даже прожив жизнь, не знаю чувства похмелья. Из дома я взял с собой бутылку собственноручно изготовленной самогонки. Кстати, моя неумеха, поначалу, жена освоила печь и через полгода научилась на печи изготавливать зеленого змия.

В последний день «Дня интерна» мы все сидели в ресторане гостиницы «Советской». Попросили у официантки пустой графин. Она, думая, что медики пьют спирт, дала нам таковой. Мы же перелили в него самогон и весь вечер попивали. В мае со мной очень трогательно простились в поликлинике «Зари». В самом конце месяца приехала комиссия из столицы края и принялась нас экзаменовать. Председатель комиссии самолично ассистировал каждому интерну на двух-трех операциях. Был и устный экзамен. Как мы все ни волновались, но сумели все сдать на отлич-

но. В начале июня в пациентах у меня появился 40-летний рыбак. С ним произошел довольно интересный случай. Год назад на осенней рыбалке он веревкой заводил свой «Вихрь». Веревка неожиданно сорвалась с барабана мотора и сильно ударила рыбака по ноге. На бедре образовалась рана, и, что с ней ни делали в поликлинике, не заживала целый год. Во-первых с йодолиполом – это такое контрастное вещество – я сделал фистулографию. Свищ оказался очень глубоким и разветвленным. Настал день операции. Хорошо заанестезировал бедро и начал как бы выделять весь свищевой ход. На глубине примерно 15 см я обнаружил кусок материала от штанины – он-то и поддерживал свищ. Удалил штанину и остатки свищевого хода. Велико было всеобщее удивление, когда дней через пять рана зажила. Рыбак выписался и на следующую субботу нас с женой пригласил на Волгу с ночевкой. Поехали на его «Казанке» с «Вихрем». Промелькнул один остров, другой. На прогалине в зарослях ивняка нас ожидала компания, была натянута палатка и сварена рыбацкая уха. Днем родственники рыбака поймали стерлядку, сомика, язя и кучу мелочи. Получилась отличная, с дымком, уха. Заночевали, а наутро отправились кататься на лодке. Меня посадили на корме у мотора. Я имел очень небольшой опыт управлением лодкой, да и то с моторчиком «Стрела». «Вихрь» значительно тяжелее и мощнее. Когда на середине Волги я заложил руль вбок, лодка как бы остановилась и стала на дыбы. Хорошо еще, что я от испуга сбросил газ. В тот день рулить мне больше не давали.

Чувашский берег по-своему очень красивый. Река с разгона бьет в высокий холмистый берег. Холмы высотой 100-150 метров. Небольшой пляжик, а у основания холмов бьет множество чистейших холодных, до ломоты в зубах, родников. Послали в середине дня нас женщины за родниковой водой для чая. Только доехали до середины Волги, видим, что к соседней полянке при-

чалил катер. С него вышли какие-то мужички и стали сгружать уже наколотые дрова. Мужики посидели часа полтора и уехали. Перед отъездом один из них вручил нашим женщинам какую-то кастрюлю. Вернулись мы, а женщины рассказывают. Оказывается, у городского начальства организовался мальчишник. Уху они варили из одной стерляди. Взвар похлебали, а нетронутую рыбу вручили нашим хозяйкам. Наверное целый час потом мы уничтожали рыбу. Кстати, никогда в жизни потом я не едал столько стерлядки.

Оставался не решенным вопрос: где же я буду работать после интернатуры? Тут мне и приходит повестка из военкомата. Прихожу, а мне заявляют, что во мне нуждается Армия. Расстроился ужасно, прихожу домой, а там банный день. Попросил у Матрены 350-граммовую кружку самогона, выпил и пошел в баню. Напарился и чую, что я абсолютно трезв. Вернулся в избу, выпил еще такую же кружечку остро пахнувшей водицы и сразу же заснул. Просыпаюсь утром – и первая мысль: «А что, пойду в Армию!» Жена собрала вещи и укатила в Куйбышев, а меня обязали отрабатывать еще месяц в Красногорске. Шло лето 1972 года. Дымами лесных пожаров была покрыта вся страна. Приехал в село, поселили меня на квартире местного фельдшера. Сразу стал дежурить в местной больнице и принимать в поликлинике. Моим сменщиком был опытный, но сильно пьющий хирург. Приходит он однажды ко мне на прием и просит два пузырька валокардина. Сказав, что малыми дозами не лечатся, тут же оба выпил. У него с годами пьянства выработалась оригинальная метода. Получив получку, он дня три потчевал алкоголем всех мужиков села, а те в ответ уже поили его оставшийся месяц.

Мужчин в Красногорске тогда почти не было – все тушили пожар в лесу. В центре села можно было увидеть красивейшее озеро, заполненную водой гигантскую карстовую воронку. Вода в

озере обжигаяще холодила даже в самую жару. Чуть в стороне от села протекала река Илеть. Об ее устье я уже писал раньше. Ложе реки было песчано-каменистым. Нигде больше я не видел такого количества ужей, как по берегам Илети. Идешь, а они из-под ног так и шмякаются на прибрежную гальку. Вода в Илети была холодная, чистая, прозрачная. Идя по берегу, видишь, как внизу у кромки водной растительности в кильватерной колонне стоит стая красноперых язей...

С пожара постоянно привозили не обожженных, а ушибленных падающими деревьями. Оказывается, выгорающий торф как бы подкашивает деревья, и те неожиданно падают и увечат людей. Такой пожар в отличие от верхового, когда горят кроны, называется низовым. Дежурил в больнице, работал в поликлинике, находил время гулять по лесу, рыбачить и купаться. Помню ощущение от того времени. Август, жару, сплошная пелена дыма от пожара. Брожу вдоль Илети. Спустился на маленький пляжик и разделся. Пекло. Решил искупаться. Ощущение такое, что залез в воду при Крещенском купании – так была свежа вода. Как-то раз съездил на автобусе в Звенигово, наш районный центр. Проезжая полями с перелесками, увидел странные сооружения. Огромные плетенки из дерева высотой с двухэтажный дом были раскиданы по всему полю. Они стояли на ребре и были все увиты каким-то растением. Когда я рассмотрел эти сооружения поближе, то они оказались огромными рамами, увитыми хмелем. Хмель применяли для изготовления теста и варки пива.

От тихой деревенской жизни тянуло в шум городских улиц. Два раза я ездил в Волжск. Доезжал до автовокзала и шел, в первую очередь, в ближайшую пельменную, где съедал две порции пельменей «в одну посуду», обильно политых сметаной. Уже сытый, шел сначала в свою бывшую больницу, а затем по городу. Однажды подошел к кинотеатру «Родина», там огромная афиша –

«Лев зимой». Просмотрел фильм на одном дыхании. Позже узнал, что в родном городе никто не видел этого фильма. Уже прожив жизнь, считаю, что лучшего фильма я не видел. Там рассказывалось о дележе власти при английском дворе времен юного Ричарда - Львиное Сердце. Накал шекспировских страстей, интриги, любовь. Уже позже узнал, что фильму присуждено два Оскара.

Пролетел месяц в Красногорске, и я засобирался домой. Остались позади Марийские края с лесами, реками, горами и селами. Впереди была армия. В Марийском крае я больше никогда не бывал. Только почему-то до сих пор по ночам вспоминаются имена сотрудников и картины марийского сидения.

АРМЕЙСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

Настоящий писатель, я думаю, всегда имеет в запасе не один сюжет. Для меня же, непрофессионального бумагомарателя, сюжеты – очень трудное дело. Писать, как я уже говорил раньше, нужно только о том, что ты знаешь очень хорошо. Итак, что я знаю? Конечно, медицину! Но о ней писать почему-то не хочется. Наверно, так бывает с предавшей тебя женщиной. Ты еще любишь ее, но почему-то простить не можешь. Перед глазами пробегают произведения Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке и роман Войновича о солдате Чонкине. Написать так живо и с огромным запасом юмора у меня, конечно, не получится, но в моей армейской жизни было много смешного. Вы помните, что в 70-х годах почти всех, окончивших институты, привлекали к службе в армии. Не избежал этой участи и я. Связь с чем-то наверное существует на небесах. Так и я, сугубо гражданский человек, еще в мальчишестве задумывался о Вооруженных силах. В 10-м классе, а мы учились 11 лет, я проходил приписную комиссию. И на вопрос одного майора: «Где бы ты хотел служить?» я ответил, что хочу себя посвятить медицине. Он обрадовался и сообщил, что медициной можно заниматься и в армии. Меня сначала обрадовало, что нужно уехать из дома в Ленинград. Я согласился. Я прекрасно знал о высоких требованиях в Кировской военной академии. Поэтому весь 11 класс дополнительно занимался физикой и химией. В 10-м же классе я потратил почти целый год на прохождение всевозможных комиссий. Кроме этого, понимая, что в армию идут только крепкие ребята, активно занялся самоукреплением. 2-3 раза в день занимался зарядкой, поднимал самодельную штангу, по 100 раз поднимал под прямым углом ноги, приседал на одной ноге и т.д. Научился вставать к стенке на руки. Пока все шло благополучно. Предпоследней была очередная медкомиссия. Помню, ее проходили медики и будущие летчики.

Здоровущих парней браковали одного за другим, а меня – не отличавшегося особой силой – даже пригласили в летное училище. Закончился 10 класс, начался одиннадцатый. Прошли все комиссии, оставалась последняя – мандатная. Собрали нас от города человек сорок. Выступил пожилой полковник и сообщил, что весь наш выпуск планируется отправить на подводные лодки. Тогда эта служба казалась приоритетной. Только что окончился карибский кризис. Не знаю, что меня толкнуло попросить разрешения подумать. Кончилось тем, что в коридоре вместо сорока человек топталось только двое. Я сообразил тоже забрать документы. Потом я встречал описанного майора из военкомата и он мне рассказал, что от города поехало двое пацанов – один сбежал по дороге, другой сдал экзамен и убежал перед сдачей присяги.

В институте у нас была военная кафедра. С нами занимались строевой два майора. Один – простодушный хохол, мы с ним потом часто встречались. Второй – карьерист и служака, дослужился до полковника. Мне доставалось от обоих. На четвертом курсе мы проходили основы медицинского обеспечения в армии. Наш преподаватель был прошедший фронт полковник П. Он очень своеобразно проводил занятия. Шел март. Подходил полковник к окну, открывал его и говорил: «Весна!» Наши две группы уже лихорадочно собирали по рублю и отправляли гонца за «Хересом». На зачете мы уже собирали по два рубля. Зачет все сдали, но выпили по тем временам крепко. В тот день состоялся общеинститутский субботник, а вскоре появилась статья в газете «Медик», где было написано, что вся группа №25 во главе с комсоргом Кашиным М. не явилась на мероприятие. В завершение 1970 года на лето мы поехали в Тоцкие военные лагеря на сборы. Жили в огромных двухъярусных палатках, много работали и много хулиганили. Разбили нас на взводы. В каждом отряде был командир; в нашем – молодой лейтенант из Ульяновска. У каждого от-

ряда была своя взводная песня. И когда нас вели в баню, в городок Тоцкое, мы дружно запели не очень приличные частушки, за что позже получили «по шапке». Запомнилось и то, как наш взвод дежурил по кухне. Помощником нашего командира был студент, отслуживший раньше в Армии, и по званию сержант. Приходим мы на кухню, а там всем заправляет местный толстяк, какой-то младший сержант. Наш товарищ, как старший по званию, построил его, отобрал командную роль и не зря.

Было жаркое лето, на кухне воровали безбожно. Есть на обед борщ, в котором плавали куски одного сала, многие не могли. Так вот, наше отделение сначала попало на мытье в трех ваннах посуды. После этого мы вскрывали банки с тушенкой и наелись ее досыта. Еще 2 бумажных мешка с банками тушенки мы под руководством нашего начальника умудрились закопать в ближайшей лесопосадке. Наше дневаленье кончилось тем, что нас построили в конце дня и объявили благодарность за самый вкусный за месяц обед. Представляете, сколько же воровала местная братия.

Нас гоняли по полю, мы рыли окопы, учились ставить палатки, а однажды нас повезли в степь к тому месту, где впервые в Советском Союзе была взорвана атомная бомба. Одна женщина из местного гражданского населения рассказывала: «Была я еще подростком. Накануне нас оповестили, чтобы все спрятались в домах. Но какое там! Все ребятишки и многие взрослые после сигнала сирены наоборот залезли на заборы и крыши. До эпицентра взрыва было больше 70 километров, но волна воздуха после удара все-таки почувствовалась». Как-то было занятие по преодолению поля, зараженного химическим оружием. Все были в резиновых костюмах и противогазах. Заставляли ползти через поле на животе. Мы с другом добросовестно улеглись на живот, но стоило майору, руководившему занятием отвернуться, мы

вскочили и пробежали половину поля. Так мы оказались одними из первых. После занятий наш командир заставлял нас чистить свое оружие. Очень смешная история произошла с одним мальчиком. Ему сказали, что он недостаточно хорошо почистил свой автомат. Он отошел, покурил в кустах и, ничего не сделав, опять подошел к нашему лейтенанту и спросил: «Теперь хорошо?» «Теперь хорошо!» – ответили ему. Мы с моим другом Валеркой поступали совсем по-другому. Достали ленты провощенной бумаги и укутали ей все самые потайные места своих автоматов.

Почему-то вспоминаются необыкновенные случаи в службе. Бежим однажды цепью по полю в атаку, стреляем холостыми, кричим «Ура!», а из под ног выбегает заяц и метров 300 бежит от нас и боится свернуть в сторону. Был среди наших наставников один капитан. На военную кафедру он пришел из строевой части. Все его лицо было иссечено шрамами – видимо он уже раньше попадал в передраги. Стоит этот капитан перед шеренгой нашего взвода у стены командного пункта и рассказывает о гранатах. В заключение, видимо для иллюстрации рассказанного, он попросил учебную гранату у стоявших поблизости танкистов. Взял он гранату, вырвал кольцо, кинул снаряд, закричал «Ура!» и рванул-ся вперед. Тут раздался сильный взрыв, засвистели над головой осколки, а из командного пункта вышел солдат и сказал: «Какой дурак здесь швыряется боевыми гранатами!» То ли это была шутка танкистов, то ли недоразумение, но мы даже не успели испугаться. Только, видимо, не зря капитан уже однажды попадал в переделку. Шел 1970 год. Вьетнам еще воевал со Штатами. На поле появились делегации немцев и вьетнамцев. Обращал на себя внимание большой рост немцев и их флегматичность. Вьетнамцы были маленькие шустрые ребята, они везде лазали, все рассматривали. В конце нашей кратковременной службы каждый из нас стрелял из АКМ и пистолета Макарова. После свое умение пока-

зывали наши офицеры. Я уже рассказывал о двух майорах. Тот, что позже стал полковником, командовал, а другой метал гранаты. Его простота заключалась и в том, что он поставил мишень – грудку ящиков – на небольшой пригорочек. Кидает он первую гранату. Вы знаете, что она несколько секунд не взрывается. Попадает он в ящики, но граната по склону бугорка скатывается. Командующий операцией кипит и просит бросить еще раз. Второй майор мечет с таким же успехом. Первый уже побелел от ярости. Такое бомбометание продолжалось еще раза четыре, пока не догадались ящики сложить в лощинке.

Помылись мы в бане, сдали присягу и засобирались домой. Откопали в лесу нашу тушенку и разделили каждому по две баночки. Эта тушенка тогда нас спасла. У всего отряда был праздничный ужин, но мы, предвидя тушеночное лакомство, не стали есть. Видимо это была месть кухонной команды. Поздно вечером нас посадили на Оренбургский поезд. Мы поели своих консервов и заснули. Проснулся я ночью от какого-то сплошного шороха и шатанья по вагону неясных теней. Страшно прослабило два наших вагона. О санитарии нечего было и говорить. Поезд приходил в Куйбышев рано утром. Чтобы нас всех не посадили в карантин, из вагонов все прыгали прямо на ходу и разбежались. Каково было изумление встречающих, когда мимо них молча пробежали родные мальчишки, но уже солдаты.

Как я уже рассказал, в армию меня привезли из Марийского края. Меня и еще одного парня из нашего городка отправили служить в одну часть г. Новокуйбышевска, что всего в 30 километрах от родного города. Первый месяц с нами занимались при Куйбышевском гарнизонном госпитале. Получил я три больших мешка обмундирования. Самое главное, чему нас научили, – что помощник командира по хозяйственной части отряда – самый главный враг врача, и я это свято помнил все два года службы.

Командовал нашим отрядом подполковник П. Пришел я в штаб, ему докладываться. Вхожу в кабинет, чеканю шаг, а он мне: «Доктор, не выпендривайся!»

Медсанчасть располагалась в одном здании со штабом. Было у меня в подчинении два человека – крепкий красавец фельдшер и санинструктор Колька. В друзьях был еще писарь из штаба, так что обо всем в отряде мы знали чуть ли не первыми. Я сразу всех офицеров и прапорщиков разделил на две части. Хорошие отношения были с двумя командирами рот и прапорщиками. Ротные были просто хорошими ребятами, а с прапорщиками меня объединяла любовь к рыбалке. Рядом с нашим отрядом располагалась «зона», а у проходной – 2 общежития расконвоированных. Расскажу в назидание потомкам один случай...

На второй день службы вызывают меня на КПП два здоровенных амбала и требуют таблеток с кодеином, говоря, что предыдущий врач всегда давал им это лекарство. Не знаю, что меня подтолкнуло, но я тогда резко отказал. И правильно. Со мной к этому вопросу никто ни разу не возвращался, а как я узнал позже, предыдущий врач находился в роли «дойной коровы» все два года службы. Потекла служба. В мои обязанности входило: 1 раз в день проводить прием больных, снимать пробу с пищи и следить за санитарией в расположении части. Кроме этого, на мне были прививки, потом борьба с мухами. И многое, многое другое.

Помпохоза – капитана Д. я сразу попросту отшил. Потрудней было с начальником штаба майором А. Это был типичный служака, любитель выпить и покомандовать. Конечно, он сразу распознал во мне «гражданскую штафитку» и очень усердствовал, воспитывая врача. У меня сложились неплохие отношения с шоферами отряда. Сижу я однажды в кабине грузовика перед стеной гаража. В зазоре около 30 см маячит помпохоз. Я отжимаю сцепление и включаю скорость. На аккумуляторе машина просто дер-

нулась. Но капитан побледнел до легкой синевы и два года меня не трогал.

Осенью нужно было проводить общие прививки. Сунулся в сейф, а спиртовая бутылка сухая. Все выпил мой предшественник. Иду к командиру, все ему объясняю. А в Новокуйбышевске был огромный строительный трест №25. Поехали с отцом-командиром к их начальнику. Огромный кабинет «под орех». Сидит начальник треста и спрашивает: «Ведро гидрализухи хватит?» Я говорю, мол, хватит. Берет он мою накладную и на четырех сторонах листка пишет – «Яд!» Поблагодарил я его и пошел. Вдруг от самой двери он просит меня вернуться и на самое ухо шепотом сообщает, что с дистиллированной водичкой просто замечательно!

В ноябре я составлял заявку в аптечную часть на следующий год. Заказал килограмм пять всевозможных таблеток, дезрастворов и спирта. В январе пришел контейнер. В нем 20 литровая бутылка спирта-сырца и два литра ректификата. Зашел в медсанчасть командир и забрал у меня банку с чистым спиртом.

Очень трудным моментом было составление годового отчета. Я потратил на него целых четыре дня и еле сдал в Областную комиссию. Спирт хранился в сейфе. Вместо печати была у меня рельефная пробка из-под рома «Нигро». С моими сотрудниками – частная договоренность ничего не брать без разрешения.

После ночного посещения медсанчасти девочками, до которых был ужасный ходок мой фельдшер Дима, он уже с утра докладывал мне обо всем и честно сообщал, что пришлось залезть в сейф.

Наш отряд состоял из 7 одноэтажных панельных барачных бараков. Наш барак попалам делили штаб и медсанчасть. За ними в линию шли столовая с магазинчиком. Напротив столовой четыре поме-

щения были ротными казармами. А напротив нашей медсанчасти через огромный плац находился клуб с библиотекой.

Как-то в конце ноября шли занудливые дожди и вдруг, неожиданно ударили морозы. Плац превратился в огромный каток. В обед все командирство разъехалось по домам, а я взял в рот коньки, нацепил – и ну раскатывать по импровизированному катку.

Очнулся от голоса начальника штаба: «Когда кончишь выпендриваться, ко мне в штаб!» В тот день получил по самое здравствуйте. Еще о майоре А. Каждую зарплату часам к пяти возвращались солдаты с объектов. На плацу перед воротами их обычно уже встречал майор А. Он каким-то необычным чутьем чувствовал несущих бутылки с алкоголем. Для порядка он разбивал об асфальт бутылки три, парочку уносил в штаб и прятал в сейф до лучшего случая.

Командир первой роты капитан Ж. был довольно неглупый красавец-гусар и ужасный шутник. Вот, что он однажды придумал. Осенью темнело рано. Заранее, пока никто не видел, он через ручку окна штаба пропустил веревку с привязанной к ней банкой. Сам спрятался за сиренью, густо растущей у штаба. Дождавшись своего дневаления, когда все офицеры уже разошлись, майор А., дрожа от предвкушения, открыл сейф и принялся за первую бутылочку. Тут кто-то тихо постучал в окно. Это капитан Ж. дергал за шнур, а банка била по стеклу. Майор выбежал на улицу – никого. Он опять за дело. Но стук в окно повторился. Майор опять выбегает на улицу и опять безрезультатно. Так повторялось еще раза три, пока капитан не удовлетворил свою месть.

В те времена лейтенантом я получал в Армии 220 р. Хватало и на жизнь, и каждый год накапливал к лету на курорт. Жили в Куйбышеве у родителей. Вечерами гуляли с женой, смотрели на чужие окна и мечтали, что может, и у нас когда-нибудь будет своя квартирка. Очень скучал по настоящей работе. Зимой поехал

в Новокуйбышевск и в поликлинике познакомился со статной, начинавшей немного полнеть женщиной- хирургом. Она пригласила меня волонтером в недавно открывшуюся больницу нефтеперерабатывающего комбината, и там я дежурил еще год, примерно один-два раза в неделю.

Кстати, Вы знаете, что такое построение? Два раза в сутки и в особых случаях строится весь отряд. За два года службы на построении я сам бывал раза два. Но когда мне было нужно остаться в отряде с ночевой, я звонил по межгороду жене и сообщал, что у нас в части завтра утром построение. В части был замечательный повар, изгнанный из ресторана за злоупотребление горячительным. Иногда было и горячительное, а хотелось чего-то вкусненького. Ночью мы шли на кухню, будили Николаевича, так звали нашего горемыку-повара. Наливали ему стакан до краев, а через час уже уплетали противень картошечки «фри» и бефстроганов.

Другой раз я шел в продуктовую лавку, покупал и сам отрубал пару ног у бараньей туши, резал на кусочки, замачивал в слабом растворе уксуса и большом количестве лука. Ночью выбирались за ограду части, где-то у «Сенькиного лога», собирали дрова и от души баловались шашлычком, который заливали чем-то покрепче лимонада.

Почитаешь и подумаешь, что служба была – сплошной рай! А на самом деле были бесчисленные больные, дежурства, всевозможные «ЧП» в части, проверки, прививки, обработки. Первый год службы я только успевал уворачиваться от приказов по части и распоряжений из штаба округа, где тоже заседали мои начальники.

На второй год службы я не стал умней, но пообтерся и «оброс» опытом. Когда было очень нужно домой, быстренько находил больного «с подозрением на аппендицит», выгоняли из гара-

жа «санитарку» и укатывали в Куйбышев, где располагался окружной военный госпиталь. К такой же уловке прибегали, когда летом очень хотелось искупаться. По дороге из Новокуйбышевска через Липяги была рощица с секретным озером, там мы обычно «лечили» наших пациентов, ну, конечно, и сами досыта «лечились». И вот однажды тихо катим с очередным «больным», приезжаем на озеро, раздеваемся, а там купается вся верхушка нашего отряда во главе с командиром...

Я не знаю, как обстоят дела в Армии сейчас, а в то время существовало тотальное осведомительство. В каждом отделении кто-то все докладывал своему старшему сержанту, у ротного был свой осведомитель. Замполит, начальник штаба и сам командир не обходились без своих информаторов. Эта система, видимо, простиралась и дальше. Когда ночью в отряде что-нибудь случилось, то утром раньше командира в отряд прибывал товарищ из особого отдела.

Приходилось часто выступать перед личным составом с лекциями о личной гигиене и половом вопросе. Шла в ход и теория В.И. Ленина о стакане чистой воды. Самым популярными среди солдат болезнями были: грибковые заболевания ног, лобковая вошь и разные венерические заболевания, напоминающие, и не только напоминающие, гонорею. От всего существовали специфические средства. От эпидермофитии на 20 минут в сапоги бросали ватку с формалином. Собирали по отряду граждан с лобковой вошью. Набиралось обычно человек пять. Лечение происходило следующим образом. Между стеной медсанчасти и забором существовал зазор около метра. Каждый со своей газетой и бритвой собирались туда набедокурившие солдаты. Все расстилали свои газеты вставляли на них и брили себе лобки. Затем приходил санинструктор с банкой бензина. Он помазком обрабатывал лобки. Дальше в дело подключался я. Бензином же обливали газеты

и уж я их поджигал вместе со сбритыми волосами. Болезненно, но эффективно. Особую боль вызывали венерические заболевания. Их количество резко возрастало после каждой зарплаты. Не берусь анализировать причины, хотя я их знаю. При любом подозрении на гонорею положено было везти потерпевшего в местную санэпидстанцию. Там дифференцировали вульгарные уретриты от чего-то более серьезного. От вульгарных уретритов тоже было свое лечение. По желатиновым капсулам мы всей медсанчастью фасовали порошок метиленовой сини. Синька выводится через почки и хорошо дезинфицирует мочевые пути. Синью поили больных. Уретриты быстро проходили, но командиры рот заметили: «Почему, доктор, у нас все туалеты синие?»

Армия, конечно, суровая школа, но никогда она не обходилась без шутки и озорства. Дело было в 3-ей роте летом. Асфальт потрескивал от жары, и тут какой-то озорник купил в магазинчике пару килограммов дрожжей и бросил в ротный галльон. Нельзя передать словами, что последовало. 2 дня «золотари» чистили туалет. А виновника так и не нашли.

Незаметно служба перевалила на второй год. Комиссовался Димка и его место занял бывший санинструктор Коля. Коля, очень пропорционально развитый парень, постоянно качался. В большой палате медсанчасти сначала месяца три мне вязали бредень, а после ее переоформили в тренажерный зал. В отряде я уже был за своего...

Суть да дело – посадили за воровство половину личного состава офицеров и прапорщиков. Назначили нового командира, жившего в Куйбышеве в соседнем со мной дворе. Горя рвением, он решил первым делом, воспитать меня – лоботряса и полугражданского разгильдяя. Он приказал, чтобы каждое утро я вместе с ним прибывал в часть. Надо было вставать на 2 часа раньше, и я срочно «заболел». Вторым его благим намерением было воспита-

ние офицерства. На плацу он строил всех офицеров и заставлял маршировать. Дошло дело и до меня. У нас в медсанчасти, как всегда, звучала музыка и, вдруг, врывается дневальный и сообщает, что меня требует командир. Делом одной минуты было снять один сапог, надеть тапочку, забинтовать ногу. Страшно хромя, я попросил разрешения встать в строй. Под хихиканье друзей я объяснил, что, выходя из автобуса, подвернул ногу. Последовал приказ: «Иди в медсанчасть! И не паясничай!»

Как-то летом в самый разгар июльской жары, начальник штаба начал бороться с мухами и мной. Я уже рассказывал, что благодаря писарю штаб был в наших руках. Мы снарядили ранцевый опылитель, заправили его вонючей жидкостью типа креозота. Обработали все входные двери у ротных помещений. Открыли во время обеденного перерыва штаб и залили всю внутреннюю поверхность ковра в кабинете начальника штаба. На ужасающие вопли майора А. я отвечал, что только свято выполняю свой долг. Видимо, майор А. понял, что со мной бороться не надо, и оставил меня в покое до конца службы.

Летом в Новокуйбышевских садах мои подчиненные надрали полмешка яблок. В большущую 20 литровую бутылку накрошили яблок, насыпали сахарного песка и накрошили пачку дрожжей. Налили до горлышка воды, заткнули бутылку пробкой со вставленной в нее толстенной Бировской пустотелой иглой. Брага быстро закипела и первое время стравливала газ через иглу. Когда в бутылке образовалось много пены, пробка вылетела и ударилась в бетонный потолок аптеки. Сила была такова, что в бетоне долго зияла щербина.

Пришел как-то ко мне начальник штаба, подозрительно покрутил носом. Я же быстренько налил ему большую кружку браги. Он степенно выпил и сказал: «Сколько в жизни я ни пил браги, а такой как у тебя, доктор, не пробовал».

Весной, в призыв, поступило в часть очень много выходцев из Грузии. Сразу они расслоились на князей и обычных бывших крестьян. Князья сразу нашли себе работу: заведующего клубом, столовой, кладовой. Заведующий столовой – рыжий круглоголовой детина, Дото, быстро подружился со мной. И вот, идем перед обедом снимать пробу. Ходили обычно шеренгой с соблюдением иерархии. Первым вышагивал я, за мной маршировал фельдшер Колька, а далее санинструктор и штабной писарь. Зашли на товарный склад и из огромной бочки добыли две жирнющие селетки. Приходим в столовую, а Дото и говорит: «Зачем в столовую пойдешь, дохтур. Заходи ко мне. Ты же знаешь, сегодня я посылку из дома получил!» Захожу. На столе огромная сковорода с кусками какого-то мяса, политого куриными яйцами. Ко всему этому банки с ткемали, аджикой, тарелки с чесноком и перцем. Говорю: «Откуда мясо?» На что Дото отвечает: «Ты что, дохтур, не знаешь? На нашем свинарнике сегодня ветеринары работали!» Объяснять не надо было ничего. Просто сегодня выхолощивали поросят. Быстро на столе появилась бутылочка с домашней чачей. Домашняя чача резко отличается от покупной. Домашний напиток около 60° крепости, пахнет виноградом и деревянной бочкой. Покупная же чача – обычная самогонка. Выпили по стакану. От души закусили жареными поросьчьиими яичками. Они немного вкусом напоминают почки. Ткемали и аджику я просто обожаю и могу есть ложками с хлебом. Сколько я потом ни вспоминал, но такой вкуснотищи что-то не припомню!

На кухне днем была поваром вольнонаемная Леля Михайловна. Она нас искренне любила и давала по тарелке мяса, прикрытого для порядка перловой кашей. Все завершал чай, обязательно с лимоном.

Чтобы завершить кухонную тему, хочу рассказать о солдате – поваре с Украины. Он, когда нарезал мясо, обычно прямо сырые свиные уши солил крупной солью и с аппетитом поедал.

Бежало время. Вот и второй военный ноябрь. Составляю требование на пополнение средств. В конце декабря получаю контейнер с медикаментами. Как положено, для домашних я готовился к очередному «построению». Контейнер привезли уже запоздно. Разгружали – моя медсанчасть и два наиболее приближенных офицера. Когда дело дошло до оплетенной огромной бутылки, меня отстранили в сторону и несли ее дрожащими руками вчетвером. Я открыл бутылку и притворно ойкнул. Вместо спирта в бутылке была какая-то синяя жидкость. С убитым видом сказал, что спирт чем-то покрасили и его пить нельзя. Сам же быстро скумекал, что в синий цвет можно покрасить только синькой, а синька безвредна! Я выдержал паузу минут в 10. Потом взял большую фаянсовую аптечную кружку, налил в нее спирта и провозгласив: «Что ж, пострадаю за всех!», осушил ее. Все присутствующие изумленно смотрели, как я буду умирать. И только минут через 15 загалдели: «Мы тоже хотим умереть!» Выпили по кружечке и зашумели. С тех пор любой спирт называли только «синенький». Вскоре я самостоятельно сообразил, что присланный спирт лучше употребить с питейными целями. Всех работавших на заводе синтеспирта мы обязали на прием приходиться с бутылкой так называемого «шадыма». Так звался неочищенный синтеспирт. Он резко пах калошами, но с ним можно было делать прививки и уколы. Не прошло и месяца, как мне насобирали литров пятнадцать шадыма.

Подходят ко мне трое прапорщиков – владельцев мотоциклов и приглашают меня с ночевкой на рыбалку. Взяли сетки, бредень и покатили в луга. Нашли хорошенькую полянку на берегу заливного озера. Пока одни ставили сети, другие бреднем наловили

пол-ведра рыбешки. Меня назначили кашеваром. Сварганил вкусную двойную ушицу. В варево добавил и четыре обабка или подосиновика. На стол поставил две фляжки с синеньким. Все вернулись с рыбалки, выпили и поели. Между тем стемнело. И начался кошмар! Злющие-презлющие комары не давали покоя. Чтобы кровососы не надоедали, легли спать головами к костру «звездочкой». Проснулись мы утром разом все, стукнувшись головами. Оказывается, по мере того, как прогорал костер, мы инстинктивно тянулись за дымком, пока не треснулись друг от друга. Мы проснулись, посмотрели друг на друга и захохотали. Наши морды были покрыты толстым слоем золы. Только белки глаз блестели на темном фоне. Отмылись и покатали назад в часть.

Совсем увлекшись, я пропустил рассказ об еще одной рыбалке. В мае Чапаевка разливается по всей своей пойме, образуя множество протоков, заливов, озер. Как раз в мае в отряде произошел какой-то аврал. Прикатил особист и все утро разбирался с начальством. К обеду ко мне в медсанчасть завалилась веселая компания: майор особого отдела и трое прапоров. «Поехали, доктор, на рыбалку?» Два раза повторять не пришлось. Я, как борзая, при слове рыбалка делаю «стойку» и весь дрожу от нетерпения. Покатали на мотоциклах в Чапаевские луга. Прапорщики сразу нацепили глухие костюмы противохимической защиты и по грудь в воде стали бродить по лугу. Среди кочек на высоких местах там и тут мелькали шары шампиньонов. Короче, наловили по ведру на каждого бели и щурят, а я насобирал целую плащ-палатку преотличных грибочков. Разделили рыбу и грибы, осушили по стопке «синенького» и отправились по домам. В тот день вся семья уже спала, а я от большой радости потрошил рыбу и чистил грибы.

В самом конце мая, перед моей демобилизацией, мне присвоили звание старшего лейтенанта. Это была не шутка. Зарплата

сразу повысилась на 60 рублей. К этому же времени, совершенно случайно, нам с женой досталась однокомнатная кооперативная квартира с телефоном, так что тогда я просто летал на крыльях счастья. В магазине части купил холодильник. Теща помогла приобрести рижский гарнитур, и мы зажили.

Так вот, в самое это время вызывает меня к себе замполит. Говорит, ты, мол, молодой человек, не дурак, не вступишь ли тебе в партию?

В окончательной победе социализма я не сомневался. Правда, насчет коммунизма сомнения были. Всю жизнь я был по убеждению в числе передовых ребят. Правда, никогда бы не согласился на роль какого-нибудь комсорга предприятия. Решил сразу: буду в первых рядах строителей коммунизма. В отряде получил все рекомендации. Окружная партийная комиссия проводилась в Куйбышеве. Вокруг одни генералы. На редкость никто не приставал с вопросами. Анкета была в полном порядке. Только один генерал-полковник сказал: «Армии такие ребята нужны. Не хочешь ли ты в ней остаться?» Не стал резать напропалую все, что думаю, а попросил два дня на обдумывание. Через день же пришел приказ на мое увольнение. Так все решилось без лишнего шума. Увольнение, или «вынос тела» проходило следующим образом. Вечером взяли палатки, много водки и пива, санитарную машину и покатали на турбазу «Березка». Вернее, на полянке около турбазы на берегу озера разбили палатки. Вместе со мной демобилизовался политрук третьей роты, призывавшийся со мной из Волжска. Сначала его в одних плавках уложили на травку. Все сели вокруг кружком, говорили речи, пили водку и запивали пивом. Остатки пива из кружек выливали дембелю прямо в пупок. Не забывали наливать и будущему штатскому. После четвертого тоста все окосели и меня выносили без обмывания пивом. Навыносились до того, что еле вползли в палатки. Утром следующего дня я насовсем покидал

часть. Простился с командиром, получил документы и отпускные. Очень тепло простились со мной в медсанчасти. Подарили праздничную книгу, пластинку, на которой все расписались, и свои фотографии. В сенях к потолку прибили гвоздем 120 миллиметров мою фуражку. Снял погоны и уже совсем штатским отбыл домой. Как гуляли с женой в ресторане, как устраивался потом на работу, расскажу в следующий раз, а пока – привет!

**КАК МЕНЯ ЗАНЕСЛО В ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН (заметки
случайного туриста)**

Путешествовать – это возможность не только получать новые сведения, но и по-другому смотреть на мир, ощущать его цвета, запахи, вкус. Раньше я просто не мыслил куда-нибудь отправиться. Пришел 1976 год, и моя жена вдруг отправилась путешествовать в Японию. У них сколотилась группа крепеньких сельских механизаторов и две девчонки, переводчицы с английского. Это было в то еще время, когда по островам путешествовали не на борту теплохода, а сначала самолетом, а уж после по автострадам на автомобиле. Из ее рассказов мне запомнились две истории. В городе Нара – древней столице Японии, они впервые столкнулись со старинным обычаем совместных туалетов. Одна незамужняя девочка вошла в туалет, где справлял свою малую нужду молодой человек из их группы. Оба настолько растерялись, что мужчина не нашел ничего лучшего, чем произнести, отвернувшись от писсуара: «Ты что делаешь? Не видишь что ли, что я икаю?» С тех пор мы определенный акт называем: «Ты что, не видишь, я икаю?»

В другой раз, кажется в Токио, группу повезли на завод по производству sake. Экскурсоводы предупредили, чтобы в бродильном цехе никто глубоко не дышал. В ответ на это наши мужички принялись дышать вздыхом, но это не привело к должному эффекту. Осмотр заканчивался в дегустационном зале. На маленьких столиках стояли бутылки с sake. Пили и просто так, пили и подогретый напиток. Мне самому приходилось пробовать японскую водку – напиток мутного цвета с сильным запахом перебродившего риса, крепостью около 14 %. Вся группа так напробовалась, тем более, что на закуску дали маленькие печенюшки с морской травой, что потом в автобусе, посреди японской столицы, долго звучала русская «Катюша».

С моей женой сдружился в группе один медик-травматолог. Сейчас он уже давно профессор. А после поездки я его часто подкалывал: «Как с женой ездить в Японию – ты можешь, а меня куда-нибудь отправить слабо?» Кончилось тем, что он меня пристроил в группу, отъезжающую в Англию. Как сейчас, помню собеседование в Обкоме комсомола. Это сейчас просто смешна для туристов партийная идеология, а тогда я на полном серьезе докладывал комиссии, что происходило на XXIII съезде партии. И вот, наша группа, на 2/3 состоявшая из простого полудеревенского люда, отбыла из Куйбышева. В Москве мы ночевали в гостинице «Спутник». Был подан шикарный ужин с основным энергетическим компонентом – сливочным маслом. Многие вытягивали губы, но я, как негласный врач отряда, посоветовал и масло «тоже складывать в горб».

Утром начался перелет из Шереметьево в Хитроу на тогда шикарном Ил-62. Хитроу – центральный аэропорт Лондона, поразили огромными размерами, пустыми длинными коридорами и первой возможностью общаться по-английски с надменными таможенниками. У входа в аэропорт нас уже ожидал автобус. Надо сказать, что стояла вторая половина ноября. В Москве температура доходила до -25°C . В Англии нас ожидал по нашему октябрь. Автобус заскользил на север от столицы. Первый обед был организован в закусочной при заправочной станции. Она была что-то вроде теперешнего Mc' Donalds(a). Еда была довольно безвкусная, но сытная.

Шоссе было изумительно гладкое, но тогда и позже, когда мы проехали почти всю Англию, не переставал удивлять один фактор. Чистота, как в операционной. Практически нет незанятого пространства. Квадратики полей с перелесками. Все пространство вокруг поделено какими-то заборчиками. На полях множество охотников и рядом же пасутся фазаны.

Первое, что приходило на ум: у нас в России можно идти свободно на 1000 верст в любую сторону, здесь же организованная, опрятная частная собственность. На фермерских полях давно скосили сено. Солома везде была спрессована в брикеты. Брикеты складывались, благодаря фантазии хозяина, или просто кубом, или в виде средневекового замка, или обычного дома.

К полудню в маленьком городке мы посетили знаменитый средневековой Линкольнский собор.

Часовая остановка – и автобус покатил дальше. Переехали несколько речек и везде никакого намека на дикость. Берега ухожены, плывут лодки, рыбачат рыбаки и нигде ни соринки, ни сломанного сучка, ни костерка, ни палаток. Кажется, что это не живая природа, а кем-то нарисованная картина.

Дорога нас начала немного утомлять, когда в сумерках раннего вечера засветились огни небольшого поселка. Нас быстро распределили по домам, и мы принялись знакомиться с нашими хозяевами. Я, не очень сообразительный от природы, как-то про себя догадался связать судьбу с самым старшим по возрасту из нашей группы. Я сумел понять, что это человек из органов. Наши хозяева – семья шахтных инженеров на пенсии – проживала в двухэтажном особнячке. Она – Энн, он – Аллан. Их взрослые дети жили где-то в Европе. В тот же вечер в местной мэрии состоялся вечер дружбы. По домам вернулись около одиннадцати. На столе стоял ужин, а под видом друга семьи объявился молодой человек, я думаю, той же профессии, что и мой новый товарищ. Хорошо поели, а на соседнем столике так и стояли бутылки с пивом и какое-то шотландское виски. Мы оба недоуменно поглядывали на этот стол. После ужина, когда уже напились и наелись досыта, расселись у камина, поболтали, нам предложили напитки. Товарищ в свое время изучал немецкий, и на меня вдруг свалилась обязанность основного носителя местного языка. Ло-

потал самоуверенно, но крайне примитивно. Основным словом было «Thank you». Короче, я застеснялся, и в тот вечер мы ничего не попробовали горячительного. Улеглись спать в спальне на втором этаже. Слышу в темноте недовольный шепот друга: «Если завтра ты хоть раз скажешь сенькью, – расстреляю!» Чтобы как-то оправдаться, открыл я чемодан, а там...

В те времена с собой разрешалось провозить около литра водки. Из дома взял бутылки «Столичной» и «Старки». И надо было случиться беде, что при погрузке в самолет разбилась бутылка «Столичной». Все вещи остро пахли водкой. Взял себе трусики, товарищу уступил майку, мы ими накрылись и заснули, как под действием наркоза. Утром нас разбудил осторожный стук в дверь. Хозяин спрашивал: «Кофе или чай?»

Попили приятнейшие напитки и пошли умываться. Прежде чем поехать в Англию, я, конечно, читал популярную книгу Овчинникова «Корни дуба». Но все равно меня удивил обычай в ванной комнате обходиться без душа, затыкать раковину пробкой и в набранной воде сначала чистить зубы, а уж потом совершать омовение.

Весь второй день посвятили изучению окрестностей. Сам Ноттингем – столица графства – произвел впечатление чего-то серого и старинного. Здесь во время прогулки по городу какие-то девушки спросили меня, как пройти к торговому центру. Во-первых, я понял вопрос, во-вторых, они, кажется, правильно поняли мой ответ. Побывали в спортивном центре. Это огромное здание, построенное на средства жителей округа. Там нам предложили сквош-теннис в одиночку, боулинг и в заключение – бассейн.

В бассейн мы не пошли и вернулись в автобус. И только тогда я вспомнил, что накануне оставил на сиденье свою ненужную здесь старенькую ондатровую шапку. Шапка была цела, но мне шофер за нее сразу предложил 50 фунтов. Учитывая, что весь

наш обменный фонд составлял на две недели 60 фунтов, я после очень жалел о своем страхе и несостоявшейся сделке.

В обед мы опять были дома, и хозяева предложили нам съездить в поместье Байрона. Оно располагалось километрах в 6 . От дома оставался только остов старинного замка. Рядом с замком протекала через парк небольшая речка. По ее берегам примостились множество рыбаков. Удивляло почти полное отсутствие рыбы и удивительное оснащение рыболовов. Во дворе замка стоял отлично сохранившийся памятник любимой собаке лорда с его эпитафией – стихотворением. Все было очень интересно, на следующее утро я поведал о своем экскурсе всем одноклассникам и, по общей просьбе, мы снова побывали здесь на незапланированной прогулке.

Кроме этой экскурсии, мы целый день провели в расположенном на холмах возле Ноттингема замке печально известного шерифа.

У самого подножья холмов начинался обширный Шервудский лес, где некогда обретался великий разбойник Робин Гуд. Легенда о Робин Гуде очень живуча в Англии.

На поляне Шервудского леса стоит примерно шестисотлетний дуб, на котором устраивал свои засады глава вольных стрелков. В дубе, который могут обхватить только человек двенадцать, имеется огромное дупло. Ветви дерева, толщиной с наш средний дуб, подперты огромными стволами. В этом гиганте американские туристы решили разжечь костер, и английские пожарные целые сутки не могли справиться с возникшим пожаром. Притча о Робин Гуде относится к временам Ричарда Львиное Сердце, а это века на 3 раньше, чем вырос этот дуб. На это англичане обычно отвечают: «Конечно, этого не могло быть, но все – истинная правда!» В парке существует небольшая диорама, посвященная лесным братьям. Когда мы бродили по тропинкам Шервуд-

ского леса, то встречали множество грибочков, похожих на наши поганки. Правда, англичане заверили, что их употребляют в пищу местные выходцы из Польши и считают грибочки вполне съедобными. Где бы мы ни были в Британии, всегда встречали во множестве поляков. Они понаехали во время II мировой войны. Это прослойка населения считается местными аборигенами беднейшим людом страны.

Мы провели около Ноттингема трое суток и покатали дальше на север.

За Ноттингемом начинаются угольные Британские края. Направо и налево – шахтные терриконы. Во всех городах все больше угольных магазинов. На витринах таких магазинчиков случилось видеть до 20 сортов разного угля. Он отличался по качеству и размеру кусочков.

Севернее от Ноттингема мы проезжали какой-то огромный холм высотой около 150 метров. Экскурсовод обратил на него наше внимание. Оказывается, в древности в здешних краях существовала очень красивая легенда, связанная с этим холмом. Легенда удивительно походила на одну из сказок китайской книжки «Сказки братьев Лю». Пошел гулять один мальчик и нашел в горах маленькую змейку. Пожалел ее мальчик и взял домой. Стал ее кормить разными букашками. Змея очень быстро росла и вскоре родители мальчугана заставили его убрать ее из дома. Мальчугану было жалко свою пленницу, и он отнес ее в пещеру. Змеища меж тем росла и стала уже поедать людей. Тогда народ сказал: «Ты завел, вырастил этого дракона – ты должен и освободить нас». Всю ночь мальчик думал, а утром обвязался ножами и пошел в пещеру. На встречу ему выполз уже огромный дракон. Он проглотил юношу. Парень в утробе чудовища принялся крутиться и ножами поранил внутренности чудища. Дракон околел,

мальчишка выбрался наружу живой, а народ закопал дракона в холм. Этот-то холм и видать у дороги.

К обеду мы оказались в красивом замке, расположенном среди дубового парка. Меня поразил садовник, который лопатой ковырял дерн и сажал в ямки желуди. Когда спросили, зачем он это делает, ведь дуб вырастет еще не скоро, садовник мудро ответил: «Пусть я умру, но мой сын будет любоваться молодыми дубками!» Весь следующий день мы осматривали окрестности. Вернулись и сразу почувствовали, что-то не так. Сначала один, а потом уже все сообщили, что у них шарилы по вещам. Не растерялась только группа ребят из Приволжья. У них пропала связка сушеных лещей. Парни пошли к мусорным контейнерам и извлекли из них свою рыбу. Оказывается, горничная решила, что у русских что-то протухло и выкинула отличную рыбешку. Кстати, с этими лещами уже был интересный случай. На третий день жизни в английской семье мы уже не жеманились и попробовали и шотландское виски «Шотландские колокола», и местное пиво. Вот как раз одного леща я попросил у земляков. Взял у хозяев чистую бумагу, демонстративно вымыл руки и разделал сушенку. Хозяину дал хвостик, а сами усердно взялись за рыбу и пиво. Смотрим, а дедушка к лещу даже не притронулся. Когда я спросил его, почему, он показал на рыбу и свой носок. Не удалось нам переделать британского вкуса!

Длительная поездка все-таки завершилась.

Вот мы и в Бемеше – старинном университетском городе. Не всегда изучающие гранит науки, студенты повсюду. Северней только граница с Шотландией. Осмотрели городок. Как положено, ратуша и спортивный центр. На центральной площади – конная статуя какого-то графа в 1,5 человеческого роста. Однажды ночью, когда жильцы ничего не видели, студенты покрасили монумент в белый цвет. Каково было негодование горожан на сле-

дующее утро! Мне кажется, очень правильно поступил мэр городка. Негодников быстро нашли и вместо суровых административных наказаний тоже в одну ночь велели отчистить памятник ацетоном.

Недавно я побывал в стариннейшей сельскохозяйственной академии Самарской области около городка Кинель. У корпуса «Животноводство» стоят скульптуры знаменитых производителей, быка и коня. Порезвились также студенты. В одну темную ночь они покрасили голубой краской причинные места у быка. Хулиганов так и не нашли. И еще долго народ любовался на художества студентов.

Вечером в Бемеше мы посетили студенческое общежитие. Сидели студенты кто на окнах, кто на диванах, кто на полах. Шел 1983 год. Наши студенты еще считали зазорным где-то работать. Нас же пригласила к себе в комнату болгарская девушка. Она училась на третьем курсе экономического факультета. Комнатка сверкала чистотой. Она нам рассказала о своей учебе. Учеба платная. Правда, существует ряд общественных стипендий. Сама она зарабатывает на учебу, работая там же уборщицей.

За последние три дня наш отряд посетил несколько заброшенных шахт и музей угледобывающей Англии. Остались самые интересные впечатления. И снова мы в дороге. Километры шоссе принялись отматываться в обратном направлении.

Только теперь наш автобус выбрался на дорогу, идущую вдоль побережья Северного моря.

Следующая остановка была в небольшом городке – Сатерленде, расположенном на самом побережье. За две недели, проведенные в Туманном Альбионе, обувная щетка понадобилась только здесь, да и то, потому что набежавшая на песчаный пляж волна подмочила мою обувь. Местные жители рассказывали, что в XV, XVI веках здешние пираты увлекались грабежом выбро-

шенных на рифы кораблей. Сатерленд мне запомнился походом в драматический театр. Шла поп-опера «Джон и его магический плащ». В ней переигрывалась библейская притча об Иосифе. Музыка была такая приятная, что еще дня два звучала в ушах. Во время прогулок по городу встречались лавки, где свободно продавались неоципаные фазаны. Уже не останавливаясь, проехали Ноттингем и поздно вечером прибыли в Лондон. В столице нам предстояло пробыть три дня. Есть такое представление, как коммуникабельность. Это к тому, что даже с троечным школьным багажом знаний языка, я везде понимаемо общался на языке и англичане, как ни странно, меня понимали.

Утром нашу группу познакомили с русскоговорящей эмигранткой 20-х годов. Она провела замечательную экскурсию. Моя жена позже девять раз была в Лондоне, но не увидела и половины из того, что видел я. Наша гостиница, построенная в Викторианском стиле, находилась всего в квартале от Гайдпарка. Было воскресенье, и мы сначала отправились пешком вдоль ограды парка. Как на работу, к ограде спешили лондонские художники. Только по выходным им позволялось на ограде выставлять свои полотна. Свернули в парк, и дошли почти до Альберт-холла – огромного музыкального театра. Именно в этой части парка располагается очень интересное место – уголок спикеров. При всей будничности названия это очень увлекательное место. На площади парка около 10 соток собирается разбитая на отдельные кучки толпа англичан. Причем группки колеблются от двух человек до десятков. Ораторствовать пытаются на всевозможные темы. Религиозная тематика, общественно-политическая соседствуют с бытовой. Мне запомнилась пожилая парочка. Она взобралась на раздвижную импровизированную паперть, он расположился прямо на газоне парка. Она самозабвенно вещала что-то на религиозную тему, он очень внимательно ее слушал.

Наша русскоговорящая группа стояла, сплотившись, в центре кучки ораторов. Вдруг мы заметили, что вокруг нас стала собираться куча зрителей. Самое интересное, что никто ни слова не понимал по-русски, но, видимо, их завораживал сам вид говорящих людей.

Затем мы прошли по коротенькой улице и вышли на Трафальгар-сквер. В центре этой площади возвышается очень известная колонна адмирала Нельсона. Адмирал так же почитаем в Англии, как у нас на родине, например, Суворов. Вокруг колонны сквер с отдыхающими британцами, туристами и тысячная стая голубей. Голуби повсюду. Их кормят семечками, они воркуют, едят и прямо облепляют кормящих. Фронтон на площадь выходит белосерое здание с колоннами и треугольной крышей. Это здание я раньше уже знал по фотографиям и стремился к нему всей душой. В то время совершенно бесплатно, в отличие от нашего Эрмитажа или Пушкинского музея, мы проникли в амфиладу залов Британской национальной художественной галереи. Это два крыла здания с множеством переходящих один в другой залов соединяются в центре художественным магазином. Настолько богатого ассортимента я раньше нигде не видел. Огромные фолианты соседствовали со скромными изданиями и коллекцией филокартии. У меня до сих пор хранится каталог картин этого музея.

Наш график в Лондоне был максимально уплотнен, но я нашел время дважды посетить эту галерею. На меня неизгладимое впечатление оставили все полотна музея, но «Венера у зеркала» Веласкеса заставила сесть и минут 10 любоваться изгибами и оттенками ее тела. В этом зале произошло любопытное событие. Часто в литературе встречается фраза, что тот или иной за границей «прямо вздрогнул, услышав родную речь». Я же, уже привыкнув к иностранной речи, минуты две слушал и не узнавал русскоговорящую группу с теплохода «Шота Руставели».

В первый же день, помню, мы посетили Букингемский дворец с величавым памятником королеве Виктории, наблюдали смену гвардейского караула у старого здания Министерства обороны и у королевского дворца, побывали у дома Шерлока Холмса и в Тейт-галереи – музее английского искусства. На берегу Темзы выше Тауэрского моста расположен центральный комплекс столицы Биг Бен – башня с самыми большими здесь курантами, парламент, куда меня совсем не тянуло, и Вестминстерское аббатство. Такое величие я наблюдал только при посещении Исакиевского собора в Ленинграде.

Вестминстер мало того, что величественен и красив, это еще и пантеон знаменитейших людей Англии.

Напротив Парламента через Темзу – какое-то государственное здание, так вот, весь день у него под фронтоном бежит строка – сколько в Великобритании на нынешний день безработных! Храм Святого Павла – один из самых больших в мире. На площади перед ним стоит красивый памятник в виде столба с фигурами людей. Спросили нашего экскурсовода, и она ответила пренебрежительно: «Это вражеский знак – памятник погибшим англичанам в Севастопольскую компанию».

Еще интересное наблюдение нас ожидало в переходе через Oxford Street. В Британии официально запрещено нищенство. Нельзя попрошайничать, а необходимо производить какую-то работу. Так вот, в том переходе стоял человек, бил по кастрюльке ложкой и получал при этом милостыню-вознаграждение.

В лондонской гостинице я впервые за две недели увидел душ, и то это была одна душевая кабинка на целую гостиницу.

В Англии продается много пива. Пиво бутилированное, в баночках и стаканчиках.

Когда смотришь американские фильмы, видишь, как они в невероятных количествах поглощают жидкости. Будучи в Англии, я

пришел к абсолютно крамольной мысли, что малопьющий человек чувствует себя значительно свободнее. Во-первых, чем больше человек пьет, тем больше ему хочется. От воды становишься рыхлым и грузным. Сухой человек более подвижен и работостоек.

В Англии я не раз замечал немного пренебрежительное отношение к янки.

Как можно увлечься и уйти от поднятой темы? Это о пиве. Количество сортов я даже не возьмусь перечислять – их далеко за двадцать.

В городе Ноттингем мне удалось побывать в типичном для страны пабе. Паб – это нечто среднее между нашей пивнушкой, клубом и кафе. Там можно посидеть, отдохнуть, обсудить все новости, поспорить о политике и, главное, попить своего любимого пивка. За пару часов выпили по две кружки светлого, узнали, что американцы – «ну абсолютное дерьмо» и что наш Ю.В. Андропов очень болен. Об Андропове мы тогда ничего еще не знали.

Самое интересное, что пабы находятся в километрах в 2–5 от дома и туда все съезжаются на собственных машинах. Представьте, какой «навар» был бы для наших ГАИшников!

Еще большое впечатление на меня произвели проселочные дороги ночью. Ни одной выщерблины, а перед тобой светятся т.н. «кошачьи глаза». Это специальным флюоресцирующим составом покрыта вся разметка на дорогах.

Англичане даже не скупые, а очень экономные. Меня поразили такие мелочи. Несъеденные пирожные назавтра просто превратили в сладкие тосты и подали к кофе. Вспоминается, как наш хозяин утром делал себе бутерброд с маслом. Он не резал масло, а соскрябывал на нож. Затем тонюсенький слой масла ударами ножа наносил на хлеб. Мы переглянулись с товарищем, дождались, пока хозяева не вышли на кухню, и отрезали по толстеному лепестку масла.

Я боюсь показаться крайне невоспитанным, но когда в одном ресторане нам каждому после цыпленка подали по половинке лимона, я выкроил кусочек себе в чай, а уж после обработал, как было положено, руки.

У каждого хозяина для выдавливания кремов или пасты из тюбиков существует интересное приспособление. У нас я его ни разу не видел. Дно тюбика вставлялось в расщеп «Г-образной» палочки. Тело тюбика как бы накручивается на палочку и досуха выдавливается содержимое. Накупили мы все диктофонов, разной одежды, духов, а мы с дружкой – лески и крючков. Диктофоном фирмы «Sony» до сих пор пользуется моя жена. В музей мадам Тюссо я так и не попал.

Напоследок допили всю нашу водку и съели остатки копченой колбасы. Ерунда, что англичане не едят наши продукты. Так едят и пьют, что у нашего старшего группы за «ушами трещало», когда мы устраивали проводы.

Много еще чего можно было рассказать о чудесной стране туманного Альбиона и о ее людях.

Но самолет уже нес нас на восток домой. Почти целый день мы провели в Москве. Было промозгло и холодно. Все разбрелись в разные стороны по своим делам. Ничего после Лондона особо не хотелось. Тем сильнее было общее недоумение, когда часа в два почти вся группа, не сговариваясь, оказалась в пивбаре «Жигули» на Калининском проспекте.

Попили пивца с королевскими креветками, вспоминали шикарную жизнь за рубежом. Очень быстро бежит дорога к дому. Даже колеса поезда кажется, стучат быстрее. Пошли ужинать в вагон-ресторан. И знаете, что сделала с людьми Англия? Весь колхозный люд в ресторане отказался есть без ножей.

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЖИЛОГО ГУРМАНА
(за правдивость отвечаю)

Наступило интересное время. Сейчас все едят, готовят, занимаются экстримом.

Писанина в моей жизни – просто вариант графомании. Уже четыре года я болен. Как говорят в народе, меня посетил Кондрат, и сейчас я плохо хожу, говорю, работаю. О моих кулинарных приверженностях может сказать моя абсолютная всеядность. Я употребляю все продукты, кроме пресного молока. Еще мальчишкой жизнь заставила меня как-то лет в семь оказаться дома одному. Мать болела и почти всю зиму провела в больнице. Отец был в то время станочником и работал в три смены на Станкозаводе. Еще маленькому он объяснил мне одну простую истину. Слушай, Мишка: «Если исходные продукты съедобные, то испортить пищу тяжело!» Этим принципом я потом пользовался всю жизнь. Конечно, я больше, особенно в детстве, любил мясо. Был особо привержен к баранине, может быть потому, что мама считала: работающий физически отец должен каждый день есть свежий суп. Мое первое самостоятельно изготовленное блюдо относилось именно к этому периоду жизни. Помню, отец был на работе, а меня что-то толкнуло покулинарить. Я мелко нашинковал большую луковицу, посолил ее, залил маслом и уксусом. Съел с черным хлебом. Вкуснотища! Может быть, даже раньше этого блюда я освоил очень популярную тогда детскую еду. Брался стакан сахарного песка и каплями добавлялся чай. Сахар постепенно промокал. И вот, когда сахар становился влажным, но без лишней в нем воды, его ели ложкой и считали очень вкусным.

Следующее блюдо меня научил делать мой папа. Года с 58-го мы на нашем дачном озере у истоков Студеного Оврага добывали во множестве маленьких карасиков. Мы их жарили в сухарях и употребляли вместо семечек. Иногда варили из них уху, которую

я полюбил на всю жизнь. Правда, справедливости ради надо сказать, что мне больше всего нравится двойная уха из окуней и карасей. Готовлю я ее обычно следующим образом. Беру и варю картофель вместе с моркошкой и рыбьими головами. Туда же идут рыбьи зачистки. После того, как все как следует сварится, процеживаю бульон, довожу его до кипения и опускаю в него рыбу. Для контроля одна из рыбешек должна быть с головой. О готовности ухи обычно судят по полной белизне глаз рыбы. Все мои друзья любят уху по-Кашински. Это вариант пряной ухи. Когда она уже готова, я добавляю в нее лук, специи с душистым горошком и листья черной смородины в сочетании с укропом. Некоторые рыбаки будут возражать, но все друзья обычно похваляют и просят добавки. После того, как мы освоили ловлю вьюнов, то стали охотно и их добавлять в уху. А один родственник жены – старый рыбак варит отличную уху из верхоплавков и сорожек. Он считает, что уха обязательно должна быть светлой, тогда как карась придает ей темноту. Он в почти готовый бульон добавляет, обязательно помешивая, сырое яйцо. Но правильно говорят, что о вкусах не спорят.

На самом деле, сейчас очень трудно говорить о еде. Есть кулинарные журналы, множество телепрограмм и для изысканных гурманов, и для обычных потребителей съестного. Понимая всю сложность этого, я как смогу, опишу те блюда, которые прижились в нашей семье.

Когда мы с женой были еще молодыми, мы почти каждое лето отдыхали в селе Борское. Самарка в те времена была еще вполне судоходной. По крайней мере, мы часто на плоскодонке с подвесным моторчиком «Стрела» уплывали на «Старое русло». Там, искупавшись, мы усаживались перекусить. Еда была простая, но очень аппетитная. Кусок копченой «Киевской» колбасы мы разламывали пополам и ели прямо от куска, закусывая чер-

ным хлебом и сочной луковицей. Когда я об этом рассказывал товарищам по работе, они сидели и тихо глотали слюнки.

Постепенно пришло понимание шашлыка. Диалектика выбора мяса была такова: сначала говяжье «яблочко», затем вырезка, которую прочно сменила свиная «шейка», обязательно с косточкой. Однажды я попробовал шашлык с косточкой из молодого барашка. До сих пор не могу решить, что лучше: свиной или бараний шашлык? Прогрессировал и вопрос о размере кусков мяса. От типичных для шашлыка кусочков мы перешли к большим сочным кускам барбекю, которые жарим на решетке. Еще я понимал, что специями и большим количеством лука шашлык не испортишь, но существует обязательное правило: добавлять к маринаду базилик, или реган, как его называют по-восточному у нас на базаре, и кинзу.

Году в 80-м, будучи в Борском, мы шумной компанией отправились отдохнуть на Самарку. На одном перекате насобирали целое ведро двухстворчатых раковин «жемчужниц». Ходят слухи, что во время войны некоторые семьи спасались ими от голода. Мы же отрезали моллюсковые ноги и сварили их в котле со специями. С нами было много ребятни, и им очень понравилось кушанье. Лет пять потом они приставали ко мне, чтобы я им сварил «устрицы».

То, что пельмени должны делаться по-настоящему из трех сортов мяса, знают все. Я сам люблю, когда в фарш для запаха добавляют специи и чуть-чуть чеснока. А вот о размерах существуют разные мнения. Считается, что настоящие сибирские пельмени должны быть маленькими, вроде теперешних ravioli. Когда мы только поженились, то в первую супружескую зиму поехали к тете жене в село Борское. Тетя Катя знала о моей любви к пельменям. И что же она сделала? Трудно назвать пельменями вареные пирожки величиной с ладонь взрослого мужчины с рубленным тят-

кой мясом и картошкой. При всей моей любви к этому продукту больше одного «пельменя» я не осилил. Мне же самому нравятся пельмени из тонкого теста, вмещающему в себя штуки 3-4 равиолин. Чтобы лучше чувствовать вкус пельменя, я их ем только без ничего или со сметаной. Хотелось бы порассуждать о сочности кушанья, но это пусть останется на совести хозяек.

С самого раннего детства я следил за отцовым приготовлением сельди. Опять столкновение мнений! Точно знаю, что часть людей считают заправленную сельдь извращением и едят ее с картошкой или черным хлебом, просто нарезав на куски.

Мой же папа превратил заправку в целую науку. Сейчас принято ругать прежние времена, но в 50-х годах в гастрономах продавалось 4 сорта сельди от 80 копеек до 1 рубля. Была и малосъедобная, так называемая «ржавая» селедка, и рыба с головой и без головы. Еще она отличалась по солености, жирности, качеству засола или маринада и по океану, в котором выловили рыбу. Я для своей семьи обычно покупал крупную, жирную, малосоленую североатлантическую сельдь по 1 р. 40 коп. Отец расстилал на столе газету, остро оттачивал нож. Отрезал сельди голову и хвост, надрезал тушку сверху и снизу до позвоночника, выкидывал из живота содержимое. Икру, молоки и жир сохранял. От хвоста снимал кожу. Выбирал тщательно позвоночник и кости. Полученное филе нарезал кусочками. Часть икры и мясо с позвоночника доставалось нам, мальчишкам-зрителям. Далее очень тонко нарезался кольцами репчатый лук. Особо ценился крупноголовчатый сладковатый лук сорта «кабо». Тут возникает еще одно разногласие. Кто-то признает только масляную заправку. Отец же делал заправку из масла и очень слабого раствора уксуса. Его на праздники просили заправить сельдь все соседи.

Видимо уроки пошли впрок, и я также заправляю селечку. У меня после инсульта не работает правая сторона, и я изобрел некую

рационализацию. Лук, одно свежее яблоко я прокручиваю на электромясорубке. В маринад добавляю еще ложечку горчицы. Домашние хвалят и говорят: «Ничего!»

Где-то году в 75-ом я освоил по сталинской кулинарной книге чахохбили и готовлю его до сих пор. Почему книга сталинская? Просто она была издана в 1952 году и называлась «Книга о простой и вкусной пище». Кстати, я читал много такой же литературы и считал эту книжицу наиболее информативной, лишенной всяческих изысков и выкрутасов. Готовил по ней еще несколько блюд и каждый раз – удачно! Еще считаю, что не должно быть незыблемых рецептов – каждое блюдо требует импровизации.

Так вот катилась жизнь со своей рутинной и всплесками открытий. Одним из открытий стал ханьгал. В 1987 году наша семья оказалась в гостях у друга из Борского – азербайджанца Валентина. Его жена приготовила блюдо, рецепт которого привезла из путешествия по южному Азербайджану. Еда мне очень понравилась. С тех пор я сам часто делаю его и пропагандирую среди знакомых. Если я вас заинтересовал, то слушайте...

Постная говядина или баранина режется кубиками по 1,5 см и тушится с овощами по всем правилам, в жаровне. Затем готовится пельменное тесто. Тесто довольно тонко раскатывается и режется ромбиками со стороны примерно 4 сантиметра. Тесто варится в пельменном бульоне. Я добавляю в него обычно лук, лавровый лист, душистый перец и кубик «Галины Бланка». В заключение готовится яичница-«болтуня». Все искусство приготовить все ингредиенты одновременно и положить в тарелки следующим образом. На дно тарелки укладывается вареное тесто, на него – тушеное мясо. Третьим слоем идет яичница. И все заливается чесночным соусом. Соус готовится очень просто. На баночку сметаны раздавливают 3-4 дольки чеснока. Я разработал следующую тактику приготовления этого блюда. Мясо тушу за-

ранее. Тесто, еще сырое, но нарезанное уже ромбиками, укладываю на посыпанные мукой противни и зимой выношу на улицу или прячу в морозильную камеру. Тесто варю и жарю яичницу ех tempo, то есть перед подачей. Соус готовится заранее, но не больше, чем за час до подачи. Если рассчитать время правильно, то мне удавалось накормить одновременно до пятнадцати гостей. Люди ели, хвалили и обычно просили добавки.

У меня на даче растут несколько кустов дальневосточного лимонника. И вот я разработал рецепт «посиделочного» чая. В заварочный чайник кроме индийского или цейлонского чая кладут пару листков черной смородины и три-четыре листика лимонника. Получается душистый тонизирующий напиток.

Сынишка был маленьким, около 8 лет, и мы с ним отдыхали на турбазе «Дубки», что напротив пристани «Зольное». Часто по вечерам мы брали лодку и по протоке уплывали далеко в луга. Там собирали душицу и миску лесной клубники. Клубнику засыпали сахаром и ели ложками. Настоящего чая почему-то не было, и мы заваривали душицу. Интересно, что еще долго во рту сохранялся запах леса и лугов.

Вы любите раков? Это, конечно, деликатес. Особенно мне нравились раки, приготовленные в русской печи. Не то, чтобы вкус у них необычный. Раки вроде бы те же, но необычно духмяные, пахнущие дымком и ржаной соломой. В жизни приходилось есть много всяческой вкуснятины. Вспоминается огромная сковорода с жареными в яичнице свиными яичками, политыми соусом «Ткемали» и запитыми 100 граммами домашней чачи. Не могу забыть стопки блинцов, фаршированных яйцом и мясом. Однажды я пробовал моченые в ржаной муке антоновские яблоки из погреба командующего Приволжским округом. Нельзя передать, какая вкуснотища. Лет 10 подряд готовил я в банках соленые арбузы. Вкусно. Но они даже в сравнение не шли с арбузами,

засоленными в дубовой бочке с мелко порубленной капустой и яблоками.

Из воспоминаний раннего детства остались религиозные праздники у моей Кашинской родни. Семья Кашиных была староукладной и довольно религиозной. И хотя семья моего отца была атеистична, но праздники Масленицы и Пасхи всегда отмечались в родовом доме на улице Рабочая. На Масленицу на большом столе в зале стояла огромная стопа блинов. Готовились они по особому рецепту из гречневой муки. Больше я никогда не ел таких блинов. Смазывали их через один то взбитым подсоленным сырым яйцом, то топленным маслом. Всю стопку разрезали на сегменты. Стопки блинов поменьше ели с кислым молоком, с заправленной сельдью, с икрой, с вареньями. Наедались вкусно и до отвала.

Мой папа изобрел очень вкусный способ есть тонкие блинцы. Он заправлял летний салат из помидоров с большим количеством мелконарезанного репчатого лука маслом с перцем. Салат заворачивали в листок блина и ели. Было необычайно вкусно, сок стекал по губам.

Запомнилась с детства и Пасха! Мы приходили в дом бабушки. А там, на столе в зале вплотную стоят куличи. Большие и маленькие. Переложены грудой цветных яиц и горой конфет. Куличи свячёные в церкви и не свячёные. Сейчас думаю, разницы в них не было, а тогда свячёные куличи казались особо сладкими. Головки куличей были обмазаны белым растопленным сахаром. В нем укреплялось разноцветное пшено и горошинки конфет. Были куличи с изюмом и без него. Каждая хозяйка пекла свои куличи, не похожие на другие. Кому нравилось более плотное куличное тесто, кому – более воздушное. Были ценители сдобного изделия, а некоторым нравились более постные. На отдельном блюде лежали булочки с изюмом. Центр стола украшала сырная

пасха. Были специальные деревянные формы для ее изготовления, напоминающая пирамиду с рельефами крестов по бокам. От пасхи приятно пахло ванилином. Вся семья усаживалась за стол. Бабушка позволяла себе «лафетничек» кагора. Лафетничек – это была маленькая коническая рюмочка из цветного стекла. Из самовара всем наливался чай, и компания принималась за трапезу. Сначала ели яйца, а позже – пасху. Это было целое священнодействие. Разгар застолья проходил в поедании куличей, тетя Рая, какая-то приподнято-радостная, всем рассказывала о рецепте своих куличей, о том, как она их святила в церкви. Кончали пиршество чаем. Почему-то в Кашинском доме все любили хороший черный цейлонский чай. Какие-то умиротворенные и ужасно сытые расходились по домам, унося с собой по куску сырной пасхи и несколько куличей. О яйцах говорить не приходилось – все карманы трещали от крашеных яиц. Память о Масленице и о Пасхе сохранялась на целый год.

За жизнь я много где побывал и в России, и за границей. Пробовал всяческие вкусности, но остался не очень избалованным. Ел жареных поросят и гуся, фаршированного мандаринами и пельменями, и огромный марийский пирог с рисом и большими кусками сомятины. Пробовал разные морские деликатесы – в общем, обо всем не расскажешь.

В последние годы в связи с болезнью я не злоупотребляю едой. Последнее мое скромное изобретение – это морковь, картошка, лук, печеные в микроволновой печи и после сдобренные майонезом. Пицца весьма скромна, но хватает на полдня.

Правильно говорят на Руси: «Не хлебом единым сыт человек».

НЕМНОГО О МОЕМ ПАПЕ

Здравствуйте! Во-первых, сразу должен сказать, что никакой я не писатель. Марать бумагу меня заставила моя болезнь и полное одиночество. Меня 5 лет назад парализовало. Я плохо хожу, пишу и неважно разговариваю. Писать, или, попростому, маракать, я стал неожиданно. Просто появилась потребность поделиться с близкими и единовѣрцами тем, что хорошо знакомо, а не игрой фантазии. Я всегда считал писателей людьми с большим личным опытом. Мне немного неудобно за 20-летнего парня, называющего себя писателем. Хотя такие большие писатели, как Н. Островский или Хемингуэй к этому сроку уже прожили значительную часть своей жизни. Еще я знаю точно, что писать нужно только о событиях, интересных для большинства людей. Поэтому, я думаю, что в писательстве, как и в науке, оправдана теория свободных ниш.

Легко писать о малоизвестном или о том, в чем ты исключительный дока. Поэтому я не стал сочинять любовных романов или детективов. Мой удел – биографии близких людей, природа с грибами и рыбалкой и другие воспоминания о моей жизни.

Недавно я сидел и размышлял: чему можно посвятить следующий опус? Решение пришло неожиданно быстро. В моей жизни есть человек, которому я бесконечно обязан не только своим рождением, но и заложенной им мотивацией всей моей жизни. Каждому человеку кажется, что он прожил жизнь не напрасно. Как это можно объективно оценить? Я просто мысленно взял огромные весы и сложил на одну чашу все, в чем я, будучи неверующим, хотел покаяться, а на другую – свои хорошие дела.

Вот и получилось: на одной чаше детство, учеба, Артек, институт с вечным желанием всегда быть первым, работа в Марийском крае, служба в армии, довольно тяжелая работа хирургом и преподавателем с постоянными дежурствами по 6 – 10 раз в ме-

сяц, рождение двоих детей, постройка дачного дома и бани, посадка и корчевка многих деревьев, страдания и долгая болезнь, дружба, любовь; на другой чаше – страхи, предательство, смерть пациентов, самоуверенность, может быть гордыня, очень редко – подлость и стяжательство...

В общем, и не поймешь, что перетянет!

Как-то в «Мудрых мыслях» мне попало одно изречение. Я не ручаюсь за подлинность текста и авторство, но смысл его такой, что каждый человек может объяснить любой свой поступок, но это не мешает людям по-своему судить его. Каждому кажется, что он в общем положителен. Не избежал такой участи и я. И получилось, что всему хорошему в своей жизни я обязан моему папе. Очень любя его, я просто должен немного рассказать о нем.

Папа, Кашин Борис Михайлович, родился в семье служащего в 1916 г. Две старшие сестры и он родились прямо дома. Акушерка, принимавшая все трое родов, долгое время была любима и уважаема, как член семьи.

Борисом звали первого сына дедушки, умершего от холеры. В одночасье с ним умерла и первая жена деда. Он бросил службу в фирме братьев Крестовниковых и долгое время оставался одинок.

Род Кашиных я не сумел проследить достаточно далеко. Мне почему-то кажется, что эта фамилия как-то связана исторически с древним городом Кашин, что недалеко от Москвы. По рассказам же отца, все известные его предки происходили из деревни Сапун Муромской области на реке Оке.

Все мужское население деревни на период от весны до поздней осени уходило на заработки на Волгу. Большинство тянуло бурлацкую лямку. Мои же предки сумели дослужиться от рядовых бурлаков до капитана. Папа со слов деда рассказывал, что раньше у Нижнего мужики скидывались и арендовали стоящую на разгрузке хлебную баржу. В прикормленной около баржи воде

обильно ловилась всяческая рыба. Отец мой никогда не был особым рыбаком, зато дед числился в заядлых лещевиках.

Дедушка первым нарушил семейную традицию. Он окончил реальное училище и вскоре поступил на службу в фирму братьев Крестовниковых. Головная контора этой фирмы была в Казани. Предприятие скупало сало по всему Поволжью и Средней Азии. В Казани делало мыло и опять же рассылало по всему юго-востоку России. Дедушка был кем-то вроде торгового агента. По делам фирмы он объездил все Поволжье. Бывал в Бухаре и Самарканде.

Видать, все в роду Кашиных были равнодушны к культуре и искусству. Деда я не застал, но в его последнем доме хранилась огромная филокартическая коллекция открыток из мест, где он побывал. Четыре книги с коллекциями жуков и бабочек. Два тома популярной в то время книги «Мужчина и женщина». Я еще мальчишкой любил ее рассматривать. Помню, что там были иллюстрации с портретами красивых женщин всех национальностей. Запомнилась картинка, как подбирается идеальная по росту пара. Мужчина поворачивался спиной к женщине и ее голова должна была вписаться в затылочную впадину партнера. Книга была издана где-то в конце XIX века, но в ней были уже сведения по генетике. Были еще три тома Библии с 300 гравюрами Гюстава Доре, – они сейчас хранятся у меня. Папка с картинками музея войны 1812 года с портретами Александра I и его боевых генералов – она тоже хранится в моей коллекции художественных альбомов. Еще очень ценный огромный альбом Третьяковской галереи от деда и папы перешел к моей дочке. У дедушки от фирмы братьев Крестовниковых были двое часов луковицей, с дарственными надписями, серебряные и золотые. В послевоенные годы, когда наша семья жила очень скромно, мать пыталась их сдать в

комиссионку, но их туда почему-то не приняли. Я крайне рад, что они и сейчас в моей семье и напоминают о деде.

В письменном столе дедушки была еще небольшая коллекция экзотических ракушек. Рассматривая ее, я впервые от папы узнал, что такое каури и что она являлась раньше денежным знаком.

Романтична была история женитьбы моего деда Кашина на девушке из села Большая Глушица Катеньке Сивохиной. Дед в двадцать два года женился на красивой мещанке и имел от нее сына Бориса. И вдруг в одночасье от холеры умирают и жена, и сын. Велико было горе. Дед сначала поклялся больше не жениться. У дедули на теперешней улице Братьев Коростелевых проживал друг, работавший в отделе главного архитектора города. Вот в его доме дед и повстречал девушку – компаньонку жены архитектора – Катеньку. Увидел и вдруг влюбился. Ухаживал за ней два года. Женился, и вскоре появилась Люба, а за ней Раиса и мой будущий папа – Борис.

Катенька была моей Кашинской бабулей. Очень трудные времена семья пережила после Великой Октябрьской революции и во время гражданской войны. В революцию фирма развалилась и дед стал делопроводителем, а по-теперешнему, завхозом в физинституте (так раньше называли больницу им. Калинина). Видимо, дедушка отличался какой-то интеллигентностью, и ему симпатизировали многие профессора.

Бабушка была радушной хозяйкой, пекла замечательные пироги. К ним на чай часто заходили дедовы приятели, профессора физинститута, и бабка с честью их встречала. Еще я помню дедову фотографию. Цветущий сад, качели, на качелях – еще молодая бабушка, а сзади высокий худощавый человек с прической, похожей на шевелюру Керенского, с чеховской бородкой – мой дед. Снимок сделан, видать, перед революцией, в Сапуне.

Там долгое время сохранялся довольно большой родовой дом с окружающим его садом. Построил дом и рассадил сад еще папин прадедушка. Дом после революции отобрали, но до самой войны семья Кашиных приезжала туда почти каждое лето. Новыми хозяевами усадьбы стали приличные люди. Они сдружились с семьей деда и всячески привечали их, как родственников. Мой папа вспоминал лето в Сапуне. Там все говорили на «о».

Дед много рыбачил. У него была лодка, но больше всего он любил ловить лещей на жерлицы. В столе у деда целый ящик был забит жерлицами, грузилами, кованными крючками. Наживкой служили выползы. Это такие жирнющие большие черви. Их собирали по ночам на дорожках сада, освещая сад ручным фонарем. Пока мой дед, Михаил Никанорович, рыбачил, бабуля в лесу собирала ягоды и грибы. Их в то время было множество. Папа вспоминает, как году в 25-м мать всех детей повела в лес за грибами. Причем велела собирать только маслята не больше пятикопеечной монеты. И то, пришлось посылать в лес повозку, так как было тяжело самим тащить корзины с грибами.

Дом, где родился папа в Самаре, до сих пор стоит на углу улиц Красноармейской и Самарской. Первый, каменный этаж, занимала семья Кашиных.

К 1918 году семья Кашиных перебралась в двухэтажный дом на улице Рабочая. Как раз напротив теперешней трикотажной фабрики. Папа вспоминает, как маршировали мимо окон чешские отряды с факелами – это было время бело-чешского восстания. Маленький Борис их почему-то называл «чешки-ляляшки». Сначала дед своему сыну, а потом он мне показывал деревянный трамвайный столб на Хлебной площади, точно в центре пробитый снарядом наступавших из-за Самарки чехов.

Мне кажется, что дедушка был по убеждениям больше либералом. Он открыто никогда не выступал против большевистской власти, но всегда верил, что она ненадолго.

От деда еще осталась небольшая коллекция монет. Там были: петровский рубль, рубль елизаветинский с изображением пышногрудой царицы. Более новый юбилейный рубль к трехсотлетию дома Романовых. Были и советские серебряные полтинники 1924 года. Папа мне показывал огромную екатерининскую сторублевку, но куда она позже делась, я не знаю.

Дедушка очень страдал тромбофлебитом и умер в пятидесятилетнем возрасте от грудной жабы.

Рассказ о семье Кашиных невозможен без описания бабули – Екатерины Игнатьевны. Катенька родилась старшей из троих сестер семьи Сивохиных. Бабушкин папа, Игнат, был, как говорят, крепкий мужик. Он не был мироедом, но жил крепко и разумно. Ему, правда, не везло: три раза горел дом, но каждый раз он заново отстраивался. Катюша знала всю деревенскую работу, но с детства мечтала о городской жизни. Из ее детских воспоминаний осталось три ярких момента. Первое относилось к концу XIX века. Везде по нашей губернии бушевала холера. Соседский работник, видимо почувствовав приближение болезни, вышел во двор. Перед этим он только схоронил двух своих сыновей. Вышел мужик во двор, запрягся в телегу и ну возить ее по всему хозяйству. Возит и приговаривает: «Все равно не дамся!» Возил, возил, да так и умер.

В другой раз, вспоминала бабуля, они работали в поле у реки Большой Иргиз. По полю бродил местный охотник с ружьем. Перед этим в селе пропала у той же речки маленькая девчонка, вроде даже кто-то видел, как что-то утащило ее в реку. Так вот, вдруг тот мужик подбегает к берегу, вскидывая ружьецо и дуплетом стреляет в воду. Подбежали деревенские и вытащили из реки

застреленного сома. Не знаю его веса, но, когда сомищу везли на телеге, то его половина волоклась по дороге.

И еще. Большая Глушица – степной край. Однажды поздней осенью целую неделю шли дожди, да вдруг резко заглодало. Все поля покрылись ледяной коркой. В степи же паслась большая стая дроф. Хотят тяжелые птицы взлететь, а не могут: по льду не разбежишься. Тут из села набежало полно народа и давай палками глушить птиц. Бабушка говорила, что ни один двор в селе не остался без добычи.

Бабушка девчонкой любила одеваться в городские платья, хорошо готовила, хорошо каталась на коньках и, когда ее одна знакомая пригласила в город компаньонкой, с радостью согласилась. Постепенно она перетасила в Самару своих сестер, тетю Еню и тетю Тоню. Катя в доме у своей хозяйки повстречала молодого вдовца и через два года вышла за него замуж. Она всю жизнь много работала, была смекалиста. Короче говоря, даже в особо тяжелые годы вытягивала всю семью.

О ее находчивости говорит один случай. В двадцатых годах жили очень голодно и, чтобы как-то прокормить семью, бабуля, как тысячи других горожан, ездила в деревню и меняла вещи на продукты. В одну из таких продуктовых поездок на вокзале она попала в облаву. Из деревни она везла выменянную четверть молока. Конечно, чекисты бы отобрали молоко. Что же она сделала? Обернула бутылку в свой платок, взяла на руки и, баюкая, как ребенка, пронесла мимо проверяющих. Она была хорошей женой и заботливой матерью.

И дед, и бабушка были весьма набожные люди. Это не мешало Михаилу Никаноровичу часто подшучивать над своей женой. Была как-то Пасха. Весь стол был заставлен куличами. Дело было еще перед революцией. Оказывается, уже тогда были магазины, где продавали всяческие шуточные сюрпризы. Дед после работы

купил там пластмассовые кошачьи экскременты. Тихо вошел в дом и между куличей уложил свою покупку. После этого он громко и вроде бы сердясь, позвал жену и сказал: «Смотри, Екатерина, что делает твой кот!» Бабушкино самое главное ругательство было: «Шкура барабанная!» С этим криком она как следует посчиталась с недоумевающим Васькой.

Схоронили деда перед самой войной. Вся забота о семье легла на бабушкины плечи. Основной рабочей силой стал молодой парень – мой будущий отец. Бабуля лет в 55, работая в жару на огороде, заработала инсульт. В те времена лечили инсульт строгим постельным режимом и пиявками. Так, лежа в постели, она прожила еще пятнадцать лет. Я очень любил свою бабулю. Но сейчас догадываюсь о беспощадной наследственности: у моего двоюродного брата, сына Раисы, было четыре инсульта, а у меня пока два. Умерла бабуля в 1962 году.

Борис Михайлович Кашин родился за год до революции. Он, самый младший из детей и тем более мальчик, притеснялся в детстве сестрами, и был очень любим матерью. Я уже рассказывал о «чешках-ляляшках» и трамвайном столбе на Хлебной площади. Как многие творческие люди, он много работал, изобретал, рисовал, коллекционировал, но не любил учиться. Пошел он в так называемую 1 толстовскую гимназию. Названа толстовской она была потому, что в ней учился Алексей Толстой. И вот 1 сентября, вечер. За праздничным столом сидит вся семья, входит Боря и произносит сакраментальную фразу: «Школы, школы, кто только вас понаделал?!»

Школа располагалась в здании, где позже было суворовское училище, а после него – военный факультет Куйбышевского мединститута.

Боря учился посредственно, но полученные важные для практики знания хранил потом в течение всей жизни.

Летом каждый год два месяца семья проводила на даче. Дачу снимали у Тамашевского колока, что сейчас на улице Ново-Вокзальной, где располагается известная психиатрическая клиника, именуемая в народе «Тамашев». Дачный массив тянулся от нынешней улицы Советской Армии до улицы Ново-Вокзальная. Позже в этот массив входили так называемые энкаведевские дачи, возле которых, по молве, происходили массовые расстрелы в 35–37 годах. Отцовым другом на даче был ровесник Артюшка. Они дружили, наверное, лет двадцать. Папа так много рассказывал об Артюшке, что я в детстве придумал себе друга Артюшку.

На дачах начиналась отцова вольница. Много шалили, лазали по деревьям, всячески вредили девчонкам. Из этой дачной жизни в памяти папы остались такие случаи. Однажды Артюшка свалился с огромной яблони и острый сучок вошел ему под кожу живота. Отец дотащил его до дома. В другой раз произошел такой случай. Был выходной. Соседская Польшка с матерью продали на базаре воз яблок. Кстати, тогда яблоки продавали не килограммчиком, а целыми возами. Дорога проходила мимо Артюшкиной дачи. Мальчишки перед этим нашли и расковыряли гнездо земляных ос, сами же спрятались в кустах у забора. Едут Польшка с матерью и держат в руках четверть самогона. Вдруг они въезжают в рой ос. Мать Польшки только успела выкинуть четверть самогона и накрыть голову дочки подолом платья. Сестры отца видели, что делают мальчишки и, как должно, пожаловались. Было суровое родительское разбирательство с последующим наказанием.

В те времена Безымянки, как таковой, еще не было – был только маленький железнодорожный разъезд. Как-то решил хозяин дачи с дедом съездить на рыбалку. Запрягли лошадь в телегу, взяли с собой мальчишек, Артюшку и Бориса, бредень и поехали на Самарку. Папа, я уже говорил, не был заядлым рыбаком, саму рыбалку помнил не очень, но рассказывал о дороге. Инте-

ресно, я еще с удовольствием ездил в телеге, но мой сыночек, когда я впервые предложил ему покататься, просто испугался лошади и отказался. Дорога сначала шла мимо садов и частных домов. После пошли луга и поля. Часа за три добрались до Самарки. Я знаю, что речка Самарка по-научному называется Самара, но все, давно живущие в нашем городе, ее любовно зовут Самарка. Видимо, отцу мальчиком нравились дороги. Он мне рассказывал и о дороге на дачу. Обычно сначала добирались до кольца, где сейчас сливаются Московское шоссе и улица Гагарина. Там и тогда проходила паровозная ветка, шедшая на Трубочный завод, как тогда называли завод им. Масленникова или 42 завод. Трубочным его звали не потому, что там делали курительные трубки, а потому, что это название произошло из-за производства взрывных трубок для бомб и гранат.

Московское шоссе тогда называлось Семейкинское и даже при мне было раза в четыре уже нынешнего. В том месте, которое я описываю, находилась мазутная станция, там всем телегам смазывали оси мазутом. Там же обычно пересаживались на телегу и полями с пшеницей ехали до самых дач. Кстати дачи, тогда были площадью почти по гектару каждая.

Пришла Советская власть, но в пионеры дед своих детей не пустил, а папа рассказывал, как ему хотелось маршировать в пионерских колоннах.

Шло время, и он превратился в худощавого, высокого парня. Он окончил ФЗУ и пошел на Станкозавод, где, кстати, проработал всю жизнь. Юношей он был спортивным, комсомольцем и даже комсоргом на заводе. Он сначала занимался боксом, и это у него вроде бы получалось. До войны чрезвычайно популярным был ОСОАВИАХИМ, и отец тоже записался в него. Аэродром тогда находился у перекрестка улиц Аэродромная и Дзержинского. Мы позже жили в этом районе, и я еще помню часть аэродро-

ма с тремя реактивными «МИГами». Там был планерный кружок. Учили взлету, управлению, посадке. Летать особо не разрешали. Сам планер запускали, как из рогатки, толстенной резиной, которую держали кружковцы. Другая часть коллектива оттягивала сам планер и резко его отпускала. Однажды отец упросил товарищей посильней оттянуть планер. Ему тогда удалось даже немного полетать, за что он получил взбучку от инструктора.

Придя на завод, он обратил на себя внимание своим трудолюбием, вдумчивостью и сообразительностью. Руководство завода направило его в 1936 году в Промакадемию. Нудную учебу он не любил и ушел оттуда после первого курса. Наверное зря, потому что с ним учились будущие директора и главные инженеры советского производства. Вскоре началась сначала Финская война, а за ней – Великая Отечественная. Отца трижды призывали на фронт, он тратил всю получку на проводы и каждый раз в последний момент завод оформлял ему бронь. С начала ВОВ отца сделали мастером у 12–14-летних мальчишек и девчонок, отцы которых были на фронте. Ребята, как и взрослые, работали в три смены, очень уставали, недоедали. Отец рассказывал: однажды работали во вторую смену и вдруг он не находит одного сорванца. Он долго его искал и уж после обнаружил спящим стоя в инструментальной тумбочке. Даже тогда ребята оставались ребятами. В цех пришли новые токарные станки, и тут два пацана поспорили, чей станок сильнее? Когда никто не видел, они взяли мощный шкивной ремень, зажали в патронах и разом включили станки в разном направлении. Кончилось тем, что один станок оторвало от фундамента. Отец никогда старался зря не наказывать ребят и они отвечали ему уважением и даже любовью.

Жили все очень голодно. А на заводе так называемые «куски» едят в обед прямо у станков. Я не хочу никого обидеть, но в то время в инструментальный цех, где работал отец, пришел но-

вый рабочий – сын В.В. Куйбышева. Видать, пайки правительских семей очень отличались от обычной в те времена еды. Первое время парень во время еды прятался за станком. Он стыдился своего условного благополучия и вскоре совсем ушел с завода.

На третьем году войны отца сделали в суде народным заседателем. Законы были очень суровые. Он искренне радовался, когда становилось возможным кого-нибудь отстоять. Тогда за опоздание на работу даже на две минуты уже судили. Отец вспоминал один процесс. Судили группу малакан. По заветам их религии, нельзя работать в воскресенье. Зато во все другие дни они были очень трудолюбивыми людьми. Судья приговорила их, кажется, к каторге. На заседании отцов голос оказался в их защиту.

Папа рассказывал о затемнении, как тяжело было пробираться ночью по темным улицам города. К счастью, за всю войну над Куйбышевым пролетал очень высоко лишь один раз немецкий самолет-разведчик.

На заводе была такая печь-вагранка. В ней переплавляли испорченную военную технику и стружку на металл. И вот, однажды в вагранку по недосмотру попал неразорвавшийся снаряд. Последовал взрыв, но к счастью никто не пострадал.

После войны стали на завод поступать реквизированные в Германии станки. Поступил и высокоточный координатно-расточный станок «Линднер». Надо сказать, что в те времена среди прочих станков он был словно граф среди простолюдинов. Его поместили в специальную кабинку. Работать на нем поручили Кашину Борису Михайловичу. Отец его очень берег и любил.

Я маленьким с матерью и другим дедом побывал в Москве. Посетили и музей Сталинских подарков. Какова была моя гордость, когда там я увидел сделанную моим отцом модель токарного станка 1А-616, производимого тогда Средневолжским станкозаводом. На «Линднере» папа воспитал целую армию учени-

ков. Некоторые из них стали учеными, другие работали на построенном в 60-х годах в Куйбышеве заводе координатно-расточных станков, известного в нашем городе как КРС.

Я немного увлекся и забыл рассказать, что года в 22 отец женился на симпатичной и очень активной девушке – Женечке. Вскоре родилась красавица-дочка Сонечка. Я не знаю всех подробностей этой женитьбы, но жизнь почему-то не задалась, и они разошлись.

Когда Евгения второй раз вышла замуж, ее второй муж предложил удочерить Сонечку, но отец отказался, сказав, что детьми не торгует. Семейные хроники рассказывают, что у одних друзей перед его первой женитьбой отца познакомили с хохотушкой и толстушкой Верочкой. Она была обнадеежена, но тут Борис женился. Прошло около двух лет, и она у тех же друзей встретила его. Он долго просил прощения, а когда устал, то предложил руку и сердце. Я, конечно, шучу. Видимо, в сердце матери всегда жила любовь к нему. Он ухаживал за матерью 1,5 года, а когда просил у деда Соколова руки Верочки, даже выпил 2 графина воды. Мать все отговаривали от этого брака, но она была непреклонна. Они поженились в 1946 году зимой, а в 1947 году родился их сын, то есть я. После свадьбы мать бросила работу. Отец продолжал работать в три смены. У него сильно прихватывало сердце, и он мог часами сидеть за столом совсем без движения и молча.

Стало трудно работать станочником, и с 1958 его назначили мастером участка сборки высокоточного станка 1В-616. Жили очень бедно, хотя до хрущевской денежной реформы папа получал довольно большую по тем временам сумму, 1800 рублей. Четверть он платил дочери. Каждый месяц перед получкой мать всегда занимала деньги в долг у соседей. К этому времени у папы уже был знак «За трудовую доблесть» и медаль «За трудовые заслуги в годы войны». Была и целая куча грамот и дипломов. Папа, хотя и

не учился в институте, был знатный рационализатор, имел около двадцати удостоверений на изобретения и предложения. Я хорошо помню все его переживания при создании станка 1В-616. В 1949 и 1953 году его профсоюз посылал на курорт в Кисловодск. Я опять увлекся и ушел в своем рассказе очень далеко.

Пришла пора серьезно объяснить, почему он так и не выучился. Со смертью деда он остался почти одним кормильцем большой семьи. Старшие сестры еще до войны закончили институты. Люба – политехнический институт, а Рая – сельскохозяйственный и стала специалистом по качеству пищевых продуктов. В 20-е и 30-е годы детям служащих нельзя было поступать в институт и, чтобы обойти закон, обеим пришлось сначала по два года отработать рабочими. Тетя Люба, очень красивая женщина с волнистыми белокурыми волосами, вышла замуж за поляка Курашкевича и уехала на всю жизнь в Киев. Раиса во время преддипломной практики в деревне возле Бугульмы покорила сердце Хамита Шерафутдиновича Терегулова и прожила с ним до своей смерти в 1964 году. У Любы родился очень симпатичный, даже красивый, сын, по паспорту Миша, а в быту Эрик. У Раисы было двое сыновей – Мишенька и Борис. Мишенька, по рассказам моей матери, был очень умным, он в четыре года уже читал, но вскоре умер. Борис Хамитович прожил трудную жизнь нейрохирурга, а сейчас покуривает и борется с последствиями четырех инсультов. С Эриком я в последнее время, к сожалению, потерял связь. У него очень добрая жена Люда и двое моих племянников – Андрюша и Катенька. У Бориса и его милейшей жены Зоечки родился сын Саша. Саша болен и имеет своего сына – Колю.

В связи с Раиной семьей вспоминается один случай. Борис Кашин жил с мамой и семьей Раисы. Приходит он однажды с работы и на кухне получает удары поленьями по голове: это играли в войнушку Боря и его брат Мишенька.

В 1961 году отец был переведен в отдел главного конструктора, где и проработал до самой пенсии и еще два года после нее.

Где-то в 60-м году он перестал платить алименты, и жизнь в семье немного наладилась. Сразу купили приемник «Муромец», а через 5 лет – и телевизор «Рекорд». Подспорьем был и данный на заводе в 1955 году приусадебный участок в 6 соток. Папа сам из выписанных на заводе ящиков за 8 лет сколотил домик, и наша семья жила там каждое лето.

Мой родитель был натурой увлеченной. Он довольно неплохо рисовал и окончил изобразительную студию при станкозаводском клубе. Клуб размещался на улице Л. Толстого ниже Куйбышевской, в переделанной церкви. Всех знакомых и друзей он одарил своими картинами, написанными маслом.

С переходом в отдел главного конструктора он увлекся игрой в настольный теннис, и мать сильно ревновала его к партнершам.

Папа еще мальчиком хотел стать микробиологом. У него было полно разных пузырьков и пробирочек. Он проводил какие-то опыты, препарировал жучков и лягушек. По-видимому, именно он сумел привить любовь к медицине и племяннику Борису, врачу-нейрохирургу Терегулову, и дочке Сонечке – она стала врачом, а позже научным работником на кафедре гигиены, и мне – я проработал всю здоровую жизнь хирургом сначала в красивом Марийском крае, в Советской Армии, на кафедре у профессора А.М. Аминова и последние 23 года – на кафедре детской хирургии.

Я очень жалею, что уделял отцу мало внимания, хотя с самого детства очень любил его. Умер он в 1991 году от пневмонии. Я только сейчас понял, что не написал о нем даже половины.

Пробегая его жизнь, я подумал, как много в жизни встреч, знакомых, совпадений. В институте, занимаясь партийной работой, я тесно познакомился с младшей сестрой папиной первой жены. Еще когда я учился в институте, для меня была примером моя

сводная сестра Сонечка. Когда мы с моей женой начали сравнивать и ее, и мою семьи, оказалось, что мама жены была областным депутатом, а в ее группе работал городской депутат – мой отец. Моя тетя Рая очень долго была сотрудницей тети моей жены.

Пробежала жизнь, отца и моя. Если бы я не написал эту хронику, ничего бы не узнали о прадеде мои внуки.

ЗАПИСКИ О ПРИРОДЕ

ЕЩЕ РАЗ О РЫБАЛКЕ

(бывальщины не очень успешного рыболова)

Перечитывая Аксакова, нашел еще раз ответ на вопрос, зачем я затеял эти записки. С. Аксаков говорит: «Я написал записки об ужении рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия». Я понял, что рыбалка – только своеобразный предлог побольше быть наедине с природой. А может быть, и нет. Почему-то, ведь, не стал я охотником или путешественником...

Дело было в Марийской республике. Через год житья в Волжске я попал в поселок Красногорский, где должен был провести месяц перед призывом в армию. Поселили меня на квартире местного фельдшера. Стояло очень жаркое лето 1972 года. Солнце проглядывало через постоянную дымку: повсюду горели леса. Горел лес всего тогда еще Советского Союза от запада до самого востока. Это не мешало каждое воскресенье знакомиться с окружающей природой. Я помню изумительно красивые леса. Если ехать из Казани в Йошкар-Олу, то до самой столицы края будут сплошь сосново-березовые леса, а уж за Йошкар-Олой резко начинается елово-березовый бор. Около Красногорска Звениговского района протекала в каменистом русле речка Илеть. Берега были высокие. Я часто уходил вверх по течению километров на пять, купался на маленьком песчаном пляжике и шел назад. Вода в Илети была очень чистая и прохладная. Идя по крутому берегу, за километр пути я спугивал около десятка ужей. Они грелись на солнцепеке и с шумом падали с крутояра. Еще мне запомнилась кильватерная колонна язей у края речной травы. Они не плыли, а стояли головами против течения и шевелили красными плавниками. В самом селе было еще огромное, совершенно круглое озеро. Видимо, из родников и талой водой заполненная

карстовая воронка. В озере водилось огромное количество мелкой сорожки. И вот, в одно из воскресений мой квартирный хозяин показал мне один «браконьерский» способ рыбной ловли. Дома мы скатали из хлебного мякиша штук 100 шариков диаметром около 3 миллиметров. В хлеб была добавлена обычная кристаллическая борная кислота. Взяли лодку и на середине озера разбросали шарики. Тут же вся поверхность воды была покрыта слоем спящей сорожки. Дело довершал сачок. С его помощью мы тут же собрали рыбешек и привезли домой. Тут же выпотрошили и сварили уху. Товарищ утверждал, что для человека такая рыба не страшна. Так или иначе, в тот день мы были сыты. Я прожил жизнь и больше никогда так не ловил рыбу. Кстати, не ловил ее и электрическими удочками.

А вот спиннингом увлекался. Было целых три удилица. Долго выбирал катушки и остановился на «Невской». Она позволяла делать довольно большой заброс. Но этап сплошных «бород» тоже был большой. «Борода» – это спутанная леска. Иногда кажется, что легче выбросить леску, и часто по часу распутываешь «бороду». Оказывается, это очень тренирует терпение, выдержку и вообще характер.

Вторым очень важным моментом в спиннинговой рыбалке являются блесны. Я не скажу, что достаточно овладел искусством их выбора, но одно время имел целую сумку блесен. Чтобы снасть лишнего не путалась, я отказался от грузил и перешел на утяжеленные блесны. Оказывается, припой хорошо пристает не только после обработки блесны плавиковой кислотой, но и при ее отсутствии, с помощью расплавленной паяльником таблетки аспирина. Со спиннингом я обходил весь Нижний пляж, Заволжье напротив города. Особых результатов я не достиг, но в памяти осталось несколько случаев.

Отслужил я в армии и все лето отдыхал, ждал места на кафедре госпитальной хирургии. Купил себе два спиннинга, надевал утяжеленных блесен, которые можно было забрасывать без грузила. И пошел бродить в районе, где впадает в Волгу речка Татьянка. Был чудесный день конца августа, тишина, только легкий ветерок, да высоко в небе одинокие перистые облачка. Часа за три я растерял по корягам все блесны, сделал две капитальные «бороды» – одним словом, привыкал к спиннингу. Нацепил самую большую блесну с двумя якорьками. Думал, ничего не поймаю, так поучусь немного. Незаметно подошел к совершенно круглому карьерному озеру с крутыми берегами, обросшему ивняком. Вода, несмотря на ясный денек, была стылая и темная. По узкой тропке подошел к берегу и, не раздумывая, забросил вдоль берега блесну. Ее как будто ждала огромная щука. Она заглотила всю блесну. А я, увидев здоровенную голову хищницы, вместо того, чтобы наматывать леску, подсек, как обычную поплавковую удочку. Необычайная тяжесть снасти сменилась разочарывающей легкостью. Рыбина просто выплюнула блесну. Руки у меня дрожали. Я скрутил леску, собрался и ушел. Это было большое разочарование. Прошла жизнь, а такой рыбины я уже больше ни разу не видел.

Было и так. Году в 1995 страшно заскучал дома и упросил своего друга Кузьмича поехать на его «Липе Зеленой» куда-нибудь. «Липа Зеленая» была Кузьмичева машина – «жигуленок» одиннадцатой модели зеленого цвета. Стояло настоящее бабье лето. На Самарке у Южного моста мы не нашли подходящего места и через Кряж отправились к совхозу им. Масленникова. Там уже существовал дачный поселок. Из-за раннего времени (что-то около 7 часов) дачников еще не было видно. Сразу же забросил прямо с берега и почувствовал сопротивление катушки. Вытащил щуренка кило на полтора. Обрадовался фарту и зашагал

по берегу. В тот день прошел километров шесть, забрасывал, распутывал «бороды», менял блесны, но так больше ничего и не поймал. Вернулся домой, похвастал своей добычей и сварил своей дочурке преотличнейшую уху.

Два знакомых профессора, оба заядлые рыбаки, часто хвастают рыбалкой со спиннингом на жереха. Я же поймал жереха случайно только однажды. Искал окуней, забросил блесну в самую их кучу, а вытащил жереха, который, видать, тоже вышел на охоту. Удивительно сильная и красивая рыба!

Другое дело – окуни. Отдыхал с семьей я на турбазе «Сосенки», что напротив Солнечной Поляны. Там познакомился еще с одним опытным рыбаком. Спрашивает он меня однажды, не хочу ли я половить окунишек. Как же не хочу? Мечтаю! На другой день встали часов в пять, взяли лодочку и отплыли от берега. Товарищ указал на чаек, кружащих над водой. Поплыли туда, а там, как в огромном котле, вскипает вода от сбитой в кучу стаи окуней. Окуни, как и чайки, охотятся за рыбьей мелочью. Кипящая кругом вода постепенно перемещается, и остается только направлять к этому месту лодку. Рыбалка, конечно, смешная, не требующая от рыбака особой смекалки. За 20 минут мы вдвоем натаскали ведро окунишек. Ловили на «елочку». Это такая спиннинговая снасть. Заканчивается она специальным шариком-грузилом, в который для веса набирается песок. А примерно на расстоянии метра от конца удочки навязывают на коротеньких поводках тройнички с кембриками – кусочками белой хлорвиниловой изоляции с проводов. В зависимости от того, как ты заполнишь шар-грузило песком, снасть может идти по дну или почти по уровню реки. Самое главное – попасть в кипящий водяной круг. За каждый заброс вытаскиваешь 2–3 окунишки по 150–200 граммов. Очень вкусны такие окуни свежекопченые.

Мы хорошо дружили с Кузьмичом. Это был товарищ по работе старше меня на пять лет. Вместе мы подрабатывали, гуляли на праздниках, работали в колхозе со студентами. И вот однажды в дождливое лето 1978 года я его уговорил поехать в Борское на рыбалку. У меня кроме удочек был и восьмиметровый бредешок, который мне связали в армии. Кузьмич взял с собой двенадцатилетнего сынишку – Лешку. Дожди лили уже неделю. И вот в окошко между ними мы умудрились вставиться. Нас забросили на Чесноково. На крутом берегу на полянке у обрыва в первую очередь мы разбили маленькую палатку, собрали дров и уж потом забросили удочки. Лешка очень радовался, рыская по кустам, он нашел уже оперившегося коршуненка. Птицу мы выпустили. Наловили немного рыбки, сварили уху, поужинали, посидели у костра и улеглись спать. Хорошо, что мальчишку уложили в центре, так как ночью опять пошел дождь. Он стучал по тенту, и с боков мы сильно промокли. Утром дождик перестал, мы посушились у костра и опять рыбачили. Вечером решили немного побродить. Вышли на разъединение реки и стали лазать по камышам. То ли рыбаки из нас были неважные, но ничего не поймали. Лешка бегал по берегу, и мы уже решили вылезать. По центру Самарки располагалось мелководье, заросшее кугой. Как-то случилось, что мы ее захватили, и тут кто-то ударил с большой силой в мотню. Недолго думая, мы соединили клячи и потащили бредень к берегу. Каково было наше изумление, когда в мотне мы обнаружили пятикилограммовую щуку! Восторгам Лешки, да и нашим не было предела. На следующее утро Кузьмич уезжал на дежурство и повез наш трофей домой. Мы остались на сутки вдвоем. Я сварил из картошки и тушенки кулеш. Дождь как будто этого ждал: ударил с новой силой и уже не переставал двое суток! Каково было ребенку сидеть сутки в маленькой палатке! Как мог, я его веселил, и он мужественно крепился. Так мы переночевали,

еле сумели разогреть на следующий день кулеш. Целый день мы то замолкали, то принимались обсуждать жизнь. Дождь из ливня превратился в нудно-монотонный. Прошел день, прошел рубежный срок в четыре часа. На реке ни живой души, все серо и сумеречно. Я понял, как мог истосковаться мальчик, когда на другом берегу уже в шестом часу заурчал мотор двадцать первой Волги. Ничего не слушая, Лешка сорвался, бросился под берег к старой дырявой плоскодонке. Он греб вместо весла какой-то доской. Его уже встречал растроганный отец. Еще я убедился, что настоящему рыбаку никакой дождь не страшен. Пока мы собирались и перевозились с Кузьмичом, на берегу стоял и рыбачил удочкой уже его отец – Кузьма Антонович. Разбрызгивая грязь, как плавающий танк, выбиралась наша Волга. Кузьмич со своими мужиками укатил, а я остался дома. Да, это была целая эпопея, и мы сумели ее достойно преодолеть.

В деревенско-рыбацкой жизни были очень романтичные моменты. Году в 79-ом стоял очень теплый июнь. Троица. Днем ломали березовые веники для бани, а вечером нас с Сашей приспичило рыбачить. Распутали сети, взяли надувную лодку и на мотоцикле покатали на Потапку. У ключевого угла на озере есть затон, весь заросший кувшинками. Вот его мы и перебили сетями. Съехали на берег уже в двенадцатом. Бывают очень жаркие ночи. Было тихо и душновато. По берегу валялось полно осин, сваленных бобрами. А весь берег сиял от света миллиона светлячков. Такого чуда я еще ни разу не видел! Расхотелось спать. Мы улеглись прямо на берегу. Костер был бы лишним. Парила земля, а вокруг мерцал зеленоватый огонь. Ехать домой совсем не хотелось. Так мы и лежали полночи.

Зимой я все больше увлекался подледным ловом. Ходил или на Самарку, или в пролив на Волге напротив Полевого спуска. Лишь один раз я попал на Волгу у Коровьего острова. Там от бе-

рега далеко в реку вдается песчаная подводная коса, вернее пере-
кат. Вот на нем, помню, наловил целую кучу ершей. Кстати. Уху
из ершей я бы отнес к одному из деликатесов. Многие ее варят
так. Потрошат, но не чистят маленьких рыбок, и, когда их при-
мерно с килограмм, заворачивают в марлю и варят. Получается
светлый, очень вкусный бульон.

Лето, июль, отпуск. Мы, как каждый год, в Борском. Устав от
сеток, захотел обычной поплавковой рыбалки. Как-то собрал
лодку, удочки, прикорм и наживку, завел Сашин «Минск» и от-
правился на Воронцово озеро. Озеро большое, заросло камышом
и кувшинками. Один берег крутой и зарос осинами. Они, как
свечки, тянулись из чащи к солнцу. Тихое утро. Верхушки осин
освещены восходящим солнышком. Листочки трепетали от дуно-
вания утреннего ветерка. Я накачал лодку, подплыл поближе к
крутому бережку и забросил свои удочки. Не клевало, примори-
ло, и я задремал. Очнулся от какого-то шороха на берегу. Все так
же распевала в кустах иволга. В осиннике загомонили птицы. Я
установился на них и увидел, как на стволе осины мелькнула тень.
Пригляделся и отчетливо рассмотрел, как охотится за гнездами
куница. Она методично поднималась по стволу до верхушки,
опускалась по другой половине дерева, перепрыгивала на дру-
гую осиновую свечку, и все повторялось. Так она обследовала
четыре дерева, и след ее потерялся. Птицы постепенно угомони-
лись, а в глазах продолжало движение изящное коричневое тель-
це с круглыми ушками. Каждая тварь добывает себе пропитание,
как может, только я в тот день остался без улова.

Вот, сижу я однажды и вспоминаю... Когда я служил в ар-
мии, мы за один год скапливали около тысячи рублей. В семиде-
сятых этого хватало на приличный летний отдых в Крыму. Мы
объехали все Южное побережье Крыма, побывали около Сочи и в
Анапе. Однажды мы «дикарями» отдыхали в поселке Солнечно-

горское Алуштинского района. Шикарный песчаный пляж, дом хозяев в 20 метрах от него, по вечерам самодельное сухое вино всего по 20 копеек за кружку. На пляже мы валялись почти весь день. Тут же познакомились с дежурным спасателем – бывшим шахтером. Он был крепким сорокалетним мужчиной. Мы с ним сошлись на любви к рыбалке. И однажды он меня пригласил на местную рыбную ловлю. Сама рыбалка на море незамысловатая. Нужен спиннинг со 100 метрами лески. На конце лески – своеобразная «елочка» из десятка крючков 7 номера на коротеньких поводках. Вместо насадки использовали полоски из детского спасательного круга. Одна половина полоски была красной, другая – белой. Мы выезжали на двухпарке примерно метров на семьсот от берега, опускали на дно свои снасти и периодически подергивали их. В то время шла пикша – небольшая рыбка около 30 сантиметров, очень похожая на хек. За одну подсечку попадалось одна-две рыбки. Мы не жадничали и, поймав штук по 40, отправились обратно. Дома пикшу потрошили и жарили. Удивительно вкусна свежая морская рыба. Лакомились сами, хватало и хозяевам. Помню последнюю рыбалку на море. Немного штормило. Что-то около двух баллов. Было трудно отвалить от берега, а уж после даже нравилось покачиваться на волнах. Отплыли где-то на километр. С нами был еще один молодой курортник. Часов в одиннадцать задул вдруг «береговик». Это был устойчивый, дующий с берега ветер. Говорят, что он иногда уносил наши лодки к турецкому берегу. Наш старший товарищ дал каждому по веслу и велел быстро грести к берегу. Вроде, мы все делали правильно, но лодка совсем не двигалась. Тогда весла взял Михаил – так звали нашего опекуна. Лодка, как бы нехотя, сдвинулась вперед и тихонько заскользила к берегу. Море в то время совсем разгулялось и накатывалось на берег довольно большими волнами. У самого берега Михаил поставил нас по бортам у носа лодки и

велел разом прыгать в самый прибой. Наверно, сыграла роль моя природная неуклюжесть, но, прыгнув, я оказался под водой, и лодка дном прошмыгнула надо мной. Уж после побледневший Михаил объяснил, что лодка могла просто раздавить меня.

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ РЫБАЛКА

Прошло уже 4 года, как я довольно сильно болен. У меня паралич всей правой половины туловища. Я плохо ем, разговариваю и хожу. Есть очень небольшой прогресс. Но еще сильно напоминаю раненого слона в посудной лавке. Я об этом рассказываю не для того, чтобы вызвать жалость, а чтобы стало понятно, что со своей слабостью – рыбалкой давно распрощался. Но в мечтах хотелось хоть раз еще посидеть ночью у костра и хотя бы ощутить всю прелесть ночной природы. Я почти распрощался с мечтами, как вдруг, в самом конце июля меня мой сват пригласил поехать на рыбалку. В обед мы уселись в машину и тронулись в путь. Предварительно заехали в зоомагазин и купили опарыша с червями. Могу конечно рассказать о дороге. Для туриста и любого краеведа будут понятны слова: пос. Мирный, Пескалинский взвоз, турбаза «Дубки» и берег Красавицы Волги напротив поселка «Зольное». Мы проехали все эти места и разбили свою палатку в лагере наших знакомых. Люди были интеллигентны и сделали вид, что мое уродство – обычное дело. Мужчины в то время собирались на вечернюю зорьку, взяли и меня. Нашлась одна лишняя снасть, а кормушку набили не кашей, а просто серым хлебом. Ловили на донки типа кольца. Вы, конечно представляете эту снасть. Кормушка из частой сетки с тяжелым грузом набивается прикормом и на прочном шнуре опускается на дно. По шнуру от прикорма бегают по леске свинцовое кольцо с поводком и 2–3 крючками. Насаживают или пучок червей, или опарыша. Возникает, правда, дилемма: на тонкую леску не вытащить большую рыбку, но снасть из тонкой лески значительней чувствительней. С червями тоже загвоздка, можешь вытащить леща или замучают ерши. На опарыша попадаются чаще или язи, или густера.

И вот сижу я на корме одной из двух надувнушек, связанных вместе и поставленных на якоря поперек течения метрах в 350 от берега. Мои товарищи первыми забросили кормушки и опустили свои кольца. Последним дошла очередь и до меня. Сам я посадить наживку не могу. Первым трех ершей вытащил Саша. И тут дернуло у меня. Я рыбачил без сторожка, леску намотал прямо на палец. И пошло, да так, что однажды я подсек сразу двух шерманов. Неожиданно леска задергалась, как обычно клюют ерши, я об этом сообщил сразу. Но леска поддавалась с трудом. Каково было общее изумление, когда плашмя на поверхность выплыл здоровенный лещище. Где-то около Тольятти наплывала синяя туча. Раздавались раскаты грома. Еще, что я узнал в тот раз, что даже друзья-рыбаки бывают очень ревнивыми. Не то, чтобы от меня отвернулись, но срочно все засобирались домой, хотя ловить можно было еще часа два. В тот вечер я поймал восемь шерманов, одного леща и двух рыбин упустил по небрежности.

Замечательны в этих местах Жигули. Их лобастые вершины нависают над берегом и отражаются в сереющих к вечеру водах Волги. Мы подплыли к берегу и женщины спросили нас: «Много ли Вы поймали?». Хватило выдержки сказать: «Только 3 ерша!». Тем больше было радости, когда всей компании хватило рыбы и на уху, и на жареху. Варили тройную уху. Сначала ершей, потом головы, плавники и зачистки крупной рыбы и лишь позже – основную рыбу. Почти всю ночь просидели у костра. Пили чай с душицей, пели песни и разошлись только утром, когда через туман стали видны склоны Жигулей на другом берегу реки. Вот это была рыбалка!

О ГРИБАХ

Грибы в моей жизни заняли определенное место. Мало того, что я их немного знаю, люблю собирать и, конечно, ими трапезничать. Разобраться в грибах помогли и Васильков со своей монографией «Белый гриб» (издательство «Наука», Ленинград, 1958г.), и Владимир Солоухин со своей замечательной книжкой «Третья охота» (издательство «Советская Россия», Москва, 1968г.). Не думаю, что знаю о грибах все, но знаю больше, чем средний человек. Сейчас все газеты, журналы и телевиденье все время рассуждают о вредности грибов. И старые грибы плохи, и нуклеотиды они адсорбируют, и так далее. Прошлой осенью добавился еще один аргумент в пользу грибов. Я лишний раз убедился, что чаще всего при грибных отравлениях виноват сам человек. Во-первых, бытует мнение, что несъедобных грибов нет. Во-вторых: даже вроде бывалый деревенский человек, за полчаса собирания грибов в Бузулукском бору снял два гриба, чрезвычайно похожих на бледную поганку. Я, конечно, их быстро и незаметно удалил. Но еще раз убедился в двух, я считаю, обязательных для более или менее опытного грибника правилах. Не собирай тех грибов, в которых ты хоть немного сомневаешься, и второе – перед готовкой проверь сам все собранные грибы.

Конечно, я не такой знаток природы, как Аксаков, Паустовский или Солоухин. Мне трудно описывать и систематизировать грибы. А только хочется немного рассказать о чувствах, возникающих при сборе грибов.

Я во многом не согласен с Солоухиным, мне (конечно, это субъективно) не очень нравится некоторый его снобизм. Но об этом начисто забываешь, когда читаешь его «Третью охоту».

Я еще раз перечитал эту книгу, и перед глазами пробежала вся моя грибная жизнь. Сразу скажу, что ни рыбы никогда не ловил сразу много, ни грибов не собирал пудами. А оба этих дела

(рыбалку и грибную охоту) всегда очень любил. Оставим рыбалку до лучших времен, а вот о грибах, слушайте...

Когда я был еще маленьким, то подспудно всячески стремился к вольной деревенской жизни. В селе я никогда не был, но страшно завидовал соседскому Кольке, который 2-3 раза в год гостил в Бобровке у своей бабушки.

И вот, в 1956 году случился переворот. Моему папе, как тогда и многим другим, нарезали дачный участок у Сорокинского хутора, что в пяти километрах от поляны им. Фрунзе. Это было тогда совсем глухое место. Сам хутор в 20 домов жил тихой угасающей жизнью. Некоторые дворы держали коров, коз, разводили всякую пернатую живность. За хутором был искусственный пруд, созданный в самых верховьях известного в городе Студеного оврага. Вокруг хутора простиралось огромное поле, засеянное клевером и окаймленное дубовым лесом. Это бросалось в глаза в первую очередь, а уж потом были видны осиновые перелески. Подлесок, в основном, состоял из клена, вяза, местами липы и зарослей орешника, который по-научному зовут лещиной. Уже к 1957 году мы летом жили на даче. Отец загородил четвертушку недостроенного домика. И мы активно принялись осваивать близлежащую округу. Широколиственный лес тогда был еще совсем не замусорен. На опушке, заросшей чилигой, мы, детвора, собирали вкуснейшую клубнику, которую не путали с земляникой. У земляники были продолговатые, более кислые ягоды, и росла она на лесных полянах. Своих ягод еще не было, и мы питались, как я уже сказал, клубникой и дикушками. На опушке леса около наших дач росли две старые лесные яблони. Они каждый год были усыпаны мелкими округлой формы яблочками. Плоды были кисло-горькими. Нормальный человек не мог съесть и одного, но мы, детвора, набивали ими все карманы и грызли целыми днями. Во рту кислило, горчило и вязало, но занятие —

поедание дикушек – не надоедало. Было еще одно развлечение. В лесу то тут, то там попадались огромные муравьиные кучи. Родители строго предупредили нас, чтобы мы их не разрушали. Первым отец показал мне новое лакомство. Он брал веточку, облизывал ее и кидал на муравейник. Проходило минуты две, и палочка на вкус становилась кислой и мы сосали, как конфеты, каждый свою палочку.

Целыми днями слонялись около леса и, разумеется, в лесу. На самой окраине леса росло множество грибов. Это уже позднее папа рассказал мне о съедобных и ядовитых грибах. Но тогда, самым первым учителем оказался соседский Генка. Он был на два года старше, хорошо ориентировался в окружающем и, вообще, для нас, 9–10-летних пацанов являлся большим авторитетом. Сыроежек между кустами орешника, как разноцветных лампочек на елке, волновалось целое море. Синюшки, зеленушки, желтушки, краснушки. И вот Генка однажды научил меня их определять. Он сказал: «Ты их жуй. Их можно даже сырыми есть. Ведь название – сыроежки!» Помню, как я бродил по лесу и добросовестно жевал краешки грибов. Хорошо, еще что мне не попаласть какая-нибудь бледная поганка.

У сыроежек на самом деле был своеобразный вкус. Не то чтобы они какие-то особо вкусные, а наоборот бумажно-безвкусные, да еще как-то по-особому хрустящие.

Прошло два-три года, и мы уже довольно уверенно ориентировались в окружающей местности. Довольно сносно знали самые обиходные грибы. Сыроежки, подореховики, подберезовики, подосиновики с их разновидностью чельшами, поддубовики и, конечно, белые. Знали, что трубчатые грибы в основном идут на жаркое, а сыроежки, волжанки или волнушки, подгруздки и сами грузди хороши в засол. Не было такого дня в июле-августе, чтобы

день проходил без грибной жарехи. И ни разу ни у кого из близких никакого отравления!

Знали мы и шампиньоны, умели по оборочке на ножке и розовато-коричневатому цвету пластинок отличать их от пресловутой бледной поганки. Вот как-то в конце июня прокатился слух, что в лесу полно шампиньонов. Авоська и нож – все снаряжение грибника. Мы уже в лесу. Как и на рыбалку, встали пораньше. Час ходили по лесу – одни срезанные пеньки. Вылезло всего штук пять малюсеньких шариков шампиньонов – наверное уже полоса кончилась. Приуныли. Рядом с дачами было старинное полузаброшенное деревенское кладбище. Именно там в начале июля по ночам под руководством моего папы мы собирали светлячков. Разучились как-то его бояться, хотя про вурдалаков и роль осинового кола знали. Собирали по коробочке коричневых жучков, у которых ярко-зелено светился хвостик. Светлячков после рассаживали по кустам в саду и ночи две любовались сказочной иллюминацией.

Что-то меня толкнуло забрести на эти кладбища. Остановило то, что между старых могил земля была усыпана белыми шляпками. Не скажу что, как в некоторых рассказах, пришлось брать телегу, но сетку-авоську с пятью килограммами первосортных шампиньонов я насобирал минут за 20. О том, что грибы с кладбища, я промолчал, и наша семья в тот день заслуженно им воздала. Помню, мать поджарила их, сварила картошечки. Пришел с работы отец и еще долго хвалил меня. О массовом сборе грибов я слышал, но сам почти никогда не видел. Наоборот, собирание было кропотливым трудом. Мне очень понравилась идея Солоухина в главе о сморчках, что нужно внутренне сосредоточиться и представить себе гриб. Тогда обязательно его найдешь. У меня был еще один верный способ. Не знаю уж – рассказывать что ли о нем? Да ничего страшного, расскажу. Я заметил, что, бывает,

исходишь все заветные места и вдоль, и поперек – грибов нет. Загрустишь, остановишься у кустика справиться малую нужду, не рыщешь глазами и вдруг под ногами замечаешь грибок, а рядом еще и еще. Вот и прочесал весь лес!

И еще, все грибники – довольно завистливые люди. Не дай бог кому-то собрать больше тебя! Тут и смекалка, и наблюдательность пробуждаются. Вот однажды я заметил, что Генка куда-то в лес зачастил и каждый раз возвращается с лукошком волжанок, как у нас зовут волнушки. Подглядел направление и на следующий день рано поутру побрел туда же. В лесу я ничего не нашел и уже развернулся обратно. Вышел на опушку. Клубника отошла, и я решил нарезать матери чилижный веник. Продираюсь через заросли чилиги и вдруг вижу, что вся покрытая зеленым мхом земля прямо розовеет от сплошного ковра волжанок. Особо красивы были их пушистые, все в кольцах, шляпки. Полчаса я не разгибался и нарезал почти ведро свеженьких грибочков. Сразу же засолил их со смородиновыми листьями. Уже недели через две их уплетали с картофельным пюре. Правда, было немного стыдно перед Генкой за его раскрытую тайну. А грибы как будто ждали этого момента – в этом году там больше не родились.

Большой радостью для детворы было озеро. Здесь многие из нас научились плавать. Одних моих друзей на озеро не пускали, и мы всячески клянчили купание у взрослых. До нашего пруда было около километра. Не успеешь вернуться, как опять все мысли о купании. И тут, в году 1960, выдался очень дождливый июль. Начался отпуск у папы, а развлечений никаких. Я уже успел прочесть заданную на лето «Хижину дяди Тома». Где-то в очередной вторник дождь прекратился и я выклянчил у папы прогулку на озеро. Грязи было море разлитое. Земля, как говорят, «парила». Чуть не первые, вытаскивая кеды из земли, мы оказались на

берегу пруда. Обычно все склоны оврага, где располагалось озеро, были утрамбованы и покрыты сплошными тропинками. Все мысли были только о том, как побыстрее забраться в воду. Я бежал впереди и первым увидел прямо на дорожке крепенький боровичок. Его сразу же можно было узнать по ножке, покрытой сиреневатыми прожилками, и маленькой бархатисто-коричневой шапочке.

О купанье было забыто, и мы с папой излазали все берега. Нашли еще штук двадцать белых, росших почему-то только на дорожках. Когда на озеро стали стягиваться купальщики, у нас была набита грибами моя майка, завязанная на конце узлом. Так мы открыли задержавшийся плавательный сезон, и вскоре поели замечательное жаркое из белых грибов. Кстати, ни один из пластинчатых грибов не пахнет так душисто, как лесные трубчатые грибочки!

Шло время, бежали годы. Читал книжки, слушал рассказы отца и о грибах я узнавал все больше и больше. Когда я учился классе в восьмом, появилась у всех дачников мода на «рюмочки» (так у нас называли один из видов опенков). Они были розово-белые, в виде рюмочек, росли семьями. В жарком их отличал сладковатый привкус. Очень хорошо было для запаха и вкуса добавлять на сковороду сыроежек, маслят, «козляков». Козляк – это такой небольшой грибок, который зовут еще моховиком. Он с коричневой шляпкой, покрытой сетью трещинок, желтым подшляпьем, довольно ароматен. Когда они стареют, то шляпка их, в отличие от других грибов, покрывается белым мхом плесни.

В нашем лесу с разной удаленностью от опушки росли разные грибы. Подальше от края леса встречался один очень красивый гриб – валуй. У молодых – круглая коричневатая шляпка была обильно покрыта слизью. Белые пластины. По консистенции чуть плотнее сыроежки. Старые особи расправляли шляпки и еще

больше походили на сыроежек. Валуи почему-то очень любили улитки. Мой папа засаливал и закатывал их в банки. Они в солевом виде довольно вкусны и отличаются от других грибов тем, что даже если стоят два года, никогда не мутнеет рассол. Особенно хороши валуи, когда к ним добавишь чесночок, лист смородины и укроп. Почему-то в наших краях валуем не совсем правильно называют особый вид рядовок, которые правильной называют сокорниками из-за своей тяги к этому дереву. Я думаю, что сокорник – один из самых поздних грибов. Он растет в октябре, по берегам приречных овражков, среди осокорей. Часто именно о нем можно сказать, что он растет «ведьминами кругами». Бывают сокорники очень мясистыми, с коричневатой шляпкой и белыми пластинками. Очень хорош сокорник, а кому привычнее – валуй, малосольный в майонезе. Однажды с моей женой у бабушки мы съели целую трехлитровую банку, запив их не одной рюмочкой старки.

Появился в нашем лесу мусор, грибов становилось все меньше. И тут появился чудесный гриб. То, что дождевики съедобны, я знал. Но если в лесу чаще попадались маленькие шарики волчьего или дедушкиного табака, где-то в году 64-ом на смену им появились огромные особи «головачей». Некоторые достигали размера до 35 см в диаметре и веса до 2 килограмм. Чуть ватная мякоть трудно резалась на куски, в супе была похожа на свиное сало, но как основной наполнитель жарехи, являлась очень ценным ингредиентом.

Пробежала школа, институтская жизнь. Женился я на пятом курсе, а через год жена легла в роддом. Первые роды – всегда проблема. Молодой будущий папаша умудрился заложить в роддом жену за 10 дней до родов. Однажды в воскресенье, не зная как убить время, я отправился на дачу и забрел в лес. Стоял сентябрь, грибов почти не было. Обращали на себя внимание только

какие-то фиолетовые грибы на довольно толстой ножке. Пластины были покрыты какой-то рыжеватой паутиной. Грибы были покусаны мышами, но пахли довольно приятно. Я набрал корзинку этих грибов и принес домой. Там по книжке – определителю грибов узнал, что грибы съедобные, правда, третьей категории и называются паутинниками. Сварил и приготовил картофельное пюре, отварил и пожарил с лучком паутинники. Попробовал сам – вкусно! Через 12 часов отнес кушанье жене. Она потом рассказывала, что ничего вкуснее не пробовала.

И еще мне запомнился один поход. Году в 1975 меня взяли с собой одни знакомые. Муж с женой, старые грибники, не сомневаясь, отправились за село Красный Яр. Приехали в старую сосновую рощу, всю заросшую папоротником и покрытую, как опилками, старыми карстовыми воронками. С недоверием я выбрался из машины. Во-первых, у нас в лесу белый гриб рос поближе к дубам, а здесь – сосны. Во-вторых, насколько я знал тогда, грибы любят открытые места, а здесь – заросли папоротника.

Но та уверенность, с которой мои старшие товарищи углубились в лес, поколебала меня. Немного с недоверием я тоже зашел за деревья. Был август. Накануне прошел дождь. Под ногами пружинила хвоя. Спустился в овражек, нагнулся, посмотрел сквозь стебли папоротника и сразу же увидел три боровика. Они были не совсем молоденькие, но не червивые. Час мы рыскали по овражкам, я уже не боялся спрятавшихся в траве гадюк, а только лихорадочно срезал грибы. Набрал два ведра. Привез домой. Грибы засушил в духовке и нажарил. Узнал, что это были боровики, и навсегда расстался с заблуждением, что в траве грибы не рождаются. Столько боровиков я больше никогда не собирал.

Сколько замечательных русских писателей писали о природе! Вроде все написано простым, доходчивым языком, но, если вчитаться в того же Владимира Солоухина, поймешь, что не все

так просто. То и дело прекрасные сравнения, прямая речь, сноски, ссылки на других авторов. Начинаешь понимать, что искусство писателя очень и очень сложное. Мои непритязательные наброски оправданы только ситуацией, в которой я неожиданно оказался. Три года назад меня посетил, как говорят на Руси «Кондрат», короче, меня парализовало. С детства я не любил писать, а тут как прорвало. Может это вариант графоманства, но хотя до настоящих писателей мне очень далеко, я не могу отказаться переносить на бумагу все, что было в моей жизни. Писать много мне трудно, оправдывает только то, что это все реальные события. Это все отвлечение. Вернемся к нашим красивым, душистым, известным и неизвестным грибам.

Расписавшись, я чуть не забыл об одном из вкуснейших и красивейших грибов. Мой папа родом с Оки. Там их называли подореховики. Если белый гриб – царь грибов, то подореховик точно – высокородный принц. Я думаю, он стоит по своим качествам значительно выше подосиновика и подберезовика. Он растет у нас в дубовых лесах, под орешником. Это удивительно красивый, крепкий гриб размерами и формой похожий немного на боровик. Ножка его тоже толстая, но не такая, как у того. Шляпка светло-коричневая, как у масленка, ярко-желтое трубчатое подшляпье. Мякоть гриба на разрезе покрыта как бы вкраплением жира. Плод довольно большой, от 5 до 15 см. Он окрашен так же, как масленок, моховик, но с ними его никогда не спутаешь. Они как очень дальняя родня. Сколько я ни смотрел грибных книг, а точно такого гриба не встречал. Мало того, кроме нашего леса я не встречал точно такого гриба ни в знаменитом Бузулукском бору, ни в очень грибной марийской стороне. Мой папа, правда, его знал. Мальчишками мы знали, что подореховики, как и другие колосовики, появляются в начале июля и держатся до конца августа. Мало того, приходя в лес, мы точно знали, под какими де-

ревьями и кустами растут наши грибные приятели. Лес около нашей дачи сейчас загажен мусором, грибы в нем больше не растут. Я бы сейчас дорого дал, чтобы ощутить вкус и запах подорожника в жарком. Эти грибы хороши как в супе, так и в жареном виде. Их еще можно сушить.

Когда я женился, жизнь сделала неожиданный поворот. Два раза в год мы стали бывать в селе Борском, где жила тетя моей жены. Стала жизнь до Борского и после. Появились новые друзья, новые места и горизонты. Наверное, больше с рыбалкой связаны такие места вокруг Борского, как озеро Потапка, купалка, бушевя, Чесноково, борок, городская поляна и так далее. Мы с женой, еще молодые, каждое лето зазывали тетю Катю с ее подружкой, тетей Клавой, за грибами. Теткам было уже около семидесяти. Они дружно кряхтели, молились, и мы отправлялись. Проходили обычно пешком около 15–20 км, мы с женой падали от усталости, но старушки все так же кряхтели и ни разу не пожаловались. Обычно мы шли сначала до борка – это окраина Бузулукского бора. Огромные сосны и веселые мухоморы с сыроежками на песчаных гривках, устланных ковром старых сосновых иголок. Сыроежки брали только с зелеными и фиолетово-коричневыми шляпками. Они более плотные. За борком начинался пионерский лагерь и дальше – мхи. Это больше было чернолесье с редкими посадками. Сосенки лет 20-ти остро пахли на солнце. В посадках попадались маслята, рыжики и лисички. Рыжики очень красивые, ядреные, но на поверку все червивые. Наши бабульки собирали и их. Придя домой они кидали их в ванну с соленой водой, червяки выползали, и после они рубили грибы с луком, жарили и делали начинку для пирожков. Мы червивые грибы брать брезговали. Попадалось много калины. Мне было не понятно, что все деревенские очень любили горькую калину. Попадались места с подгруздками и настоящими желто-мохнатыми груздями. В осиновых

перелесках собирали свинухи и подосиновики. К полудню у каждого – примерно по пол-мешка. Очень памятен один случай. Стоял август 1980 года. Прошлая зима была необычайно суровая, под Новый год температура доходила до сорока градусов. Полегло множество косуль. То там, то тут среди деревьев попадались кучи старых шкур и костей. Мы зашли в довольно старый сосняк. И тут на пригорке я увидел издалека рыжик. Ускорил шаги. Подошел и разглядел, что рыжик рос под крышей из сброшенных большущих лосиных рогов. Рыжик оказался червивым, а рога я не поленился притащить домой. Позже отец к ним сделал подставку, и рога лет двадцать украшали стену нашего городского дома. Я еще шутил, что это символ моей супружеской жизни.

Из последних сил возвращались назад, и, отдохнув, я принимался сортировать грибы. Сыроежки, рыжики, подгруздки и грузди шли в засол. А свинухи, маслята, лисички, козляки жена жарила. Еще дня два все разговоры велись, в основном, о грибах. До сих пор не знаю каких-то обозников, что собирают в большом количестве в Борском по осени.

Из Борской грибной эпопеи памятен еще один случай. Стоял июль, кажется, 1981 года. Целую неделю лил дождь, но было очень тепло. На рыбалку не ходили, и я маялся от тоски. Как-то днем дождь прекратился, и мы сидели дома у наших друзей – Любы и Саши. Саня куда-то вышел и вернулся с возгласом: «Быстрей собирайтесь!» Мы похватили ножи, ведра и зашагали в лес. Дорога шла через первый и второй ручеек мимо озера Потапки. С веток еще капали дождевики. Вышли на «Городскую Поляну». Примерно через километр поляну пересекала не очень старая сосновая посадка. Мы все разделили между собой ряды сосенок и побрели, переговариваясь, по посадке. Она тянулась метров на 300. За двадцать-двадцать пять минут мы набрали ведро с верхом молоденьких маслят. Когда срезаешь масленок, на срезе ножки

выступает беленькое «молочко». Вернулись домой, все дружно почистили кожицу на шляпках маслят. Люба пожарила их на огромной сковороде, сварила картошку и получилось жаркое, почти самое вкусное в моей жизни.

Вспоминаю редкие грибные вылазки, и вся жизнь пробегает перед глазами. То куча белых рядовок, которые папа называл «говорушки». Они собирались осенью где-то у Красного Яра. То целых 2 ведра свиных, то гора опят и не совсем правильно называемых в народе лисичек. Говорушки я сам не собирал, хотя неоднократно видел их, бродя по лесу. Вот опята – другое дело. Это, наверное, последний гриб, который я научился собирать. Не знаю почему, но все осенью собирали опята, а я зачем-то тянул время. И только году в 1976 научился их определять и собирать. А чего трудного! Нашел местечко чернолесья, желательнее после старой прорубки с невыкорчеванными пеньками и полусгнившими стволами, и где-то с середины сентября собирай. Такое место я нашел на 3-ем километре шоссе, идущего от Московского шоссе в сторону Нового Буяна. Одно удовольствие – приехать первым и срезать с пеньков кучки желтовато-коричневых опят. Лисички, или еще один вид рядовок, растут рядом, но на ровных местах. И те и другие остро пахнут осенним лесом, грибом и одинаково замечательны жаренные в сметане и маринованные.

Опята я собирал в нашем лесу на южном склоне Студеного оврага, в лесу у Старо-Семейкино и в Бузулукском бору.

Есть еще один мой любимый гриб, незаслуженно обойденный вниманием – это сморчок. Прошла зима, наступает весна. Март сгоняет из леса снег. Вот и конец апреля. В голом еще лесу среди сероватых опавших листьев полно первоцветов. Белый подснежник, очень скромный цветок. В нашей полосе, тоже не совсем верно, подснежниками называют колокольчики лохматенькой фиолетово-синей «сон-травы». Необычайно красива по-

сле зимнего однообразия медуница. На одном кусте и розовые, и красные, и синие цветочки. Существует примета: как пошли беленькие цветочки – собирайся за сморчками. Я всегда весной спрашиваю у близких, не видели ли они на перекрестках бабулек, торгующими букетиками первоцветов. Сморчковая охота продолжается до середины мая. Мы не очень дифференцируем сморчки и строчки, но чтобы не ошибиться, я и те и другие 3 минуты обвариваю в воде, которая убивает строчковый яд. Промываю и жарю на топленом масле и сметане.

Сморчки любят южные склоны оврагов с растущим на них осинником. Однажды весной мы шумной студенческой компанией приехали на дачу жарить шашлык. Вначале решили нагулять аппетит и отправились в лес на прогулку. Примерно в километре от опушки попался овражек, заросший по краям старым осинником. Вот там мы неожиданно нашли и собрали килограмма четыре отборных, с коричневыми коническими шляпками сморчков. Белая их ножка в самом низу, как и у валуев, пустотела. Мы пожарили сморчки, испекли на углях картошечку, наелись до отвала и уже не думали о шашлыке. Лет восемь назад я лежал в больнице им. Калинина после первого инсульта. Была весна, страшно хотелось грибов. Весна была ранняя и сухая. Сморчков в том году на базаре не было. Озаботил одного хорошего знакомого – грибника. Проходит три дня, и он приносит мне баночку картофельного пюре с зажаренными целиком сморчками. Не передать, какая радость обуяла меня. Но где же друг нашел грибы? Оказывается, у него было заветное место – это посадка неклёнов на Чапаевском шоссе у поворота на Красноармейск.

Незаслуженно обижен, я считаю, свинух. Несколько лет назад появились в печати статьи, что свинух, растущий вдоль дорог, адсорбирует в себя соли, содержащие свинец. Мне эти грибы очень нравятся. Они и жареные, и соленые сохраняют какую-то

вязкость. Если как следует присмотреться, этот гриб по-своему очень красивый. Это только при первом взгляде он какой-то темный. Приглядишься, а сквозь общую темноту пробиваются желтоватые тона. Свинухи, как и многие другие грибы, любят березу. Мне неоднократно приходилось видеть, как в старом лиственном лесу около старой березы стоит огромный муравейник, а вокруг него, как под охраной, целый круг свинухов. Чем моложе гриб, тем желтее, а по этому фону пробиваются темные пятна. Свинухов много растет в березовых посадках. Меня, конечно, напугали заметки в газетах, и я больше не собираю этот гриб у дорог. В связи с ним мне вспоминается одна история.

Кажется, в 1985 году мы работали со студентами в Елховке по сбору картофеля. Стоял дождливый сентябрь. Во время особо упорных дождей мы не работали. Собралась кучка человек в пять преподавателей, грибников-энтузиастов. Опята еще не пошли. Зато из каждого похода в лес мы приносили ведрами свинухи и волнушки. В нашей комнате стояла бадья с засоленными волнушками. В этом же колхозе меня научили собирать зонты. Много лет, ходя по лесу, я их просто пинал, считая разновидностью мухомора, пока не попробовал жареными. Не зря в народе их зовут «курицей». Вероятно, это название родилось из-за схожести вкуса. Зонты растут на открытых местах. Длинная ножка увенчана бахромкой. У молодых особей шляпка не распушена, а весь гриб напоминает гранату – лимонку. Гриб весь светлый, как бы покрыт серовато-коричневыми чешуйками. Может, не вкус, а эта рябоватость заставляет сравнивать его с курицей. И вообще, я бы его назвал «курица-ряба». Опять отвлекся, а рассказывал о свинухах. Именно в ту осень меня научили экспресс-методу их солки. Мы варили свинухи в подсоленной воде около 40 минут. Когда грибы уже были готовы, сливали почерневшую воду и крошили в горячую еще кастрюлю чеснок. Закрывали крышкой, а на

следующий день приносили в столовую миску вкуснящих грибов, сдобренных деревенским постным маслом и обильно посыпанных луком. Весь наш лагерь разделился на два отряда. Одни с необычайным аппетитом уплетали соленые свинухи, другие глотали слюнки, но боялись их попробовать.

К закрытию лагеря в конце сентября мы устроили пир с солеными волнушками. Еще один секрет готовки я уже сам открыл в ту осень. В конце сентября появилось множество опят. Я решил их заготовить в зиму. Сушку не позволяли постоянные дожди. Да и жили мы в не очень комфортабельных условиях. Крышек для банок не было. Что же я придумал? Мариновал опята. В отдельной кастрюле стерилизовал банки и листки толстого полиэтилена. Раскладывал грибы по банкам, накрывал, подчеркиваю, толстым полиэтиленом, который вокруг горлышка банки обматывал плотно ниткой. Когда банки остывали, герметичность была такой высокой, что на листах, закрывающих банки, изнутри собирался и долго не высыхал конденсат. Банки я привез домой, еще раз вскипятил и закрыл крышками. Ни одна банка не взорвалась и, вообще, всю зиму наша семья лакобилась маринованными опятами.

Вот перед глазами пробежала вся моя грибная жизнь. Я думаю, что она еще не кончилась. Два последних года мы ездим на машине в Бузулукский бор к разъезду «Лес» и не хочу хвастать, опят я, несмотря на болезнь, собираю не меньше моих товарищей. Скомкав рассказ, я не поведал о многих, многих походах в лес, о черных груздях и о том, какие вкусные бывают соленые сыроежки.

Каждая грибная охота заставляет вспоминать не только события, но и запах грибов, леса, а когда после перебираешь грибы, вспоминается, где какой и как нашел! В сборе грибов один условный недостаток – хорошо собирать, сортировать, но плохо заготавливать.

ПОТАПКА

Было это озеро в стародавние времена старицей лесостепной речки у могучего бора. Отделилось старое русло, обособилось, но не исчезло совсем. Пробили себе дорогу серебряные родники, холодящие воду на глубине даже в самую страшную жарынь. Озеро по-официальному называлось Потаповым, а в народе просто – Потапкой. Длина его до семи километров. Начиналось и кончалось двумя ключными углами. На самом деле бьют в этих концах стальные ключи и не дают замерзнуть озеру в самые лютые зимы. Проведала об этом стая ленивых уток и вместо того, чтобы лететь в жаркие страны, стала кочевать зимой с одного конца озера на другой. У водоема своя география. Начинается Потапка несколькими затонами. Сливаются затем в одно русло и, минуя «Городскую Поляну», ныряет в лесистые берега и мимо Пляжика метров через 500 заканчивается другим ключным углом у села Борское. Из Потапки вытекает ручеек и впадает через километр в реку Самару. Озеро особо не рыбацье. Тем не менее, мне удавалось ловить там щук, окуней, леща, линя, множество раков.

Вода в озере чистая и холодная. Берега обрывистые и заросшие ольхой, чернокленом и дикой смородиной. То тут, то там торчат свечки осокорей. В боровом углу Потапки ловили раков. Невдалеке на заросшем травой мыске угольником ловились мелкие линьки. На «Городской поляне» Потапка как бы расширялась, и здесь попадались иногда золотобокие лещи. Ближе к ключному Борскому углу попадались щучки и окунишки. По всему озеру ловился сорожник. Я пытался ловить на кружки хищника, но безрезультатно. В ручейке, вытекавшем из Потапки, как-то ловил во множестве окуней, а однажды чесал кончиком удилица голову полутораметровой щуки. Весной, когда во-

да в Самарке еще мутная, местные рыбаки собираются по берегам ручейка.

Очень прискорбно замечать, как в последние годы стала зарастать кувшинками и прочей озерной растительностью Потапка. Как будто уходит какая-то часть жизни.

СТРАШИЛКИ

Да... другие времена, другие нравы. На столе у моей внучки лежит уже третий томик «Страшилок». Может, так и надо, не знаю, но в наше детство «страшилки» не издавались, а ходили по ребячьей публике в виде устных рассказов. Тогда, может, существенно ничего не изменилось, и та же Синяя Рука (притча моей юности) продолжает наигрывать на фортепьяно? Так я размышлял по-старчески, а картины жизни пробегали передо мной. С раннего детства отец учил меня ничего не бояться. Когда мать со страхом пряталась в подушки от раската грома, я радостно высчитывал километры от удара молнии. Немного подрастая, я ночью путешествовал по лесным дорожкам. Одним словом, старался воспитывать волю, но это не значит, что в жизни совсем ничего не боялся. Боялся, и очень!

Как папа ни учил меня брать в руки ужей, я так и не переборол в себе безразличное отношение ко всем рептилиям.

Вспоминаются самые страшные случаи. Году в 1961 я учился в десятом классе. Был самый разгар моего «переходного» возраста. Однажды летом я повздорил с матерью и уехал с дачи на встречу с любимой девушкой. Обещал вернуться. В то время трамвай ходил только до поляны имени Фрунзе. Дальше до дачи было еще пять километров. Дорога шла сначала по лесу, а потом выбиралось на огромное поле и снова скрывалась в лесу. Конечно, я загулялся и приехал на поляну с последним трамваем. Вроде, светила луна и лесные дорожки хорошо угадывались. Но когда я вышел на поле, луна скрылась за облака и стало совсем темно. Чтобы не думать о неприятном, я насвистывал и ускорил шаг, ведь уже было около двух часов. Дорога едва угадывалась. Поле уже кончалось, когда в тиши ночи я услышал какой-то всхлипывающий звук. Сердце похолодело, и меня согревала только одна мысль, что в это время я должен быть совершенно

один. Природа шума была неизвестна. Преодолевая страх, я сошел с дороги и направился к источнику неизвестного шума. Так я прошел метров двадцать. Об ноги скоблила трава, и казалось, что в ковыле притаилась гадюка. Мелькнула в разрыве облаков луна. На минуту показалась невывезенная скирда. Шум усиливался, и вот, когда он достиг апогея, среди травы я увидел мирно посапывающего загулявшего колхозника. Сразу ушли все страхи и я почти бегом припустил до дачи.

Страшное – часто необъяснимое или неожиданное. Был однажды и такой случай. Стояло лето. Мы всей семьей нагрянули на дачу к родителям. За сбором ягод и разговорами ушел почти весь день, часам к пяти засобирались домой. Решили не идти на трамвай, а спуститься на Волгу. Дорога последние годы была не очень хоженная – вся тропа заросла травой. Тропку я знал хорошо. Свободно шагал во главе небольшого отряда. За мной шла дочка, четырехгодовалый сын, а замыкала строй жена. Прошли развилку, перебрались через новую шоссейку и снова углубились в лес. Солнце садилось и ярко просвечивало через лесную гущу.

Вот и «спиральный дуб», как называл его когда-то мой папа. Видимо, в дуб ударила молния и прочертила в его коре борозду. Отметина шла винтообразно, вся от времени заплыла, но была отлично различима. Полюбовались дубом и зашагали дальше, до Волги было еще километра два.

Вдруг трава на тропе зашевелилась, метрах в 10 от меня ее пересекало какое-то узорчатое, как мне показалось, довольно толстое и длинное тело змеи. Может, это был безобидный полоз, но сразу сработал древний инстинкт. Я остановился, как вкопанный, потом высоко подпрыгнул. Жена после говорила, что даже не предполагала, что я могу так высоко прыгать. Это был, конечно, испуг и, может быть, какой-то первобытный инстинкт. Так древней человек, встретив неизвестную опасность, хотел в прыжке показать, какой

он высокий. Змея проползла и мы тронулись дальше, но до сих пор помню, как у меня сильно, сильно колотилось сердце.

Еще одна «страшилка» произошла год назад. Говорят, что все боятся, не боятся только дураки. К дуракам приобщать себя как-то не очень хочется! Слушайте, что произошло...

Дело было осенью на даче. Живу я там обычно совсем один. Ища общения, как-то поздно вечером я долго судачил на линии с соседками. Стояло настоящее бабье лето. Горел кленами недалекий лес. Было тепло и тихо. Быстро кончался день и набежала ночная темень. Я распрощался с говорливыми сударушками и ушел в свой дом. Совсем стемнело. В сентябре бывает такое время, когда в одиннадцать часов ничего уже не видно. Свет я не зажигал, а включил телевизор. Большой дом жил какой-то своей особой жизнью: потрескивал, тихо шумел, казалось, что кто-то где-то тихо ходит.

Прибавил телевизор, уселся на диван смотреть передачу «Человек и закон». Невольно расслабился, опустил руки между колен почти до самого пола. На экране мелькали милиционеры и бандиты, тихо звучала музыка. И я незаметно задремал. Вдруг, чей-то влажный язычок коснулся моих пальцев. Это было так неожиданно, что я вздрогнул и произнес что-то типа «А-а-а!». Включил свет и увидел, как метнулась по полу чья-то тень. И тут же на кресле уселась пегая крыса. Как я ее ни ловил, но, видать из-за своей болезни, поймать не смог. Соседки еще продолжали вечерять, и в абсолютной темноте звучали их голоса. Подошел, все рассказал, и тут одна из женщин воскликнула: «Машка какая проказница! Убежала из дома еще вчера, убежала, да еще у чужих выпрашивает еду!». Женщина пошла со мной и тут же поймала свою ручную крысу. Вроде бы обычное дело, а я крепко тогда испугался.

КУНИЦА

Лето, июль, отпуск. Мы, как каждый год, в Борском. Устав от сеток, захотел обычной поплавковой рыбалки. Как-то собрал лодку, удочки, прикорм и наживку, завел Сашин «Минск» и отправился на Воронцово озеро. Озеро большое заросло камышом и кувшинками. Один берег крутой и зарос осинами. Они как свечи тянулись из чаши к солнцу. Тихое утро. Верхушки осин освещены восходящим солнышком. Листочки трепетали от дуновения утреннего ветерка. Я накачал лодку, подплыл поближе к крутому берегу и забросил свои удочки. Не клевало, приморило и я задремал. Очнулся от какого-то шороха на берегу. Все так же распевала в кустах иволга. В осиннике загомонили птицы. Я уставился на них и увидел, как на стволе осины мелькнула тень. Пригляделся и отчетливо рассмотрел как охотится за гнездами куница. Она методично поднималась по стволу до верхушки, опускалась по другой половинке, дерева перепрыгивала на другую осиновую свечку и все повторялось. Так она обследовала деревья, и след ее потерялся.

Птицы постепенно угомонились, а в глазах продолжало движение изящное коричневое тельце с круглыми ушками. Каждая тварь добывает пропитание, как может, только я в тот день остался без улова.

БЕЛОЧКА

Видимо, я сейчас в таком состоянии, о котором говорят: «Полеп еду – о поле пою, лесом еду – о лесе пою». Я к тому, что на дворе середина сентября, живу один на даче, целую неделю стоит теплая, сухая погода. Воздух какой-то особо прозрачный и ароматный. Пахнет яблоками (кстати, особо пахнет антоновка) и пряными листьями. Лес окрасился разноцветьем кленов и осин. Тишина...Бабье лето. Вчера вышел к воротам полакомиться торносливом. Ранний торнослив, слива уже отошли. Мне особенно нравятся поздние ягоды, они уже стали мягкими, но на вкус – кисло-сладкие, терпкие и как-то охлаждающие во рту. Стою, жую ягоды, слушаю природу. На березе и липе, что растут около дачи, начался листопад. Шуршат опадающие листья, нет-нет, перелетит сорока, еще встречаются днем дрозды. Летом их было множество. Они лакомились, в основном, вишней. Так вот стою, слушаю. Вдруг, над головой какой-то неясный шум и стрекот. Стрекот периодически сменялся цоканьем. Пригляделся и разглядел лесную красавицу – белочку. Я их много видел летом. Какие-то светло-рыжие и как бы ошипанные. Сейчас же на ветвях сидел зверек с густым ярко-рыжим подшерстком. Дрожал только черненький кончик хвостика. Белочка трогательно сложила передние лапки и в них держала ягоду. Стал пристально наблюдать за ней. Обьест мякоть, а на загладку разгрызает косточку в погоне за ядрышками. Съест одну ягоду, сорвет другую. Под деревом уже горка скорлупок от косточек. Я пошумел, она скосила на меня бусинки черненьких глазок, а сама продолжала свою трапезу. Простоял около получаса, а она все щелкала косточки, и я ушел. А сегодня с утра по подоконникам барабанит мелкий, осенний дождь...

ХИТРОУМНАЯ ГЛАША

Я не Э. Сетон-Томпсон, не так знаю жизнь животных. Но умею немного наблюдать. Дело в том, что последние три года у нас живет шарпей – Глаша. Ее появление было связано частично с моей болезнью – меня парализовало, я плохо говорю и хожу. Трогательная, косолапая, вся сморщенная Глаша в нашем доме развилась со щенячьего возраста до солидной собаки. Она очень добрая и совершенно необученная. Правда, изображает из себя настоящего сторожа: чуть подходит к двери гость, она тут как тут и лаем предвещает звучание звонка. Прошлую осень она заболела пневмонией. Врач назначил ей кучу лекарств. Если таблетки она ела свободно, то уколы делать было целой проблемой, и я ее перед этим ловил целых полчаса. Чтобы Глашу так долго не ловить, я придумал привязывать ее на поводок. Что же придумала она? Если я к ней подходил с поводком в комнатных тапочках, она просто убегала. Если я был в уличной обуви, Глаша спокойно подставляла шею.

Вот и пойми. Говорят, что животные не соображают. Ерунда!

РЕАЛЬНОЕ РЯДОМ С ФАНТАЗИЕЙ

КЛАД СТЕНЬКИ РАЗИНА (СКАЗКА)

Жил-был у города Самара один мужичок. Не больно богато жил, еле концы с концами сводил, хоть и работал от зари до зари. «Испилила» всего его жена – вредная баба. Не стало житья мужику, и пошел он в лес куда глаза глядят. Сел в лодочку, взял в руки распашные веселки, и поплыл в лесной край Самарской Луки. Переплыл Волгу и зашагал по Жигулевским горам. Идет и думает: «Пока счастья не найду – не вернусь!» А в древнюю старину разбойничал здесь Стенька Разин и зарыл по краю множество сокровищ. Только не даются в руки те сокровища никому. Прошел он Подгоры, Гаврилову поляну, Солнечную поляну, да приустал – остался в лесу ночевать. Кругом тишина, только лоси с кабанами по лесу рыщут. Где-то у воды истошным криком надрывается дикий козел. К утру покрылась вся земля туманом. Страшно мужику, но храбрится. И уж светать стало. Тут из тумана появилась голова самого атамана. Шевелит грозно усами и молвит: «Вижу, мужик, совсем тебе невмочь. Ладно, помогу я тебе. Иди до самой Бахиловой поляны. Дойдешь, а там высокая гора, а в той горе откроется тебе моя пещера, а в пещере той мои богатства сохранены. Но не будь только жадным, а то все пропадет». Сказал – и исчез. Тут и солнышко из-за деревьев показалось. Пожевал мужик корочку хлеба, попил водицы из чудного озера и засобирался.

Долго ли коротко вела дорожка, прошел он деревушку Зольное и к следующему вечеру дошел до Бахиловой поляны. И правда, стоит там гора. Обошел он всю ее, но никакой пещеры не нашел. Утомился сильно за день. Развел на волжском берегу костерок да и задремал. А проснулся он от гласа неизвестного: «Иди к самой вершине, там меж камней и лаз увидишь». Сделал мужик

факел из огромного сучка, зажег в костре и полез на гору. Не очень высокие Бахиловские горы, но запрет, пока лез. На самой макушке горы нашел он три огромных валуна, а меж ними лаз. Полез в него мужик, а лаз все шире становится. Вошел он в большой зал, а из него три хода. Два ничем не оканчивались, а в конце третьего хода – каменный мешок. Стоит на полу в нем кованный сундук. Еле поднял мужик крышку, а там... Золотые цепи, камни и другие украшения. Видимо-невидимо. Тут и факел стал угасать. Помнил мужик, что Стенька ему сказал, не брал много, схватил только пригоршню монет и заторопился к входу. Вылез и не на радуется. Пошел к реке, нанял у бурлаков лодку, и на следующий день доплыл до родной Лысой горы, что начинается гряде Соколых гор. Избушка его под самой горой прилепилась.

С тех пор стали они с женой жить получше. Козу купили – молочко в доме появилось. Крышу новую покрыли – дождь перестал деток мочить. Только одна беда – жена сварливая точит мужика: «Был у богатства под боком, а взял – всего ничего!» «Пилила», «пилила» она его. Поедом заела. Свет мужику стал не мил. Вот он и собрался снова в гору. Правда, поехал уже на телеге до Пескалинского взвода. Там на лодке переправился и к концу дня был уже на Бахиловой поляне. Взял он в этот раз уже три факела. К ночи залез на верхушку горы, нашел лаз и полез в пещеру. Долго ли коротко, нашел он сундук и набрал богатства целый мешок. Факелов теперь хватило. Еле прет мешок с богатством. Нанял уже у Пескалов тройку и прикатил домой. От радости обо всем совсем забыл. Оба с женой дрожат от жадности. Развязали мешок... А там камни одни. Заплакал мужик и понял – видать, клад для самых бедных был, а тем, кто с достатком – заколдованный.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА В САМОЙ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Я давно уже не мальчик. За плечами осталась большая и довольно сложная жизнь. Были радости и огорчения. Но всегда я не мог забыть одну невероятную историю, приключившуюся со мной. До сих пор не могу понять, то ли это было на самом деле, то ли просто привиделось? В общем, обо всем по порядку.

Шел 1956 год. Я только окончил второй класс. Нашим теперешним малышам и невдомек, что тогда по всей нашей стране прокатилось массовое дачное строительство. Своими 6-ю сотками обзавелась чуть не треть населения нашей Родины. Моему папе на заводе тоже выдали участок земли в очень красивом и недалеко от города местечке – Сорокиных хуторах. Когда-то до Революции там проживал помещик Сорокин. Под наши дачи отвели часть луга, засеянного клевером. Этот участок земли назывался Станкозаводские дачи и располагался между Сорокиными Хуторами и их выселками Сорокинскими дачами.

От самых дач и до Волги тянулась дубовая роща. Дубрава была вся изрыта оврагами и карстовыми провалами. Километрах в полутора от массива дач располагалось огромное поле с озером. Колхозники косили на нем сено для скотины. Сбоку от поля был земляной бугор с названием Султанов бугор.

Сорокинские старики так описывали его происхождение. Когда-то по всему Поволжью гуляли орды кочевников. Заблудился в лесах один хан со своим войском. Чтобы сориентироваться, велел он своим воинам принести в одну кучу по шапке земли. Насобирали целый огромный холм. Хан забрался на него и увидел вдалеке Волгу. С тех пор заросший лесом холм в народе назвали Султановым бугром. Через бугор проходила вырубка, и мы ребятами собирали на ней вкуснейшую лесную клубнику.

Первый дачный год папа активно рыл ямы для яблонь, горделился и закладывал маленький домик.

Еще раньше, малышом, я очень интересовался пещерами. В нашей Самарской, а тогда Куйбышевской области была благодатная почва для любителя подземного царства. Это и штольни у села Ширяева, где пару веков назад производились серные разработки, и система штолен в Сокольных горах, некоторые из которых удачно приспособили для резервного хранения продуктов для города, превратив их в огромный холодильник. Всему этому, вить, благоприятствовали карстовые системы пород в округе. Недаром в лесах вокруг города множество воронок конической формы, говорящих о карстовых провалах. О наличии подземных ходов говорят и такие факты, что существует множество озер в заполненных внешними водами провалах, но с другой стороны, из многих воронок любая, даже обильная, вода моментально исчезает. К таким естественным пещерам, безусловно, относилась знаменитая в округе пещера братьев Гриви. Пещера открывалась двумя гротами на берегу Волги. Гроты (один ложный) были видны издалека, на обрыве Сокольных гор в районе Коптева оврага. Открывался вход в пещеру, правильней, не на саму Волгу, а на протоку, между островом Зелененьким и самим материком. Пока не построили Саратовскую ГЭС, к пещере можно было подойти по берегу от Студеного оврага или с Красной Глинки, но с тех пор, как поднялся уровень воды в реке, подход от берега стал затруднителен. А в те далекие уже времена по протоке до самой Красной Глинки ходил водный трамвайчик, или катер «Москва». Это продолжалось где-то до середины пятидесятых. Мой папа по воскресеньям забирал меня, брал с собой легкий обед, и мы на верхней палубе катили вверх по Волге до Красной Глинки и обратно. Остановку делали обычно у Студеного оврага. Там закусывали, купались на каменистом пляже и шли в пещеру. До пе-

щеры было где-то два километра. Но отвлекусь. На середине трамвайчика располагался буфет, заветная мечта всех ребят. Поход не был бы походом, если бы я не упросил отца купить бутылочку крем-сода. Я не знал тогда более очаровательного напитка. Он исходил пузырьками, благоухал и вообще был самым превосходным газированным напитком. Казалось, что обычная газировка даже в сравнение с ним не шла. И вот я гордо выпивал свою заветную бутылочку, и мы спускались на берег. Я, как каждый пацан, спешил искупаться. От шлифованных водой камней шел волшебный водяной и немного нефтяной запах. Пахло неотразимо, какой-то свежестью и Волгой.

Почти все устье протоки между Лысой горой и Зелененьким было забито плотами, а на берегу высились огромные бурты вытасненных бревен. Плоты сдвигали в кучу или обычные катера, или специальные РБТ. РБТ имел тупой уплощенный нос, что позволяло ему с разгона забираться на плот и толкать его. Еще больше для нас, ребят, РБТ славился своими волнами. От него сначала шли две большие волны и целая куча – поменьше. Ребята, увидев катер, бросались в воду и качались на первых двух волняшках. Иногда папа залезал со мной на плот. Это было особое удовольствие. Выберешь бревно потолще и по нему идешь до самого края плота. Между плотами были такие свободные пространства. Их называли окнами. В окнах рыбачили и иногда купались, рискуя уйти под плот.

Впечатление от лазанья по плотам было почти такое же, как от крем-сода. Помню еще запах плотов. Отмокшая кора бревен и оголенные концы измоченных бывших стволов источали терпкий древесно-смоляной запах, который смешивался с запахом реки и создавал неповторимый аромат Волги. Я дважды в своем рассказе упоминал Зелененький. Старожилы нашего города могут поднять меня на смех. Ведь каждый куйбышевец, а сейчас самарча-

нин, знает, что Зелененький – это остров на Волге. Он расположен в Самарскую сторону от быстрины и тянется от Студеного оврага и почти до слияния Волги с речкой Сок.

В центре Зелененького, ближе к нижней оконечности – озеро, сейчас превратившееся в подобие залива.

Итак, мы выбирались на Студеном, как я уже говорил, купались, отмечались на плотах и отправлялись вверх по реке. Соколы горы начинаются Лысой горой и тянутся до Сока. Это мелкие очень древние горы. Подальше от лобастой Лысой стояла заброшенная печь для обжига известняка. Из него раньше получали алебастр. На моей памяти печь уже не функционировала, и мы по боковым скобам залезали довольно высоко. В горах повыше печи зияли проплешины от старых выработок камня. За печкой примерно с километр шел совсем дикий берег. Папа всегда там расшвыривал камни, и открывалась ямка с круговертием родничка. Вода в родничке чистая, прозрачная, безвкусная, даже какая-то пресноватая и до боли ломящая зубы. Таких родничков по берегу насчитывалось от четырех до пяти. До Коптева оврага оставалось всего ничего, как открывался вид на пещеру братьев Грэви. Она располагалась метров на 20 вверх от берега.

Теперь пора рассказать, откуда произошло ее название. Не знаю, как она называлась раньше, но со второй половины XIX века ее называли только по имени братьев. Существует множество вариантов происхождения ее названия. Мне папа рассказывал один. Существовал в Самаре известный доктор Грэви. У него было двое сыновей, которые однажды отправились исследовать подземелье. Пещера была большая, они заплутались, и через месяц из нее выбрался только один из братьев.

В Куйбышевском краеведческом музее, что раньше располагался в польском костеле, был на витрине карандашный план пещеры. Ее ход до конца не изучили, но, говорят, он тянулся на не-

сколько десятков километров и выходил где-то в степи за тогдашним Семейкинским шоссе. Папа рассказывал, что один его дальний родственник из-за неудачной любви ушел из мира и поселился в этой пещере. Он там прожил больше месяца, заскучал и вернулся к людям.

Помню, как впервые мы посетили пещеру. Все стены входного грота были исписаны закопченными словами типа «Маша+Саша». Меня очень удивило, что в жаркий летний день на полу пещеры лежал иней и откуда-то изнутри поддувал холодный ветерок. Знающие люди говорят, что зимой, наоборот, в пещере можно согреться. Отец, видимо, испугался и внутрь, поглубже, сам не полез и меня не пустил. Я расплылся мыслью по древу, как говорится в «Слове о полку Игореве». Продолжим дальше. Прошло лет десять. Уже построили Волжскую ГЭС, нам дали дачу в верховьях Студеного оврага. Мысль о пещерах не исчезала. Когда дали дачный участок, я даже упросил отца, что он мне разрешит рыть вертикальный колодец, пока я не провалюсь в пещеру.

Сорокины хутора и наши дачи располагались как раз в верховьях Студеного оврага. Мои мысли так и крутились вокруг пещер.

Года с 1957 мы с семьей уже жили каждое лето на даче. Родители активно занимались садом и домиком. Мы же, пацаны, изучали лес и всю округу. В лесу, поближе к Сорокинским дачам, находилось серенькое деревенское кладбище с покосившимися крестами. Сбоку от кладбища в лесу было два карстовых провала. Один всегда был заполнен водой, и первое время дачники из него таскали воду для полива. Другой же овраг даже в самые жестокие ливни всегда был сух, то есть вода из него уходила моментально по какому-то подземному ходу. У меня еще маленьким мальчиком была мечта раскопать в нем пещеру.

И вот летом 1957 года, начитавшись от души приключений Тома Сойера, мы с моим другом и дачным соседом Олежкой стали готовить экспедицию в пещеру братьев Гриви. Все нужно было сделать незаметно для родителей. Вскоре мы насушили целый мешок сухарей. Собрали 4 парафиновых свечи, соорудили два факела, умыкнули два коробка полярных спичек (тогда продавали такие в магазинах). Нашли четыре мелка и в рыбацком хозяйстве папы позаимствовали моток лески. К середине июля мы были полностью готовы. Дорогу я знал в совершенстве. Да мы и не рассчитывали на продолжительный поход. В не бросающемся в глаза месте оставили родителям записку и часов в 8 тронулись в путь. От самой нашей линии в лесу пролежала довольно широкая тропа. Вскоре она раздваивалась, и мы зашагали по правой. Шли, весело насвистывая и сшибая шарики дождевиков. Затем дорожка повернула еще правее, а потом пошла влево вдоль Студеного оврага. Прошли «баба – Ежкин» дуб, как звал его мой папа. Дуб был корявый, с дуплом и обломанной верхушкой. Он стоял как раз на середине пути на Волгу. Незаметно тропа скатилась в овраг, где местные жители сажали картошку. Совсем не трус, я боялся наступить на притаившуюся змею. Прошли каменоломню и зашагали мимо забора пионерского лагеря. Дом отдыха, старенькие частные дома – и вот берег Волги. В это лето мы с другом на нашем дачном озере только научились плавать по-собачьи. Добравшись до Волги, мы разделись и залезли в речные струи. Над нашими головами нависала проплешина Лысой горы. Тропа вверх звала забраться, но мы героически зашагали вдоль берега. Из родничков насобирали целую флягу литра на 3 воды. Дошли почти до Коптева оврага и сравнялись с входом в пещеру.

С этого момента вся моя жизнь стала до посещения пещеры и после. До пещеры были шалости, пацаньячья бесшабашность и неосмотрительность, мечты и все, связанное с детством. После

пещеры мысли как бы повзрослели, но стали путаться, да так, что я уже не всегда понимал, в реальности я или в мире фантазий и чего-то нереального.

Забрались, значит, мы в грот пещеры. Полазали по каменным столбам, свечкой закоптили свои имена, замерзли и решили надеть свои телогрейки, которые мы благоразумно захватили из дома. Конец лески привязали к большому камню у входа. Из первого грота вниз уходила, как пасть чудовища, горизонтальная щель. Из нее-то и дул холодный воздух. Весь нижний край щели был густо облеплен инеем. Пламя свечи трепыхалось от ветра. Разматывая леску, мы сначала уверенно на животах поползли по ходу. Лаз из щели быстро превратился в довольно широкий проход. Мы уже не ползли, а шли выпрямившись. Дневной свет из входа очень странно вскоре исчез и только какая-то давящая тишина окружала нас. Я, если честно сказать, немного стусевался, но другу вида не показывал, а наоборот, всячески ерохорился. Наши фигуры от пламени свечи отбрасывали на стенах колеблющиеся, странноватые тени. То они напоминали каких-то великанов, то наоборот, становились маленькими, как карлики.

Мы посоветовались и решили идти на первый раз недалеко, а только пока хватает лески. Ничего непредвиденного не было. За нами не гнались чудовища, навстречу не вылетали вампиры – летучие мыши. Леска необычайно быстро разматывалась. В пещере, как и в лесу, оказался такой же эффект. Кажется, что прошел метров 20, а, оказывается, прошагал уже с полкилометра. Не успела закончиться леска, как ход подземелья раздвоился. Мы решили немножко еще пройти по тому ходу, из которого особо сильно тянул ветерок, что мы определили по пригнувшемуся пламени свечи. Закоптили на всякий случай огромную стрелу с наконечником в сторону выхода. Потом смело отвязали кусок лески, привязали около раздвоения прохода и зашагали дальше.

Пещера все больше расширялась. С потолка свешивались причудливые известковые сосульки. Мы тогда уже знали, что их называют сталактитами. Не особо задумываясь об охране природы, откололи по красивой каменной сосулке. Леска быстро закончилась, и мы решили перед возвращением закусить. Одна свечка к этому времени догорела, и мы ни минуты не сомневаясь, запалили один факел. Сразу стало светлей и не так страшно. Достали по горстке сухарей, фляжку с родниковой водой. Уселись на большие валуны, которых вдоволь валялось на полу, и захрустели сухариками. Вода из фляги явно не горячила, а холодила и в сочетании с промогlostью воздуха заставляла содрогаться. Пожевали, и я отошел в темноту по малой нужде. Было совсем не страшно, так как совсем рядом лучился светом наш факел.

Верно, говорят, что стоит человеку оступиться – и его жизнь покатится совсем по другим рельсам. Оступился и я. Не в переносном, а совсем в прямом смысле. Только я захотел вернуться к своему другу, ступил на шаг в сторону от стены, за которой все время держался, как земля ушла из-под моих ног. Не успев ничего подумать, свалился в какую-то яму глубиной метра в 3. Крепко стукнулся о каменное дно и еще минуты две пролежал словно мертвый. Очнулся я от крика моего товарища. Встал и понял, что ноги, руки целы. Ответил и сказал, чтобы очень осторожно шел ко мне. В сплошной темноте сначала слышалось сопение, уж потом стены моей темницы озарились светом. Рассказывать особо нечего – все и так было видно. Стены колодца почти вертикальны, что не давало возможности выбраться, а еще наша самоуверенность, свойственная, наверное, всем мальчишкам, не дала нам ума – взять с собой веревку. Олежка скинул мне кусок лески, мешочек с сухарями, воду, факел и свечку, а последнюю забрал с собой. Заблудиться он не мог и потопал назад за помощью.

Я запалил свечу и стал обследовать стены колодца. На сравнительно ровном полу больших камней я не обнаружил и забраться по ним наверх не было возможности. В самом низу колодца открылась щель. Ее стенки состояли из мягкого похожего на глину слоя. Обдирая пальцы, я начал его разрывать. Сначала я делал это от нечего делать. Но ход не кончался и я уже всерьез начал его расширять. Знал бы, чем это закончится, то спокойно сидел бы, ждал помощи. С другой стороны, какой пацан посидит минуту без занятия? Вот и я продолжал раскапывать лаз. Периодически попадались известняковые пластины. Раскапывая, вытаскивал их, и от этого ход становился все шире и шире. Уже скоро мне захотелось его обследовать. Держа свечу в вытянутой руке, как змея пополз вперед. Вскоре я уже стоял, такой высокий оказался лаз. Здесь еще больше с потолка свисало сталактитов, а им навстречу с пола поднимались такие же известковые сосульки. Сейчас я знаю, что они называются сталагмитами. Неожиданно пещера расширялась, да так, что пламя свечи даже не освещало потолок. Хорошо еще моих мозгов хватило привязать к сталагмиту обрывок лески. Сделал я это вовремя, так как сразу три хода открылись перед путешественником. Какой открыватель удержится перед чем-то неизвестным? Не удержался и я! Свернул в крайний левый ход и осторожно двинулся по нему.

От колодца, в который я провалился, отошел не далеко, так, что леска еще не кончилась. Стал даже подумывать, что, может быть, скоро подоспеет помощь. Как вдруг треснул головой о сталактит. Стукнулся так сильно, что кроме снопа искр из глаз ушло куда-то сознание. Свеча упала и погасла, но мне все уже было безразлично.

Не знаю, сколько времени я был без сознания. Кромешная тьма вокруг не способствовала моему пробуждению. Очнулся я от ощущения чьего-то движения вокруг. Благо спички лежали у

меня в кармане. Сел и зажег одну спичку. В неярком свете увидел на полу сложенные кучкой мои вещи. Там же лежал и огарок свечи. Зажег его и осмотрелся. Вроде бы ничего не изменилось, но неясное шуршание и тихое шарканье не исчезало. Пригляделся и вдруг заметил, что у самой стены мелькают сотни странных фигурок. Росточком они были не больше 30 см. Их тела покрывала густая буроватая шерстка. Не было даже намека на какую-то одежду. Длинные бороды и усы украшали их головки. Казалось, что парикмахерское искусство было незнакомо этим человечкам. Осторожно я поймал одного и погладил его. Человечек что-то недовольно залепетал и попытался ускользнуть. Я продолжал его удерживать и тихонечко гладить по голове и спине. Вокруг нас вдруг образовалась целая толпа человечков, они галдели и размахивали руками. Все было похоже на сон. Я уже был октябренок, по-своему, маленьким реалистом и уже не верил в сказки. Тем не менее, эти человечки напоминали Гулливера и карликов. Папа еще года два назад прочитал мне эту книжку. Тут я понял, что было бы смешно сопротивляться числу местных жителей, и собрав вещи, поплелся вслед за толпой. Мы прошли около полукилометра и оказались в огромном зале, стены которого неясно светились каким-то зеленоватым светом. Нужда в свече отпала, и я ее в целях экономии загасил. Меня подвели к подобию каменного трона, на котором восседал карлик с огромной бородой. Ее почтительно держали на весу трое малышей. Только приглядевшись, смог отличить карликов-мужчин от женщин. Те тоже были покрыты густой шерстью, но, как у кротов, их шкурки больше отдавали рыжиной. Также у них отсутствовали усы и бороды.

Уже позже я сообразил, что стены покрыты какой-то слабо светящейся плесенью. Эту плесень карлики старательно культивировали в одной из пещер, очень похожей на наш парник. Итак, я предстал перед начальником маленьких человечков. Он внима-

тельно осмотрел меня и жестами велел всем успокоиться. Его голос был очень слабый и писклявый. Речь была незнакома, но членораздельна. Из жестов начальника, или короля малявок, я догадался, что мне пока сохраняют жизнь. Король показал на карлика, которого я гладил, и его жену, потом на меня и махнул рукой. Народец после этого начал рассеиваться. Я сообразил остатки своего факела потереть о стену, и он теперь давал неясный свет. Мы с моими новыми хозяевами пошли дальше по коридору и остановились у вырытой сбоку ниши. Таких ниш вдоль коридора было множество, и во всех жили человечки. В нашей нише были гладкие стены. Ровный пол на одну ступеньку был приподнят. Вдоль стен шли неглубокие канавки, которые собирали сочащуюся со стен влагу и отводили ее из помещения. Интерьер комнаты довершали вырубленные из камня подобия лавок и кровать. Только сейчас я понял, что смертельно устал. В дальнем конце ниши я улегся, положив под голову скарб, и заснул без всяких снов.

В это время Олежка благополучно выбрался из пещеры и поспешил домой. Там его ждали встревоженные родители. Они уже нашли нашу записку и собирали маленькую экспедицию. В отличие от нас, они взяли еду, керосиновую лампу, запас свечей и прочную веревку. Все довершила найденная леска. Олежка между сборами поведал обо всем. Шли быстро и достигли пещеры братьев Гриви к вечеру, но засветло. Оставили у входа у небольшого костра Олежкину маму Анастасию Петровну. Остальные полезли в пещеру. Удивительно быстро добрались до ямы, в которую я провалился. На дне нашли разрытую нору и кучку камней. Расширили лаз и один за другим углубились в него. Прошли до первого лаза и в растерянности остановились перед тремя входами. Удивительно, что они не обнаружили мою леску, а может быть, я ее оборвал во время падения. Короче говоря, они по-

шли по правому проходу и, пройдя с полкилометра, уперлись в глухую стену, возникшую, видать, после давнишнего обвала. Вернулись и побрели по среднему ходу. Его конца достичь не удалось, так как он упирался метров через 300 в сифон. Сифон – это такой проход, перегороденный подземным водоемом. Чтобы преодолеть его, нужно иметь или водолазное оборудование, или отчаянную смелость. Ни того, ни другого у них, конечно, не было. Так что, оставался только левый проход. Прошло уже три часа поисков. Кончались свечи, да и керосин в лампе подходил к концу. И мой отец, хотя страшно переживал, повернул назад. Выбрались уже в ночь. Нашли замерзшую Анастасию Петровну у прогоревшего костра. Спустились к берегу. Олежку сморил сон. Набрали на берегу топляка и запалили новый костер. Взрослые спать не могли и проговорили всю ночь. Только забрезжил рассвет, как наши поисковики тронулись в путь, запасшись еще троечкой факелов из коряг, обернутых мочалой, обмазанной нефтью. Еще быстрее прежнего добрались до левого прохода из зала. Прошли еще с километр по нему и ничего не нашли. Самое удивительное, что ни огней, ни шума голосов я не слышал. А помощь была так близка. Мои же пленители может, что-то и слышали, но никак себя не проявили. Взрослые решили вернуть Олежку и организовать настоящую, спелеологическую экспедицию. Мать рыдала, а папа отправился в краеведческий музей. При нем была организована на базе политехнического института группа спелеологов-энтузиастов. Нашли план обследуемой части пещеры. Когда все сопоставили, оказалось, что левый проход вскоре заканчивался. Из первого зала, оказывается, шел еще один лаз – самый большой и до конца не обследованный, так что, идти было решено по нему. Суть да дело, а приплыли к пещере только на последнем трамвайчике. Пока переносили все оборудование, собрали у входа костер, оставили дежурного – наступила уже

вторая ночь моей пропажи. Отец отпросился на работе и тоже принимал участие в моих поисках. Ночь была не помехой для обследования подземелья. Короче, группа до сталактитового зала добралась без всяческих приключений. Как обследованные, оставили три хода и на противоположной стене зала обнаружили еще один ход. Спелеологи шли быстро. За ними с отдышкой поспевал мой папа. Местами пещера то сужалась и становилась вроде щели, то расширялась. Прошли уже километров пять. Вдруг обнаружили еще один зал. В воздухе стоял противный запах, и ноги утопали в гуано летучих мышей. Все стало ясно, когда, расширяя один из проходов, сначала нашли гнездовище медянок. Медянки – это такие ящерицы, длиной около 40 см, без ног и очень похожие на змей. Медянок сгребли палкой, которая оказалась в проходе. Расширяя нору, оказались на дне лесного оврага, но листва вокруг норы была не тронута, и группа двинулась дальше. Пробрались еще на километр. Следов на полу не было никаких, и группа решила возвращаться. Мой папа, как он рассказывал позже, чуть не плакал от обиды. Вся надежда была на то, что ими остался не замеченным какой-то боковой ход. Группа вернулась в сталактитовый зал, и опять прошли, только медленно, по пройденному маршруту. И опять – безрезультатно! Вышли из пещеры к концу третьих суток нашего похода. Немного обнадеживало то, что со мной был запас сухарей и вода. Никто не знал, что делать дальше.

Проснулся я, начисто отлежав бок. Нащупал факел и в бледно-зеленоватом свете разглядел копошащиеся фигурки моих хозяев. Они прибирали в комнате и кажется, свободно ориентировались в кромешной темноте. Я развязал мешочек с сухарями, открыл фляжку с водой и принялся за еду. По одному сухарику предложил малышам. Как ни странно, они не отказались от угощения. Насытившись, хозяин знаком руки позвал меня за собой.

Он довольно быстро семенил ножками впереди меня. Вскоре в коридоре по обе стороны засветились проемы каменных ниш. В них пылали сделанные из камня маленькие горны. Топили их, кажется, сланцем, которого полным-полно около Сызрани на Кашпировских рудниках. Другие человечки стучали молоточками по наковаленкам. Из их рук выходили вычурные маленькие украшения с вставленными в них драгоценными камнями. Я даже не подозревал, что в наших краях есть такие редкие камни. С другой стороны, Жигули еще более древние, чем Урал-горы. И, может, где-нибудь в глубине попадаются такие камешки. Третья, особая, группа малышей собирала готовые драгоценности и куда-то уносила. Меня туда не повели. По стенам пещеры сочилась вода. Человечки собирали ее через вырубленные на стенах стрелки, наподобие тех, что делают на стволах сосен для сбора смолы, или живицы. На еду шла несветящаяся плесень, тоже со стен. Ее соскребывали в туесочки женщины и разносили по жилищам. Мне раньше папа читал сказки о гномах и троллях. По тому, что в отличие от троллей, этот народец не был очень жестоким, я понял, что это, наверное, гномы. Удивляло только то, что в наших книжках гномы одеты в рубашечки, короткие штанишки и колпачки, а эти создания ходили совсем голенькими.

Через некоторое время я понял, что мне была назначена встреча с их королем. Он, как и накануне, восседал на троне. Только в этот раз его голову украшала вычурная корона. Для встречи с ним я захватил несколько сухариков, огарок свечи и пару своих полярных спичек. Весь коробок я оставил себе, а королю оторвал кусочек серного покрытия. Все это богатство сложил у ног короля, он что-то пробормотал, а я принялся знаками объяснять, как чем пользоваться. Королю очень понравилось несколько крошек моих сухарей. Когда я зажег спичку и запалил от нее огарок, на всех, и даже на короля это произвело большое впе-

чатление. После аудиенции король милостливо отпустил меня. И началась моя подземная жизнь. Я попробовал съедобную плесень. Она была на самом деле съедобна, но совершенно безвкусна. Экономя сухари, я часто питался ей. Моя фляжка скоро опустела, и я тратил довольно много времени, чтобы собрать воду. Время в пещере совсем не ощущалось. Я бодрствовал, спал и не ощущал, что наверху день или ночь. Прошло несколько здешних дней, и я заскучал. Хозяева ничего не заставляли меня делать, но я сам напросился в мастерские. Двумя пальцами раздувал горн, плавил железную руду – куски ее откуда-то приносили грузчики. Научился грубовато ковать.

Однажды напросился с грузчиками за рудой. Куда мы шли, я уже не понимал. В какие-то узкие лазы еле продирался. Прошли, наверное, километра три. Зашли в какой-то ход наподобие шахты. Стены были укреплены каменными столбами и деревянными подпорками. Деревянные не могло быть в пещере, и я понял, что где-то рядом есть выход наружу. В самом конце хода работали совсем черные от пыли человечки. Чем-то похожим на наши кирки они ковыряли стену. Среди груды породы они находили и откладывали куски руды. Мои спутники наполнили свои корзины, я напичкал рудой свои карманы. Получилось, что я принес руды в два раза больше, чем все носильщики. С тех пор я перешел в бригаду носильщиков.

Примерно через месяц я как-то бродил по своему коридору и в самом конце у глухой стены нечаянно надавил на выступающий из стены камень. Сработал какой-то механизм, массивная каменная дверь сама отворилась, и в уже известном зеленоватом свете моим глазам открылась сокровищница – огромный зал, почти до потолка заполненный сокровищами гномов. Обомлев, минут пять не мог тронуться с места. Наверное, мой юный воз-

раст не ассоциировался со стяжательством, и, постояв, я закрыл за собой дверь.

На следующий день (а я уже сносно понимал язык гномов) меня вызвали к королю. Я ему поклонился. Беседу он начал изда- лека. Он сказал, что на земле прошло уже два месяца, как я живу среди чудного народца. Что они дважды в пещере видели похо- жих на меня существ с похожими на мои огнями в руках. Из это- го они поняли, что меня искали, но ничего не говорили. Так же он сказал, что я прижился и понравился гномам. В завершение он поведал, что, до конца не веря мне, за мной послеживали. И когда я нашел сокровищницу и нечего не взял из нее, они еще больше зауважали меня. Теперь я прошел их испытание и могу просить награды. Я упал перед королем на колени, протянул к нему руки, глаза мои наполнились слезами. Нечему было удивляться, ведь я был еще маленький мальчик. Самая большая награда для меня будет, если король меня отпустит домой.

Так и быть. Моя просьба будет выполнена. Низко покло- нившись, я простился с королем и побрел к себе в жилье. Уже все спали, свернулся калачиком и я. Во время сна мне мерещи- лась земная поверхность, мои родители и друзья. На следующий пещерный день мои опекуны велели взять мои вещи, но я все ос- тавил им, взял один факел с зеленым свечением. Мы долго шли по коридорам, и вдруг я узнал сталактитовый зал. Здесь чело- вечки со мной простились и исчезли в темноте. Дорогу я помнил хорошо. Из зала попал в коридор и через прорытую нору пролез в яму. Меня, конечно, искали, так как к стене ямы была присло- нена грубо сколоченная лестница. Поднимаясь по ней, я нечаян- но зацепился карманом штанов за ступеньку. В кармане явно что-то лежало. Каково было мое удивление, когда я разглядел, что мой карман буквально напичкан драгоценностями гномов. Так меня отблагодарил маленький народец. За пять минут я доб-

рался до выхода из пещеры и долго, прищурившись от света, любовался на окружающий мир. На дворе стояла осень. Я даже не заметил, что наверху уже прошло четыре месяца. Добрался до Лысой и по Студеному оврагу – до нашей дачи. Там никого не было. Ничего никому не рассказывая, занял у соседа – дяди Леши рубль и засобирался домой. Дядя Леша, увидев меня, удивился и сказал, что со мной простились еще летом. До поляны Фрунзе дошагал пешком, а уж там уселся на трамвай. Каково было изумление матери, когда она открыла мне дверь! Прибежал с работы отец, пришел мой дружок, и я все рассказывал и рассказывал. Почему-то благоразумия хватило ничего не рассказывать о гномах. Да и кто бы в XX веке поверил в сказку? Я рассказал о блужданиях по пещере, о светящемся лишайнике, о съедобной плесени, о том, как я собирал воду, как выбрался. Молчал только о гномах и их короле. А может быть, их и правда не было, просто я очень сильно треснул голову о сталактит. Постепенно мне так и стало казаться. Мешочек, в который я положил сокровища, спрятал в старый чулан.

Прошло много лет. Я поступил, окончив школу, в медицинский институт. Воспоминания о прошлом погасли. Даже Олежке я не рассказывал о пещерном народе. На пятом курсе института надумал я жениться. Денег в семье, как всегда, не хватало. И, однажды, взяв паспорт и достав из потайного мешочка пару безделушек, я отправился в комиссионный магазин. Там долго рассматривали украшения, вызывали эксперта, а потом сказали, что их сделали не на земле и даже пригрозили вызвать милицию. В общем, я насилу унес ноги. Безделушки до сих пор у меня.

Я похож на царя, который сидит на сундуке с драгоценностями и не может ими воспользоваться. Все было бы ничего, если бы по ночам иногда мне не снилась пещера, гномы и их сокровища.

РЕАЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Сразу же скажу, что я не турист, не грибник, не настоящий рыбак, но природу во всех ее проявлениях всегда любил. Не чужд был ночевкам на природе, до сих пор собираю грибы, да и рыбалка всегда вызывала во мне необъяснимый трепет. Четыре года назад меня, как на грех, парализовало, да так неудачно, что до сих пор еле хожу, а говорю совсем плохо. Сижу я как-то прошлой зимой перед телевизором, смотрю «Клуб путешествий» и думаю: «Везет же людям! Везде побывали, весь мир посмотрели и, главное, даже в наши времена находят место приключениям!» И так вдруг стало обидно, что я обречен остаток своей жизни просидеть перед «ящиком», так мои дети называют телевизор. Прошло несколько дней, а чувство жизненной неудовлетворенности так и не отпускало. И стал я, ничего не говоря домашним, готовиться в путешествие. Первым делом решил, реально оценив свои возможности, выбрать маршрут. Самым простым и интересным была дорога по Заволжью. Готовился я исподтишка весь март и апрель. Со своей жалкой инвалидностью накопил около 50 пакетов «быстросупа» и каши «Быстров». Насобираю старого картофеля, лука и немного моркошки. Взял топорик, котелок, подстилку и два набора удочек. Стояла уже 3 декада теплого мая. Разлив был в том году не очень большой и вода уже скатилась в свое обычное русло. Последний раз я был на природе, наверное, лет семь назад. Меня толкало вперед и то, что я боялся из-за болезни больше не побывать с ночевкой около реки. И вот ранним утром я все сложил в вещевой мешок, с большим трудом приспособил его за спиной и отправился из дома. Доковылял до остановки «полтинника» – так зовут между собой автобус № 50. Доехал до остановки «Поляна им. Фрунзе», пересел на автобус, кажется, 6-го маршрута и спустился на нем до Волги. По широкой каменной лестнице спустился да самого берега и на переправе

встал в длиннющую очередь перед окошком кассы. У меня было около 70 рублей карманных денег и, прождав минут 20, я оставил очередь. Спустился к воде и за тридцатку договорился с мальчишкой-лодочником о переправе. Мальчишка оказался весьма смышленным и нацепил на меня спасательный жилет. Это было совсем не лишним, так как сейчас я плаваю под водой не больше 10 метров. Мы взяли на борт лодки еще трех пассажиров и отвалили от берега. Мотор «Вихрь» работал исправно, вода, повесенному мутная, поблескивала на солнышке. Перевалили через Волгу, прошли устье Воложки и уже увидели вверху пристань. Ничто не предвещало беды. И вдруг, наш «Прогресс» словно споткнулся о топляк, которых видимо-невидимо по весне. Многие волжане даже собирают эти топляки, сушат и распиливают на дрова. Это я вспомнил позже, а тогда барахтался в довольно прохладной воде. Хорошо, что парнишка еще нацепил на меня спасательный жилет. Я еще успел заметить, что все вроде бы живы и держатся за край перевернувшейся лодки. Два раза перевернулся, пока не стал на воде почти вертикально. До берега было вроде бы близко, не больше 100 метров, но учитывая, что пловец я сейчас никудышный, проплавал наверное минут двадцать. Последние метров пятнадцать я встал на ноги и поковылял к берегу. Замерз отчаянно. Хотя мешок с продуктами остался цел, но спички, конечно, промокли. И вот я выбрался из воды, увидел еще, что лодка с пристани моих бывших товарищей спасла, и побрел к пристани. До нее было не больше 300 метров. В кроссовках омерзительно хлюпала вода, мокрая одежда облепила тело и совсем не грела. Клацая зубами, добрел до пристани. Старая овчарка, как будто что понимает, отказалась меня есть. Уже через 10 минут я грелся на дебаркадере у электрического камина. Женщина-матрос поила меня горячим чаем. Я разделся, разулся и развесил свои шмотки вокруг камина. Вскоре ко мне присоединились все

спасенные. Парень-перевозчик, видать, предвкушая встречу с отцом, очень жалел об утопленной лодке. Через час я нацепил еще не высохшую одежду, отказался ехать обратно на «Москвиче», купил аж три коробки спичек и побрел по берегу. Было тепло, и на берегу уже жалили комары. На высоком берегу шумели сосновые посадки и редкие кусты ивняка. Я первым делом насобираю сушняка. Благо, по весне в нем не было недостатка. Нашел бумагу, на самом берегу – несколько листочков бересты. Наломал тонких сухих веточек. Все сложил горкой и уж потом «шалашиком» обложил сухими ветками. Зажег, как говорится, с первой спички. Костерок запылал, после в него полетели более толстые ветки. Вокруг костра вбил несколько рогулек, положил на них длинные палки и развесил еще раз свою одежду. Теперь уж все высушил капитально. Одедся и побрел по тропинке в глубь леса. В полукилометре от берега отважно трепетал на ветерке листьями осиновый перелесок. Как-то здесь собирал маслята. Но было еще не их время. Зато совсем неожиданно в перелеске я нашел штук двадцать конических башенок сморчков. Насобираю грибов и вернулся к своему бивуаку.

Было уже часов шесть, время промелькнуло незаметно. Нашел и притащил к костру пару сухих стволов, принялся кашеварить. Набрал в кастрюльку волжской воды, высыпал туда два пакета быстросупа, крошил пару картофелин. Все довершило несколько сморчков. Это в строчках, говорят, есть гельвеловая кислота, и чтобы ее уничтожить, грибы требуется сначала отваривать. Здесь я не боялся и заварил все вместе. Картошка и все остальное сварилось минут за пятнадцать. Это был, конечно, самый простой вариант «хлебова», но мне, почему-то, показался очень вкусным.

Похлебал, насытился и стал размышлять, уже не хлопотно, сытно и даже как-то лениво. Жизнь казалась прекрасной. О ката-

строфе я даже не хотел вспоминать. Потрескивали дрова в костерке, вертикально вверх поднимались искры. Уже сгущались сумерки, и я стал задумываться о ночлеге. Майские ночи хотя и теплые, но еще довольно свежие. Что же я придумал? Сгрёб немного в сторону костерок, а на его бывшем месте топориком вырубил в земле лежбище. На дно уложил просохшую подстилку. Получилась очень удобная и теплая берлога. Совсем свечерело. Светился огнями на другом берегу город. Угадывалось примерно даже место моего дома, но город, как и жизнь в нем, были где-то совсем далеко и существовали как бы совсем изолированно от моей теперешней жизни. Сходил на берег, помыл котелок и набрал еще воды. Повесил котелок над огнем, и вода вскоре забулькала. Заварил чаек, налил в кружку и уселся любоваться на Волгу, попивая чай и закусывая его карамельками.

Жизнь на реке сейчас совсем не походила на прежние времена: реже тарахтели моторы, совсем не стало пароходов. Но река всегда остается рекой. Остро потягивает от воды смолой. Тихо плещутся речные струи. Еле угадывается на противоположном берегу Лысая гора. Где-то под ней два огонька рыбацких костров, видимо, такие же горемыки, вроде меня, коротают время у огня. Тихо-тихо, но вдруг прострекотал мотор лодки. А вот на фарватере заиграли топовые огоньки сухогруза. Сижу, попиваю чаек и вспоминаю, как сам раньше плывал на теплоходе, как уже ночью он проходил через шлюзы. В общем, при кажущейся дремоте, река работает круглосуточно.

Прогревала нагретая костром земля. Мелькали в ночном небе летучие мыши, шуршали в кустах какие-то мелкие зверушки. Я опустил на покрывало, закутал голову от комаров и задремал. Во сне мерещилось вчерашнее крушение, прежние рыбалки и приключения. Я поймал себя на мысли, что в первый раз за «больную» жизнь на ночевке. Разбудила меня утренняя свежесть

и легкий ветерок от воды. Над Волгой стелился туман, но вер-хушки Сокольных гор золотились в лучах восходящего солнца. Моей целью не была рыбалка, и я опять плотней укутался в по-крывало. Полежал с полчасика и понял, что больше не засну. День разгорался. Дома в городе как-то золотились, а темная вода реки парила и периодически сплеталась водоворотами. Быстро разжег костерок, сварил кашу «Быстров», поел и засоби-рался. Убрал все кругом, вырезал походную палочку, закинул за спину рюкзак и побрел в глубь пока еще изведанной территории. Дошел до знакомой туристической базы «Плес», обогнул ее и пошел да-лее по направлению к Подгорам. Через час доковылял до длин-ного озера Житковское. Обошел его со стороны горы и заша-гал вдоль озера. Это очень красивое озеро. Когда мы с женой еще были молодыми, а наша дочка маленькой, мы однажды ездили на него с палаткой. Было в лугах множество цветов, дикого лука, щавеля. Я пытался рыбачить, но полчище комаров загнало нас сначала в палатку, а позже – на пристань и в город. Я мог бы уйти в горы, но сейчас выбирал более ровную дорогу. Еще через час немного притомился и уселся на берегу озера. Вдалеке, на луго-вой стороне, паслось стадо. Коровы лениво обмахивались хво-стами и пробирались к водопою. Я вырезал ивовое удилище и уселся делать удочку. Рыбалка обещала не столько добычу, сколько отдых и простое созерцание. Готовые удочки не совсем профессиональны, но очень удобны для таких рыбаков, как я. Уселся я на бережку, намял мякиша, насадил и забросил. Вся бе-да была в том, что все делать мне приходилось левой рукой. Так вот, забросил я свою удочку и уже минут через пяток снимал с крючка сорожечку сантиметров в 7. За ближайший час я натаскал таких же рыбок штук с десятков. Выпотрошил, как мог, обложил поплотней крапивой и засунул в мешок. Солнышко уже стояло в зените, и я засоби-рался дальше. Вскоре добрел до села Подгоры.

В некоторых домах топились печи, но все это было на другой стороне озера. Шел и время от времени срывал то луковку от дикого лука, то листочек щавеля. Озеро протянулось почти до Волжского берега. Пройдя немного через прибрежные заросли, оказался опять на берегу Волги где-то напротив Красной Глинки. Правда, между Волжских берегов простирался симпатичный и довольно большой остров Зелененький. Он тянулся от Студеного оврага до самой Красной Глинки. Когда-то до войны именно здесь должны были построить Волжскую ГЭС. С того места, где я стоял, можно было рассмотреть все Сокольи горы. Сзади над водой нависали Жигули с горой Менчиха. Пошел по кромке леса, там шла утоптанная тропинка. Погода стояла летняя, хотя вода в реке была еще прохладной. Смотрел на Зелененький, и отчетливо вспомнился случай из детства.

Стояло тогда лето 1963 года. Не была еще построена Саратовская ГЭС. Волга в наших краях была заметно мельче, и мыс от Зелененького чуть не на 400 метров не доходил до Студеновского берега. Мы перешли в тот год в одиннадцатый класс. Купались, загорали. В друзьях у меня был Сашка, одноклассник, живший на Сорокинских дачках по соседству с нами. Он был спортивный парень, пловец. И вот с ним мы решили поплыть на Зелененький. День был жаркий, июльский. Парило. Я был, правда, не особо хорошим пловцом, и Сашка из солидарности телепался рядом. Плохо или хорошо, мы приплыли на косу острова, она вся была покрыта неглубокими, вроде луж, озерками. Где-то над Управленческим клубилась туча, сине-черная сверху и с белыми языками внизу. Туча быстро приближалась, и не прошло даже пяти минут, как нас накрыл сильнейший ливень с градом. Прятаться было негде, и примерно минут двадцать мы бросались плашмя в лужи-озерки и ныряли в них с головой. Только так можно было спастись от крупнящего града. Ливень быстро налетел и быстро

прошел. Мы слегка отдышались и засобирались к себе на берег. Странно, если с берега остров казался близким, то сейчас был весьма далеким. Вода после града была значительно холодней. Но делать было нечего, и мы погребли назад. Сознаюсь, что я тогда здорово устал. Одежда на берегу вся промокла, и мы до самой дачи пробежали бегом.

Пока вспоминал, почти добрался, как говорят местные знатоки, до Гаврюхи. В лощине, невдалеке от берега – психиатрическая больница и спортивный лагерь медицинского института. Решил еще одну ночь провести на реке. Собрал дрова для костра, оборудовал себе стойбище и принялся варить уху из пойманных рыбок. Похлебал ухи, попил чайку. Сел и долго смотрел на реку. Мне неоднократно приходилось ночевать на Самарке у села Борское. Но я заметил, что природа у Борского совсем не похожа на Волжскую пойму. Здесь не было таких зарослей ивняка, да и осокори тут более мощные. Может быть, виноваты масштабы, но в Борском чувствуешь большую близость с природой. Зато где еще увидишь огни теплоходов, услышишь стрекот моторок и шум от прошедшего судна. Где-то около одиннадцати пробежали вниз два пассажирских теплохода. На корме звучала музыка, там танцевали. Еще одна мысль сидела в голове. Уже через час эти люди окажутся в городе, а я – как будто совсем в другом мире. Долго следил за пролетающим в небе спутником. Стали гаснуть огни Красной Глинки. Не заметил, как заснул. Проснулся с первыми лучами восходящего солнца. Щебетали в деревьях птицы. Быстро все сложил и потопал вдоль берега. Дорога была дальняя, что-то около 10 километров. Я раньше пробовал несколько раз ходить пешком с дачи на Волгу. Выходило около семи километров. Но ноги потом основательно гудели. Подумал, что дойду и в этот раз. На пути встретилось несколько турбаз. За Волгой уже кончились Сокольи горы, открылся вид на устье Сока. Еще пара километров – и остался по-

зади Царев Курган. Где-то вдалеке просматривалась турбаза, значит, до Ширяева около четырех километров. Я решил отдохнуть и перекусить. Недалеко от берега был приткнут, наверное мальчишеский, небольшой плот. Я разулся и перелез на него. У самого края плота стояла удобная табуретка, и я уселся на нее. Развязал рюкзачок, достал луковицу, хлеба и опять же карамелек. Зачерпнул из Волги воды. Принялся сначала за лук, потом все закончил хлебом с конфетками. Пожевал и задумался. Мерно журчала вода, солнечные блики бегали по ней. Совсем распогодилось, и я снял рубашку, подставив солнышку свое уже начавшее немного ссыхаться тело. Над головой шумели молодой листвой на дубах и осокорях крутолобые Жигули. В Ширяеве меня ожидала встреча с домиком И.Е. Репина, который черпал у нас многие сюжеты для своих картин. Сидел я, размышлял и не заметил, как от прошедшего катера набежали волняшки. Они закачали плот и оторвали его от берега. Когда я это заметил, плот уже был метрах в пятнадцати от берега, и я побоялся прыгать в воду. Решил обойтись без паники. Какая-никакая – еда была со мной. Плот колыхался на воде, но держался уверенно. Кроме этого, на нем лежал шест, и я мог им немножко подгрести и отталкиваться. Приключение продолжалось...

Начался обратный отсчет расстояния. Плот плыл медленно, что-то километра три в час. Я шестом, как мог, помогал плоту держаться возле берега, решив не приставать. Как при обратной киносъемке, проплыли мимо меня Жигули, а потом – Гаврилова поляна. Уже вечерело, и я боялся, как бы на меня ночью кто-нибудь не наехал. На плоту мне удалось насобирать немного веточек, коры. Топориком удалось немного нащипать щепок. Я их поджег и почти всю ночь поддерживал маленький костерок. Вся наступившая ночь была проведена в постоянном бдении – поддерживал огонь в костерке, греб поближе к берегу, не забывал о

еде. Звезды сияли ярко, проплыли тени Жигулей, вдалеке засветились огни города. От утреннего ветерка я продрог. В тумане утра проплыли мимо истоки Воложки и острова напротив города. Чем ближе город и наступающее утро, тем чаще стали попадаться лодки и катера. Когда доплыл до спуска лейтенанта Шмидта, от берега отвалила первая грузовая самоходка. Течение ближе к Прорану усилилось, и в районе улицы Полевой я усиленно принялся грести. Удалось внедриться между двух песчаных островов. Здесь, в заводи, течение было помедленнее.

Когда-то давным-давно мы с моим другом, Кузьмичом, здесь рыбачили в марте. Помню, тогда мы загорели на солнышке, надышались весенним воздухом и поймали трех ершей. Когда вернулись домой, умудрились сварить из них уху, которую сдобрили бутылочкой крепкого бесцветного напитка. В общем, воспоминание о той рыбалке прошло через всю мою жизнь.

Из последних сил догреб до берега. Последние метры отталкивался шестом от дна. Кое-как спустился с плота. Взял свои вещи и уселся отдыхать на берегу. Еще мальчишкой я в этом месте часто зимой переходил Волгу. Шел на Щучье озеро, катался с берега на лыжах, а позже увлекся рисованием и пытался рисовать Заволжье. Короче говоря, взял билет на первую «ПСКУ», или, как называют эти катерки, «калошу». На остановке «Полевая» сел на автобус №24 и вскоре был уже дома. Меня радостно встретили, пожурили за опоздание.

Я ни кому не рассказывал о своих приключениях. В глубине души ни о чем не жалел. Ведь может быть, последний раз ночевал на природе. А вскоре я уже жил на своей любимой даче.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления	5
О времени и о себе	6
Одна глава из биографии моего детства	6
С чего все началось?	6
География моего детства	7
Истоки	8
И снова о географии.....	10
Ранние религиозно-гастрономические воспоминания.....	10
Истоки – вторая часть	12
Отступление.....	13
Топография моего детства	13
Об одном из революционных праздников	14
Раннее детство	16
«Дрында» и другие самокаты	17
Истоки. Часть третья.....	17
От детства не убежишь	19
Знакомая мне топография города.....	20
Обкомовское житье.....	21
Страна строится.....	23
О жизни в пятидесятых	23
Ностальгия по трамваю	24
На даче у бабушки.....	26
Елка	27
Школа началась	28
«Рекорд» – это радиоприемник	29
Школа продолжается	29
Город продолжает строиться	30
У деда на даче	30
Начинается дачная эпопея.....	31
Страна мужает	32
Возвращение к прошлому	33
Дачная эпопея продолжается	35
Хрущевские времена.....	38
Артек.....	40
Хрущевские времена еще не кончились.....	42
Итог хрущевской эпохи с точки зрения обычного обывателя...43	

Жизнь дачная	44
Рыбалка в моей мальчишеской жизни	44
Школьная компания	46
Вместо эпилога	47
Игры нашего времени	48
Газировка (маленькая зарисовка)	50
Марийское сидение	53
Армейские бывальщины	69
Как меня занесло в туманный Альбион (заметки случайного туриста)	86
Воспоминания пожилого гурмана (за правдивость отвечаю)	99
Немного о моем папе	107
Записки о природе	123
Еще раз о рыбалке (бывальщины не очень успешного рыболова)	123
Моя последняя рыбалка	132
о грибах	134
Потапка	149
Страшилки	151
Куница	154
Белочка	155
Хитроумная Глаша	156
Реальное рядом с фантазией	157
Клад Стеньки Разина (сказка)	157
Необычайные приключения мальчика в самой обычной жизни	159
Реальные приключения	176